

Александр ДУГИН

КОНСПИРОЛОГИЯ

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА КОНТИНЕНТОВ

Геополитика и тайные силы истории

Модели “заговора” чрезвычайно разнообразны. В этой сфере наибольшей популярностью бесспорно пользуется концепция “иудео-масонского” заговора, столь распространенная сегодня в самых различных кругах. В принципе, эта теория заслуживает самого серьезного изучения, и мы должны признать, что полного и серьезного научного анализа этой темы мы так и не имеем, несмотря на сотни и тысячи трудов как “разоблачающих” этот заговор, так и “доказывающих” его несуществование. Но в настоящей работе мы будем исследовать совершенно иную конспирологическую модель, которая основана на системе координат, отличной от “иудео-масонских” версий. Мы постараемся в общих чертах описать планетарный “заговор” двух противоположных “оккультных” сил, чье тайное противостояние и невидимая борьба предопределила логику мировой истории. Эти силы, на наш взгляд, характеризуются прежде всего не национальной спецификой и не принадлежностью к тайной организации масонского или пара-масонского типа, но радикальным различием в их геополитических ориентациях. И объяснение последней “тайны” этих противоборствующих сил мы склонны видеть именно в различии двух альтернативных и взаимоисключающих геополитических проектов, которые стоят по ту сторону национальных, политических, идеологических и религиозных различий, объединяя в одну группу людей самых противоположных взглядов и убеждений. Наша конспирологическая модель - это модель “геополитического заговора”.

Основы геополитики

Напомним основные постулаты геополитики, науки, называвшейся ранее также “политической географией”, основная заслуга в разработке которой принадлежит английскому ученому и политическому эксперту Хэлфорду Макиндеру (1861-1947). Сам термин “геополитика” был впервые употреблен шведом Рудольфом Челленом (1864-1922) и затем введен в

обращение в Германии немцем Карлом Хаусхофером (1869-1946). Но как бы то ни было, отцом геополитики остается именно Макиндер, чья фундаментальная модель легла в основу всех последующих геополитических исследований. Заслуга Макиндера в том, что он сумел выделить и постичь определенные объективные законы политической, географической и экономической истории человечества. Если термин “геополитика” появился сравнительно недавно, сама реальность, обозначаемая этим термином имеет много тысячелетнюю историю. Сущность геополитической доктрины может быть сведена к следующим принципам. - В планетарной истории существует два противоположных и постоянно конкурирующих подхода к освоению земного пространства - подход “сухопутный” и подход “морской”. В зависимости от того, какой ориентации (“сухопутной” или “морской”) придерживаются те или иные государства, те или иные народы, те или иные нации, их историческое сознание, их внешняя и внутренняя политика, их психология, их мировоззрение складываются по совершенно определенным правилам. Учитывая эту особенность, вполне можно говорить о “сухопутном”, “континентальном” или даже “степном” (“степь” - это “суша” в ее чистом, идеальном виде) мировоззрении и о мировоззрении “морском”, “островном”, “океаническом” или “водном”. (Заметим попутно, что первые намеки подобного подхода мы находим в работах русских славянофилов - у Хомякова и Киреевского). В древней истории “морской” державой, ставшей историческим символом “морской цивилизации” в целом, была Финикия и Карфаген. Сухопутной же империей, противостоящей Карфагену - Рим. Пунические войны - это чистейший образ противостояния “морской цивилизации” “цивилизации сухопутной”. В Новое Время и в новейшей истории “островным” и “морским” полюсом стала Англия, “Владычица морей” и, позже, гигантский остров - континент Америка. Англия, как и древняя Финикия, использовала в качестве основного инструмента своего владычества в первую очередь морскую торговлю и колонизацию прибрежных районов. Финикийско-англо-саксонский геополитический тип породил особую “торгово-капиталистически-рыночную” модель цивилизации, основанную в первую очередь на экономических и материальных интересах и принципах экономического либерализма. Поэтому несмотря на все возможные исторические вариации наиболее общий тип “морской” цивилизации всегда связан с “приматом экономики над политикой”. В отличие от финикийской модели Рим представлял собой образец воинственно-авторитарной структуры, основывающейся на административном контроле и гражданской религиозности, на примате “политики над экономикой”. Рим - это пример колонизации не морского, но сухопутного, чисто континентального типа, с проникновением в глубь континента и ассимиляцией покоренных народов, автоматически становящихся после завоевания “римлянами”. В Новой Истории воплощением “сухопутной” державы была Российская Империя, а также центрально-европейская имперская Австро-Венгрия и Германия. “Россия - Германия - Австро-Венгрия” суть символы “геополитической суши” в период Новой Истории. Макиндер ясно показал, что в последние несколько столетий “морская ориентация” означает “атлантизм”, так как сегодня “морские державы” по преимуществу - это Англия и Америка, то есть англо-саксонские страны. “Атлантизму”, воплощающему в себе примат индивидуализма, “экономического либерализма” и “демократии протестантского типа”, противостоит “евразийство”, с необходимостью

предполагающее авторитаризм, иерархичность и постановку “общинных”, национально-государственных принципов над чисто человеческими, индивидуалистическими и экономическими интересами. Ярко выраженная евразийская ориентация характерна в первую очередь для России и Германии, двух мощнейших континентальных держав, чьи геополитические, экономические и, самое главное, мировоззренческие интересы полностью противоположны интересам Англии-США, то есть “атлантистам”.

“Заговор атлантистов”

Макиндер как англичанин и “атлантист” указывал на опасность евразийской консолидации и, начиная с конца 19-го века, побуждал правительство Англии сделать все возможное, чтобы не допустить евразийского альянса, и особенно альянса России-Германии-Японии (Японию он считал державой с сущностно континентальным и евразийским мировоззрением). С Макиндера можно вести отсчет ясно сформулированной и подробно описанной идеологии осознанного и абсолютизированного “атлантизма”, чья доктрина лежит в основе англо-саксонской геополитической стратегии 20-го века. Исходя из этого, мы можем определить сущность агентурной работы, военного шпионажа, политического лоббизма, ориентированного на Англию и США, как “атлантистскую идеологию”, идеологию “Нового Карфагена”, которая является общей для всех “агентов влияния”, для всех тайных и оккультистских организаций, для всех лож и полужакрытых клубов, которые служили и служат англо-саксонской идее в 20-ом веке, пронизывая своей сетью все континентальные “евразийские” державы. И в первую очередь, это, естественно, касается непосредственно английской и американской разведок, особенно ЦРУ, которые являются не просто “стражами капитализма” или “американизма”, но стражами “атлантизма”, объединенными глубинной и много тысячелетней сверх-идеологией “океанического” типа. Совокупность всех “сетей” англо-саксонского влияния можно назвать “участниками атлантистского заговора”, работающими не только на интересы отдельно взятой страны, но на интересы особой геополитической и, в конечном итоге, метафизической доктрины, представляющей собой крайне многоплановое, разнообразное и широкое, но все же сущностно единое мировоззрение. Итак, обобщая идеи Макиндера, можно сказать, что существует исторический “заговор атлантистов”, преследующих сквозь века одни и те же геополитические цели, ориентированные на интересы “морской цивилизации” нео-финикийского типа. Причем, важно подчеркнуть, что “атлантистами” могут быть как “левые”, так и “правые”, как “атеисты”, так и “верующие”, как “патриоты”, так и “космополиты”, поскольку геополитическое мировоззрение стоит по ту сторону всех частных национальных и политических различий. Поэтому-то мы имеем дело с самым настоящим “оккультным заговором”, смысл и метафизическая подоплека которого часто остаются совершенно неизвестными для самих его непосредственных участников, и даже для самых ключевых фигур.

Заговор “евразийцев”

Идеи Макиндера, обнажившие определенные исторические и политические закономерности, которые и без того многие угадывали или

предчувствовали, открыли путь для ясной идеологической формулировки противоположной атлантизму чисто “евразийской доктрины”. Первыми принципы евразийской геополитики сформулировали русские белые эмигранты, известные под именем “евразийцев” (Кн. Н.Трубецкой, Савицкий, Флоровский и т.д.), и знаменитый германский геополитик Карл Хаусхофер. Более того, факты частых встреч русских “евразийцев” с Карлом Хаусхофером в Праге заставляют нас предполагать, что и немецкие и русские геополитики развивали близкие темы одновременно и параллельно. Более того, в своем анализе они следовали одним и тем же принципам, настаивая на необходимости евразийского геополитического альянса Россия-Германия-Япония в противовес “атлантистской” политике, стремящейся любой ценой противопоставить Россию Германии и Японии. Русские евразийцы и группа Хаусхофера сформулировали определенные принципы континентального, евразийского мировоззрения, альтернативного атлантистским идеям. Можно сказать, что они впервые выразили то, что стояло за всей политической историей Европы последнего тысячелетия, проследив путь “римской имперской идеи”, которая от Древнего Рима через Византию перешла к России, а через Средневековую Священную Империю германских наций к Австро-Венгрии и Германии. При этом русские евразийцы внимательно и глубоко проанализировали имперскую и в высшей степени “сухопутную” миссию Чингизхана и монголов, подчеркнув континентальную значимость тюрков. Группа Хаусхофера, со своей стороны, изучала Японию и континентальную миссию государств Дальнего Востока в перспективе будущего геополитического альянса. Так, в ответ на откровенное признание Макиндера, осветившего тайны планетарной “атлантистской” стратегии, уходящей корнями вглубь веков, русские и немецкие евразийцы в 20-ые годы, открыли логику альтернативной континентальной стратегии, тайну сухопутной “имперской идеи”, эстафету Рима, которая невидимо вдохновляла политику держав с авторитарно-идеалистическим, общинно-героическим мировоззрением - от империи Карла Великого до Священного Союза, предложенного великим русским царем Александром Первым, глубоким евразийским мистиком. Евразийская идея так же глобальна, как и атлантистская, и у нее тоже было множество “тайных агентов” во всех исторических государствах и нациях. Все те, кто “работали” не покладая рук на евразийский союз, те, кто препятствовали в течение веков распространению на континенте индивидуалистических, эгалитарных и либерально-демократических концепций (воспроизводящих в целом дух типично финикийского “примата экономики над политикой”), те, кто стремились объединить великие евразийские народы под знаком Востока, а не под знаком Запада - будь то Восток Чингизхана, Восток России или Восток Германии - все они были “евразийскими агентами”, носителями особой геополитической доктрины, “воинами континента”, “солдатами Суши”. Евразийское тайное общество, Орден Евразийцев, начинается отнюдь не с авторов манифеста “Исход к Востоку” или с “Геополитического Журнала” Карла Хаусхофера. Это было, скорее, лишь обнаружение, выход на поверхность определенных знаний, которые существовали с незапамятных времен, вместе с соответствующими тайными обществами и сетью “агентов влияния”. Равно как и в случае Макиндера, принадлежность которого к загадочным “тайным обществам” исторически установлена.

**Орден Евразии против Ордена Атлантики (Атлантиды).
Вечный Рим против Вечного Карфагена. Оккультная
пуническая война, невидимо продолжающаяся в течение
тысячелетий. Планетарный заговор Суши против Моря,
Земли против Воды, Авторитарности и Идеи против
Демократии и Материи.**

Не станут ли бесконечные парадоксы, противоречия, недомолвки и виражи нашей истории понятнее, логичнее и разумнее, если смотреть на нее с позиции оккультного геополитического дуализма? Не получают ли в таком случае бесконечные жертвы, которыми человечество расплачивается в наш век за непонятные проекты политиков, глубинное метафизическое оправдание? Не будет ли благородным и благодарным жестом признать всех павших на полях сражений XX-го века солдат героями Великой Войны Континентов, а не послушными марионетками условных и постоянно меняющихся политических режимов, преходящих и неустойчивых, мимолетных и случайных, бессмысленных до такой степени, что сама смерть ради них кажется мелкой и глупой? Другое дело, если павшие герои служили Великой Суше или Великому Океану, по ту сторону политической демагогии и беснующейся пропаганды идеологий-однодневок, служили великой геополитической цели перед лицом много тысячелетней планетарной истории.

“Кровь и Почва” - “Кровь или Почва?”

Знаменитый русский философ, религиозный мыслитель и публицист Константин Леонтьев высказал чрезвычайно важную формулу: “Славянство есть, славизма нет”. Одним из основных геополитических выводов этого замечательного автора было противопоставление идеи “панславизма” и “азиатской” идеи. Если внимательно проанализировать это противопоставление, мы обнаружим общий типологический критерий, который позволит нам лучше понять структуру и логику геополитической оккультной войны Ордена Евразии против Ордена Атлантики. Вопреки эклектическому сочетанию терминов в концепции немецкого идеолога национал-социалистического крестьянства Вальтера Дарре “Кровь и Почва”, на уровне оккультной войны геополитических сил в современном мире проблема формулируется иначе - а именно, “кровь или почва”. Другими словами, традиционалистские проекты сохранения идентичности народа, государства или нации стоят всегда перед альтернативой - что взять в качестве главенствующего критерия “единство нации, расы, этноса, единство крови” или “единство географического пространства, единство границ, единство почвы”. При этом весь драматизм заключается именно в необходимости выбора: “или - или”, а всякое гипотетическое “и” остается лишь утопическим лозунгом, не решающим, но лишь затемняющим остроту проблемы. Гениальный Константин Леонтьев, традиционалист и радикальный русофил по убеждениям, четко поставил этот вопрос: “русским надо либо настаивать на единстве славян, на славизме (“кровь”), либо обратиться к Востоку и осознать географическую и культурную близость русских к восточным народам, связанным с русскими территориями (“почва”)”. Этот вопрос в иных терминах может формулироваться как выбор между признанием верховенства “расы” (“национализм”) или “геополитики” (“государственность”, “культура”). Сам

Леонтьев выбирал “почву”, “территорию”, особость великорусской имперской религиозной и государственной культуры. Он выбирал “восточность”, “азиатскость”, “византизм”. Такой выбор предполагал приоритет континентальных, евразийских ценностей над ценностями узко-национальными и расовыми. Логика Леонтьева естественным образом приводила к неизбежности русско-германского, и особенно русско-австрийского, союза и к миру с Турцией и Японией. “Славизм” или “панславизм” Леонтьев отвергал категорически, чем вызвал возмущение многих поздних славянофилов, стоявших на позиции либо “кровь выше почвы”, либо “кровь и почва”. Леонтьев был не понят и не услышан. История 20-го века много раз доказала чрезвычайную важность поставленных им проблем.

Панславизм против евразийства

Тезис “кровь выше почвы” (в русском контексте, это означает “славизм”, “панславизм”) впервые обнаружил всю свою двусмысленность во время Первой Мировой войны, когда Россия, вступив в союз со странами Антанты, с англичанами, французами и американцами, в стремлении освободить “братьев-славян” из под турков не только стала воевать против своих естественных геополитических союзников - Германии и Австрии, - но и сама была ввергнута в катастрофу революции и гражданской войны. “Славизм” русских на деле обернулся работой на “атлантистов”, на Антанту и на тип “нео-карфагенской цивилизации”, который воплотился в торгово-колониальной, индивидуалистической англо-саксонской модели. Не удивительно, что среди “патриотов-панславистов” из окружения государя-императора Николая II большинство было сотрудниками английской разведки или просто “атлантистскими агентами влияния”. Любопытно вспомнить эпизод из романа русского патриота атамана Петра Краснова “От двуглавого орла к красному знамени”, где в разгар Первой Мировой войны главного героя полковника Саблина спрашивают: “Скажите откровенно, полковник, кого вы считаете нашим подлинным врагом?”, а он однозначно отвечает на это: “Англию!”, хотя эта убежденность не мешает ему честно и мужественно воевать именно за английские интересы против Германии, следуя долгу абсолютной и безусловной верности евразийскому Императору. Герой романа Краснова - идеальный пример русского патриота-евразийца, пример логики “почва выше крови”, которая была характерна для графа Витте, для барона Унгерна-Штернберга, для таинственной организации “Балтикум”, состоявшей из балтийских аристократов, до последнего часа остававшихся преданными царской семье (равно как остался верным царю в хаосе всеобщего предательства текинский князь со своей дивизией, описанный в том же романе Краснова). Поразительно, до какой степени мужественно и благородно вели себя в период 1917-го азиаты, тюрки, немцы и другие “инородцы”, служившие верой и правдой Царю и Империи, служившие Евразии, “почве”, “континенту”, и как это контрастировало со многими “славянами”, “панславистами”, быстро забывшими о “Константинополе” и “балканских братьях” и побежавшими из России, оставляя Царя и Отечество, в страны “атлантического” влияния, к Западному Океану, к Воде, предавая не только Родину, но великую Идею Вечного Рима, русского Третьего Рима, Москвы.

Атлантисты и расизм

В Германии утверждение идеи “кровь выше почвы” привело к не менее страшным последствиям. Вопреки немецким патриотам русофилам и евразийцам - Артуру Мюллеру ван ден Бруку, Карлу Хаусхоферу и т.д., настаивавшим на “верховенстве жизненного пространства”⁽¹⁾ на интересах континента в целом, на идее “континентального блока”, в руководстве Третьего Райха в конце концов победу одержало “атлантистское” лобби, эксплуатировавшее расистские тезисы и под предлогом того, что “англичане - арийцы и родственные немцам этнос”, стремившееся ориентировать внимание Гитлера на Восток и приостановить (или хотя бы ослабить) военные действия против Англии. “Пангерманизм” в данном случае (как и “панславизм” русских в Первой Мировой войне) работал на руку только “атлантистам”. И совершенно логично, что главным врагом России, постоянно стремившимся втянуть Германию Гитлера в конфликт с русскими, со славянами (по “расовым” соображениям, “кровь выше почвы”), был английский шпион и предатель Райха адмирал Канарис. Проблема “кровь или почва” чрезвычайно важна еще и потому, что выбор одного из этих двух терминов в ущерб другому позволяет опознать - быть может, косвенно и опосредованно - “агента влияния” того или иного геополитического мировоззрения, особенно когда речь идет о лагере “правых” или “националистов”. Сущность “геополитического заговора” атлантистов (как, впрочем, и евразийцев) в том, что он охватывает весь спектр политических идеологий от крайне правых до крайне левых, но всегда при этом “геополитические агенты влияния” оставляют свои специфические следы. В случае “правых” таким признаком потенциального атлантизма является принцип “кровь выше почвы”, который, помимо всего прочего, позволяет отвлечь внимание от фундаментальности геополитических проблем, уводя внимание вождей и правителей в сторону втростепенных критериев.

Кто чей шпион?

В качестве примера влияния оккультной геополитической идеологии на “левых” можно упомянуть евразийских национал-большевиков Германии - к примеру, немецкого коммуниста-националиста Эрнста Никиша, консервативного революционера Эрнста Юнгера, коммунистов Лауффенберга, Петеля, Шульцен-Бойсена, Виннига и т.д. Евразийские национал-большевики несомненно были и среди русских, и любопытно то обстоятельство, что сам Ленин в эмиграции стремился сблизиться именно с немецкими политиками и финансистами, а кроме того, многие его тезисы были довольно откровенно германфильскими. Мы не хотим в данном случае утверждать, что Ленин был на самом деле причастен к Евразийскому Ордену, но в той или иной мере некоторому влиянию этого Ордена он безусловно подвергся. Во всяком случае оппозиция “Ленин=немецкий шпион” - “Троцкий=американский шпион” действительно соответствовала определенной типологической схеме. Во всяком случае, на чисто геополитическом уровне действия правительства Ленина носили евразийский характер хотя бы уже потому, что он вопреки чисто марксистской доктрине сохранил единым гигантское евразийское пространство Русской Империи. (Троцкий же, со своей стороны, настаивал на экспорте Революции, на ее “мондиализации”, и рассматривал Советский Союз как нечто преходящее и эфемерное, как плацдарм для идеологической экспансии, который должен исчезнуть перед лицом планетарной победы

“мессианского коммунизма”; в целом миссия Троцкого несла на себе безусловную печать “атлантизма”, в отличие от коммунистического “евразийства” Ленина.) Сам большевистский ленинский “интернационализм” имел определенное “имперское”, “евразийское” измерение - принцип “почвы над кровью” - хотя, конечно, этот принцип был искажен и извращен под воздействием других аспектов большевицкой идеологии и, самое главное, под воздействием “агентов влияния” атлантизма в лоне самого коммунистического руководства. Суммируя все эти соображения, можно сказать, что отличительной чертой представителей Евразийского Ордена в России было почти “обязательное” германофильство (или, по меньшей мере, “англофобия”), и обратно, в Германии евразийцы “обязаны” были быть русофилами. Мюллер ван ден Брук однажды сделал очень верное замечание: “Французские консерваторы всегда вдохновлялись примером Германии, германские консерваторы - примером России”. В этом обнаруживается вся логика геополитической, континентальной подоплеки невидимой оккультной борьбы, проходящей сквозь века, оккультной Войны Континентов.

Вы сказали ГРУ, господин Парвулеско?

Единственный из западных конспирологов, постоянно подчеркивающий геополитический характер “мирового заговора” или, точнее, двух альтернативных “мировых заговоров” (“евразийского” и “атлантического”), - это гениальный французский писатель, поэт и метафизик Жан Парвулеско, автор многих литературных и философских трудов. В своей долгой и чрезвычайно насыщенной жизни он был лично знаком со многими выдающимися деятелями европейской и мировой истории, в том числе с представителями “оккультной, параллельной истории” - мистиками, видными масонами, каббалистами, эзотериками, тайными агентами различных спецслужб, идеологами, политиками и художниками. (В частности, он дружил с Эзрой Паундом, Юлиусом Эволой, Арно Брекером, Отто Скорцени, Пьером де Вильмарестом, Раймоном Абеллио и т.д..) Узнав о специфике наших конспирологических исследований, господин Парвулеско предоставил в наше распоряжение определенные полусекретные документы, которые позволили нам выяснить многие важнейшие детали планетарного геополитического заговора. Особый интерес представляют материалы, касающиеся деятельности секретных оккультных организаций в России. В дальнейшем изложении мы постараемся привести наиболее интересные моменты концепции Жана Парвулеско. 24 февраля 1989 года в Лозанне перед членами административного совета загадочного “Института Специальных Метастратегических Исследований “Атлантис”” Жан Парвулеско сделал доклад под интригующим названием “Галактика ГРУ” с подзаголовком “Секретная миссия Михаила Горбачева, СССР и будущее великого Евразийского Континента”. В этом докладе, копию которого господин Парвулеско нам передал, он проанализировал оккультную роль советской военной разведки, иначе называемой ГРУ (Главное Разведывательное Управление), и связь ГРУ с тайным Орденом Евразии. В качестве точки отсчета Парвулеско взял книгу известного специалиста в области советских спецслужб, знаменитого французского контр-разведчика и руководителя “Европейского Центра Информации” Пьера де Вильмареста, который в 1988 году выпустил во Франции бестселлер “ГРУ, самая секретная из советских спецслужб, 1918-1988”.

ГРУ против КГБ

Конспирологическая модель самого Вильмареста заключалась в следующем: “КГБ - это продолжение партии, ГРУ - это продолжение армии. Уже по своему определению, армия защищает государство, КГБ защищает партию... КГБ руководствуется принципом “патриотизм на службе коммунизма”, а армия противоположным принципом “коммунизм на службе патриотизма””. Исходя из этой логики противостояния ГРУ и КГБ как самых секретных центров двуполярной власти в СССР (армия и партия), Вильмарест строит свое увлекательное и аргументированное повествование об истории ГРУ. Тайный смысл невидимой истории СССР от Октябрьской революции до Перестройки следует искать именно в соперничестве “соседей” - ГРУ, “Аквариума” или “военной части 44388” на Ходынке, и КГБ, “конторы” на Лубянке. Как же соотносятся соперничающие спецслужбы с двумя планетарными геополитическими Орденами, еще более тайными и скрытыми, нежели самые засекреченные разведки? Согласно Парвулеско, Евразийский Орден был особенно активен в России в начале 20-го века. Его представителями он считает Санкт-Петербургского доктора Бадмаева, барона Унгерна-Штернберга, шведских тайных кураторов Распутина (подписывавших свои шифрограммы псевдонимом “Зеленый”) и целый ряд других менее известных персонажей. Следует также выделить особую роль будущего маршала Михаила Тухачевского, который, согласно Парвулеско, был посвящен в таинственный “Орден Полярных” во время его пребывания в немецком плену в лагере Ингольштадта, где поразительным образом в тот же самый период 1916-1918 мы встречаем других важнейших деятелей современной истории - генерала Де Голля, генерала фон Людендорфа и будущего Папу Пия XII, Монсеньора Еудженио Пачелли. Именно из этой группы русских геополитических мистиков позже эстафета была передана и большевицкому режиму, но в основном эзотерики континентальной ориентации группировались именно в армии, в армейских структурах, где было значительное количество бывших царских офицеров, вошедших в ряды красных, чтобы изменить в дальнейшем нигилистическую ориентацию большевиков и создать Великую Континентальную Державу, используя прагматически одержимых мессианской идеей коммунистов. При этом важно, что и среди самих красных находились некоторые агенты Евразийского Ордена, выполняющих секретную континентальную миссию. (Любопытно, что лево-анархическим оккультистом и мистиком был знаменитый красный разбойник Котовский, и определенные стороны его биографии дают основания полагать, что и в его случае были контакты с Евразийским Орденом). Таким образом, между дореволюционными и послереволюционными русскими “евразийцами” существовала непрерывная связь. Само создание Красной Армии было делом агентов Евразии, и любопытно напомнить в этом отношении исторический факт, что через двадцать семь дней после создания генерального штаба Красной Армии на Восточном Фронте 10 июля 1918 года бригада чекистов напала на него и уничтожила всех его членов, включая главнокомандующего. Жестокая война между “красными евразийцами” из Армии и “красными атлантистами” из ЧК Дзержинского не прекращалась ни на минуту с первых дней советской истории. Но несмотря на жертвы агенты Евразийского Ордена среди красных не оставляли своей миссии. Триумфом евразийцев было создание в Красной Армии в 1918 году ГРУ (Главного

Разведывательного Управления) под руководством Семена Ивановича Аралова, бывшего царского офицера и до 1917-го связанного с военной разведкой. Если более точно, то Аралов был главой Оперативного Отдела Всероглашстаба, куда разведка входила, как одна из составляющих частей. Специфика его деятельности и тот загадочный, почти мистический иммунитет, которым пользовался этот человек за все время своей жизни в периоды самых тщательных “чисток” (он умер своей смертью 22 мая 1969), а кроме того, некоторые другие детали его биографии заставляют видеть в нем человека Континентального Ордена.

Белые евразийцы - красные евразийцы

Согласно Парвулеско, русский филиал Ордена Евразийцев после Революции обосновался в Красной Армии, а еще точнее, в ее наиболее секретном департаменте - в ГРУ. Но это касалось, естественно, только “красных” евразийцев. “Белые” евразийцы в Европе примкнули по большей части к немецким националистам, и мы находим представителей этого Ордена в Абвере, а позже в иностранных секторах СС и СД (особенно СД, чей шеф Гейдрих был сам убежденным евразийцем, отчего он и пал жертвой интриги атлантиста Канариса). Революция разделила русских на “красных” и “белых”, но по ту сторону этого политического и обусловленного разделением существовало иное таинственное геополитическое деление на зоны влияния двух секретных орденов - Атлантического и Евразийского. В красной России атлантисты группировались вокруг ЧК и вокруг Политбюро, хотя ни разу вплоть до назначения Хрущева ни один откровенный “атлантист” не занимал поста Генерального Секретаря (Ленин и Сталин были “евразийцами” или, по меньшей мере, находились под сильным влиянием агентов Евразийского Ордена). Среди белой эмиграции атлантистов было не меньше, чем в самой России и помимо очевидных английских шпионов - либералов типа Керенского и других демократов и социал-демократов - даже в стане крайне правых, монархистов, атлантистское лобби было чрезвычайно сильно - к нему принадлежал даже такой “правый” философ как Бердяев и многие другие. (Подавляющее большинство русских эмигрантов, оказавшихся в США, имели отношение именно к этой геополитической ориентации.) В определенный момент, к началу 30-ых годов сеть агентуры ГРУ в Европе и особенно в Германии проникает глубоко в структуры германской и французской разведок, причем сеть ГРУ дублирует сеть агентов НКВД, а позже КГБ. Агенты ГРУ в первую очередь проникают в армейские структуры и подчас общность евразийской платформы делает людей ГРУ и других европейских разведчиков не столько врагами, сколько союзниками, сотрудниками, в секрете даже от своих правительств готовящими новый континентальный проект. И здесь речь идет не о двойных агентах, а о единстве высших геополитических интересов. Так, в Германии ГРУ входит в контакт с неким Вальтером Николаи, шефом “Бюро по еврейскому вопросу”. Благодаря ему ГРУ получает доступ к высшему руководству Абвера, СС и СД. Центральной фигурой этой сети был сам Мартин Борманн. (Этот факт был прекрасно известен союзникам после расследований, связанных с Нюрнбергским процессом, и многие из их числа были уверены, что Борманн после 1945 года скрывался именно в СССР. Доподлинно известно, что сам Вальтер Николаи действительно перешел в мае 1945-го к русским).

Пакт Риббентроп-Молотов и последующий реванш атлантистов.

В отношении Мартина Борманна, друга Риббентропа и Вальтера Николаи, сам Жан Парвулеско рассказывает одну крайне показательную историю, приоткрывающую тайны оккультной войны двух геополитических Орденов. Арно Брекер, знаменитый немецкий скульптор, который хорошо знал Борманна, рассказал Парвулеско об одном странном визите к нему в Якельсбрух. 22 июня 1941 года сразу же после нападения Германии Гитлера на СССР Борманн явился к нему без предупреждения в шоковом состоянии, оставив свой пост в Канцелярии Райха. При этом он повторял постоянно одну и ту же загадочную фразу: “Небытие, в этот июньский день, одержало победу над Бытием... Все закончено... Все потеряно...” Когда скульптор спросил, что он имеет в виду, Борманн промолчал, потом повернулся уже у двери, будто хотел добавить что-то, потом передумал и вышел, хлопнув дверью.” Это был крах многолетних усилий евразийской агентуры. Для атлантистов же дата 22 июня 1941 года была днем великого торжества: внутриконтинентальная война двух мощнейших евразийских держав между собой была залогом торжества Атлантического Ордена, причем независимо от того, на чьей стороне могла быть победа. 22 июня 1941 года для Ордена Евразийцев - событие более трагичное, нежели сама Октябрьская революция. Важно подчеркнуть, что агенты Евразийского Ордена делали все возможное, чтобы предотвратить конфликт. Подготовка к заключению в высшей степени символического пакта “Риббентроп- Молотов” (оба, кстати, были убежденными евразийцами), активно велась с обеих сторон в течение долгих лет. Уже в 1936 году Сталин, окончательно ставший на рубеже тридцатых на сторону Ордена Евразии, дал Берзину, начальнику ГРУ (Берзин был исключением из правила и агентом атлантизма, возглавлявшим евразийскую организацию и работавший при этом на НКВД) приказание: “Прекратите немедленно всякую активность против Германии”. (Надо заметить, что Берзин проигнорировал это приказание). В 1937 Гейдрих и Гиммлер в тайном донесении уверяли Фюрера, что “Германия не является более мишенью для деятельности Коминтерна, а также для других советских подрывных действий”. Пакт Риббентроп-Молотов был пиком стратегического успеха евразийцев. Но в последний момент Силы Океана одержали верх. Евразийцы в ГРУ и, шире, в армии - Ворошилов, Тимошенко, Жуков, Голиков и т.д. - до последнего момента отказывались верить в возможность войны, так как серьезность влияния евразийского (а значит, русофильского) лобби в Третьем Райхе им была прекрасна известна. (Национал-социалистическую анти-славянскую пропаганду они считали столь же несущественной и поверхностной, как и марксистскую демагогическую интернационалистскую риторику в СССР). Генерал Голиков (скрывший свое дворянское происхождение и подлинную дату рождения, а также свою истинную биографию по мотивам чисто “евразийской”, орденой конспирации) даже закричал на подчиненных, получив сведения о переходе немцами советской границы: “Английская провокация! Расследовать!” Он не знал еще в этот момент того, что уже знал Мартин Борманн: “Небытие одержало победу над Бытием”.

Контурь Атлантического лобби

Тайный Орден Атлантики имеет древнейшую историю. Некоторые авторы-традиционалисты возводят его к древнеегипетским инициатическим обществам и особенно к секте почитателей бога Сета, символами которого были Крокодил и Бегемот (т.е. водные животные), а также Красный Осел. (См. Ж.Робен “Тайные общества на апокалиптическом randevu”, Ж.-М. Аллеман “Рене Генон и Семь башен дьявола” и т.д.). Позже секта Сета слилась с различными финикийскими культами, особенно с кровавым культом Молоха. Согласно французскому конспирологу XIX-го века Клоду Грасе д’Орсе, эта секретная организация существовала и в много веков спустя после гибели финикийской цивилизации. Она носила в Средневековой Европе название секты “менестрелей Морвана”, чьей эмблемой была “Танцующая Смерть”, *Dance Macabre*. Грасе д’Орсе утверждал, что Реформация Лютера была проведена по указанию этой секты и что протестанты (особенно англо-саксонские и французские) до сих пор находятся под ее воздействием. Жан Парвулеско полагает, что Джузеппе Бальзамо, знаменитый Калиостро, был одним из важнейших агентов именно этого тайного Ордена, вышедшего на поверхность в конце XVIII-го века под маской иррегулярного “египетского” масонства обряда Мемфис, позже Мемфис-Мицраим. Такая символическая предыстория атлантистов характеризует сущность их геополитической и культурно-экономической стратегии. Смысл ее сводится к акцентированию “горизонтальных” ценностей, к выдвиганию на первый план низших аспектов человеческого существа и общества в целом. Это не значит, что атлантизм тождествен вульгарному материализму, но как бы то ни было, “материальный”, чисто экономический, торговый аспект человеческой деятельности занимает в нем центральное место. Сведение системы ценностей к чисто человеческому уровню предполагает индивидуализм и радикальный антропоцентризм, свойственный атлантизму во всех его проявлениях, и параллельно этому сведению с необходимостью возникает характерный “атлантический” скептицизм и депрессивная ирония по отношению к идеальному, сверхчеловеческому измерению жизни. Действительно, образ Красного Осла и Танцующей Смерти прекрасно отражают сущность “атлантического” скепсиса. И по странной логике истории наиболее радикальные формы протестантского, индивидуалистического, критического общественного и религиозного сознания действительно после реформы Лютера “притягивались” как магнитом к атлантическим регионам - к Англии и еще дальше на Запад, еще глубже в Атлантику - к Америке, где нашли благодатную почву самые крайние формы радикального протестантизма в лице баптистов, квакеров и мармонов. (Ж.М. Аллеман отмечал символическое совпадение: Христофор Колумб отправился в свое атлантическое путешествие, завершившееся открытием Америки, из порта Кадис, который был исторически важнейшим центром финикийских колоний на иберийском полуострове.) Но закрепление Ордена Атлантики на Крайнем Западе и создание особой сугубо атлантической цивилизации в США по проекту именно этого Ордена являлись лишь промежуточным этапом в планах “нео-карфагенских” атлантистов. Следующий стратегический шаг состоял в экспорте атлантической модели на другие континенты, в геополитической колонизации всей планеты, в перенесении Запада в мистическом и геополитическом смысле на весь мир, включая, естественно, и сам Восток. Поэтому сеть атлантической агентуры в государствах Евразии не только преследовала оборонительную цель (ослабление альтернативной геополитической силы), но и предполагала

наступательные действия. Авангардом “атлантизма” в Евразии стали “левые”, “анархические” подрывные движения, хотя и в их среде всегда существовала внутренняя евразийская оппозиция. Однако “экономический социализм” и “коммунизм” в их теоретическом и чистом виде следует признать формой “атлантистской” пропаганды, политико-социальными масками для тайного Ордена Красного Осла. Если принять во внимание специфику геополитических и оккультных доктрин атлантического полюса, то станет совершенно понятным, почему “левые” подрывные движения так поощрялись англо-саксонскими державами в континентальных европейских и евро-азиатских странах, в то время, как и в Англии, и особенно в Америке, “коммунисты” и “социал-демократы” составляют ничтожный процент. Для атлантистского лобби “левые” всегда были пятой колонной в Евразии. Отсюда и такая естественная гармония русских атлантистски настроенных коммунистов и англо-саксонских капиталистов, которая часто ставит в тупик внешних исследователей и историков, недоумевающих по поводу такого полного взаимопонимания “классовых врагов” - “мессианских” большевиков с их диктатурой пролетариата и банкиров Уолл-стрита с их культом Золотого Тельца. Тайное общество Танцующей Смерти, Красного Осла, “менестрели Морвана”, братство Океана - эти образы помогут нам постичь логику всемирного атлантистского лобби, которое стремится не только защитить свои “острова”, но и превратить в “Карфаген”, в единый всеобщий “человеческий рынок”, всю планету.

КГБ на службе “Танцующей Смерти”

Пьер де Вильмарест метко определил ЧК (ОГПУ, НКВД, КГБ) как “продолжение партии”. Еще точнее было бы сказать, что это секретный центр партии, ее интеллект и ее душа. Жан Парвулеско дополнил это определение оккультным геополитическим измерением. Согласно Парвулеско, КГБ - это центр наиболее прямого воздействия Атлантического Ордена, Ордена Танцующей Смерти. КГБ - прикрытие для этого Ордена. Об оккультной подоплеке этой организации догадывались многие. Некоторые даже говорили о наличии в КГБ тайной организации парапсихологических исследований, о так называемом черно-магическом “Обществе Вия”, где проходили, якобы, посвящение все руководящие деятели СССР. Однако слухи о загадочном “Обществе Вия”, скорее всего, являются упрощенным и гротескным описанием реальности намного более тонкой и более глубокой, так как оккультная миссия КГБ отнюдь не сводится к магическим или парапсихологическим опытам, к которым, заметим, эта организация действительно всегда проявляла какой-то ненормальный, повышенный интерес. КГБ изначально строился как чисто идеологическо-карательная структура, призванная надзирать над подчиненным коммунистам социальным и культурным пространством. Коммунисты в их идеологическом, мессианском, марксистском измерении всегда вели себя по отношению к евразийскому населению подчиненных им регионов как колонизаторы, как пришельцы, сохраняя всегда идеологическую дистанцию от нужд, потребностей и интересов коренного населения. На уровне чисто “идеальном” они стремились навязать евразийским народам противоестественную для них экономико-центрическую модель, для чего им необходимо было использовать аппарат репрессий. ЧК (НКВД, ОГПУ, КГБ) была изначально пародийным “рыцарско-идеологическим” орденом, призванным карать автохтонов и подавлять их естественные почвенные

проявления. ЧК (и КГБ) также исповедовала тезис “кровь выше почвы”, но уже в совершенно извращенном, кроваво-садистском варианте, как тревожное воспоминание о кровавом культе финикийского Молоха, с которым атлантистская агентура была типологически и генетически связана. ЧК-КГБ всегда служили “Танцующей Смерти”, и многие парадоксы и невероятные по своей нечеловечности истории, связанные с этой мрачной организацией, станут более понятными, если мы примем в расчет не только метафорическую, но оккультно-эзотерическую связь этого Ордена с древнейшими ближневосточными культурами, чьи адепты никогда не прекращали существовать в действительности, продолжая свою тайную цепь через секретные европейские и ближневосточные организации атлантистского типа.

Конвергенция разведок и “полярная миссия ГРУ”

ЦРУ, как инструмент американского атлантизма, типологически принадлежит к той же самой конспирологической категории. Более того, у истока этой организации стояли видные деятели американского масонства, которое, кстати, масонами Европы считается иррегулярным, то есть еретическим и сектантским. (Следует, впрочем, задаться вопросом, а есть ли в США вообще что-либо в сфере религии или метафизики, что не было бы еретическим и сектантским?) ЦРУ так же, как и КГБ всегда было равнодушно к магии и парапсихологии, и в целом его роль в современной цивилизации вполне сопоставима с ролью КГБ, хотя кроваво-садистская сущность в данном случае не столь очевидна. ЦРУ (и его предшественники) совместно с английской разведкой с начала века покрыли Евразию сетью своей агентуры, которая постоянно влияла на ход исторических событий в атлантистском ключе. В некотором смысле, вполне можно говорить о “конвергенции спецслужб”, о “слиянии” КГБ и ЦРУ, об их лоббистском единстве на геополитическом уровне. Именно этим объясняется такое обилие так называемых “советских шпионов” в высших регионах власти Америки, начиная с Хисса и кончая Резерфордом, передавшим, согласно некоторым авторам, проект водородной бомбы советским ядерщикам. (Возможно, кстати, что именно через атлантистское лобби советско-американских ученых-ядерщиков, академик Сахаров познакомился с мондиалистскими проектами анти-евразийской ориентации, которые легли позже в основу его социально-политических и футурологических воззрений.) Следует заметить, что дублировавшая сеть агентов КГБ в США и других англо-саксонских странах сеть агентов ГРУ находилась в постоянном тайном конфликте с агентурой “соседей” с Лубянки, и учитывая радикальное противоречие геополитической и даже метафизической ориентации этих двух советских тайных структур, логично было бы предположить, что реальным и единственным противником ЦРУ были агенты ГРУ, а отнюдь не КГБ. Конвергенция разведок, как и перестроечная конвергенция советских коммунистов высшего эшелона с американскими мондиалистами, основываются на единстве фундаментальной геополитической ориентации, на единстве тайной структуры, которая управляет и атлантистами Запада и атлантистскими агентами на Востоке, занимающими, подчас, самые высокие посты в государственной и политической номенклатуре. Но полному и откровенному слиянию этих двух филиалов Ордена Танцующей Смерти до

поры до времени препятствовали усилиям альтернативного евразийского лобби, генетически связанного с ГРУ и советским Генштабом, но включающего в свою сеть многие европейские и азиатские разведывательные структуры (особенно немецкие, французские - связанные с секретными геополитическими проектами генерала Де Голля - арабские и т. д.), объединенные служением альтернативному Ордену, Ордену Евразии, называемому иначе обществом “менестрелей Мурсии” или полярным “орденом Гелиополиса”, Ордену Аполлона, солнечного победителя Змея-Пифона, того Змея, которого греческая традиция отождествляла с египетским богом Сетом, с Красным Ослом.

Вспышки и эклипсы Евразийского Солнца

Проследим в общих чертах перипетии оккультной войны Евразийского Ордена против Ордена Атлантики внутри советской системы. Как мы сказали в предыдущих главах, Ленин в целом придерживался евразийской ориентации. Характерно, что при нем ГРУ создал и возглавил откровенный евразиец Семен Иванович Аралов. Именно Аралов заложил в структуру этой тайной армейской организации евразийские континентальные принципы, сгруппировав вокруг себя наиболее ценных и дееспособных “братьев Евразии”, которые, подобно ему самому, перешли к красным для осуществления особой метаполитической миссии. Любопытно, что в начале 60-ых Аралов выпустил книгу под выразительным названием “Ленин вел нас к победе”. Надо уточнить здесь одну важную деталь: так называемая “ленинская гвардия”, несмотря на политическую близость к Ленину, на уровне геополитическом принадлежала в подавляющем большинстве случаев к альтернативной, атлантической геополитической ориентации. Именно “ближайшие соратники Ленина”, а отнюдь не “честолюбивый тиран Сталин” (как многие ошибочно считают сегодня), стояли за его отстранением от руководства страной. Конец ленинского правления знаменовал собой переход власти в руки атлантистов, и действительно, мы наблюдаем в период второй половина XX-ых - первой половины 30-ых значительное улучшение отношений СССР с англо-саксонскими странами и в первую очередь с США. Параллельно этому мы видим и симптоматичные перестановки кадров в ГРУ. На место евразийца Аралова назначается атлантист и чекист Берзин, создающий свою агентурную структуру с опорой на Коминтерн и коммунистических фанатиков, т.е. на атлантистские элементы. Но Берзину так и не удается целиком изменить ориентацию ГРУ. Структуры, созданные Араловым, достаточно сильны и, одновременно, гибки, чтобы сдать без боя. Тем более, что несмотря на все атаки ЧК-НКВД на армию, военные обладают значительной властью и опекают свою интеллектуальную геополитическую элиту в лоне ГРУ. Любопытно обратить внимание на одну деталь - все руководители ГРУ до начала Великой Отечественной войны, сменившие Аралова, были расстреляны. Перечислим их: О.А. Стигга, А.М. Никонов, Я. К. Берзин, И.С. Уншлихт, С.П. Урицкий, Н.И. Ежов, И.И. Проскуров. Все они (кроме генерала Проскурова) были неармейскими кадрами, все они работали против евразийской идеи, но это не мешало тому, что ГРУ оставалось чисто евразийской организацией, тайно двигавшейся к осуществлению великого континентального проекта. Отставка Берзина в 1934 году, после 9-летнего пребывания на посту главы ГРУ, означала серьезный перелом в оккультной войне за кулисами советского руководства. Приход Гитлера к власти

необычайно усилил позиции “континентального лобби” в советском руководстве. С 1934 агентура ГРУ начинает готовить германо-русский стратегический союз, имевший своей кульминацией пакт Риббентроп-Молотов. Сталин окончательно обнаруживает свою приверженность евразийской ориентации, полагая, что анти-атлантические тенденции национал-социализма, отвлекут на себя внимание англо-саксонских держав и что в такой ситуации можно, наконец, сделать ход по уничтожению мощного “атлантического” лобби внутри СССР. Начинается уничтожение “ленинской гвардии”. Все сталинские процессы, порой кажущиеся абсурдными и совершенно безосновательными, на самом деле, были глубоко обоснованы на геополитическом уровне. Все “правые” и “левые” заговоры были чистой реальностью, хотя прямо назвать своим именем и обвинить все “атлантистское лобби”, действовавшее уже давно в советском руководстве Сталин так и не решился. Видимо, у него были причины опасаться страшной и жестокой реакции. Поэтому он вынужден был маскировать свои претензии к той или иной группе высокопоставленных кадров “условными” обвинениями и иносказательными ярлыками. Пласт за пластом уничтожались Сталиным агенты влияния “Нового Карфагена”, но и обратная реакция была необратимой. Особенно серьезным ударом по евразийскому лобби было уничтожение главы ложи “Полярных” в лоне Красной Армии маршала Тухачевского. Хотя и в этом случае месть атлантистов Тухачевскому и все претензии, предъявлявшиеся к нему, были глубоко обоснованы, но только в перспективе сугубо “атлантистской”, в контексте анти-евразийской диверсии.

После “победы”

Нападение Гитлера на СССР была великой евразийской катастрофой. После страшной братоубийственной войны двух геополитически, духовно и метафизически близких, родственных народов, двух анти-атлантически ориентированных режимов, России Сталина и Германии Гитлера, победа СССР была, на самом деле, равнозначна стратегическому поражению, так как весь исторический опыт показывает, что Германия никогда не примиряется с поражением, а значит, победитель уже самим фактом своей победы завязывает узел нового грядущего конфликта, сеет семена грядущей войны. Кроме того, Ялта заставила Сталина солидаризоваться с Союзниками, то есть с теми державами, которые всегда были заклятыми врагами Евразии. Сталин, прекрасно понимающий геополитические законы и уже сделавший свой евразийский выбор, не мог не отдавать себе в этом отчета. Сразу же после поражения Германии Сталин стал реализовывать новый геополитический проект, Варшавский Договор, объединение стран Восточной Европы под знаком Великой Советской России. И тут же возникли первые конфликты и разногласия с атлантистами. До 1948-го года Сталин еще скрывал свои континентальные намерения и даже одобрил создание государства Израиль, что было важнейшей стратегической акцией Англии (и шире, атлантизма) по укреплению своего военного, экономического и идеологического влияния на Ближнем Востоке. Но уже в 1948-ом году, пользуясь помимо всего прочего усилением внутривосточных позиций армии (Жуков, Василевский, Штеменко и т.д.), Сталин вернулся к ортодоксальной евразийской геополитике, возобновил анти-атлантические чистки в советском руководстве и послал “проклятие” Израилю как анти-континентальной формации, порожденной

“англо-саксонскими шпионами”. Станным образом смерть Сталина совпала с наиболее драматическим и напряженным моментом в реализации его евразийских планов, когда стала актуальной перспектива нового континентального союза - СССР-Китай, что могло в корне изменить логику планетарной расстановки сил и принести реванш Великому Ордену Евразии. Если учесть эти соображения и геополитические аспекты после-сталинского курса СССР, то версия об убийстве Сталина (выдвигаемая многими европейскими историками) станет более чем правдоподобной. Причем главная роль НКВД и его шефа, зловещего Берии, заклятого врага ГРУ, Генштаба и Евразии, в предполагаемом убийстве Сталина отмечается большинством историков. В 1953 году, спустя 8 лет после псевдо-победы, до настоящей Победы был один только шаг (как и в 1939). Но вместо этого мир увидел Гибель Титана.

“Полярная” миссия генерала Штеменко

Согласно Жану Парвулеско, начиная со второй половины 40-ых годов ключевой фигурой евразийского геополитического лобби в СССР был генерал-полковник Сергей Матвеевич Штеменко (1907 - 1976). Его высокими покровителями были маршал Жуков и генерал Александр Поскребышев (который, согласно некоторым источникам, выполнял при Сталине миссию, аналогичную миссии Мартина Борманна при Гитлере, то есть являлся проводником германофильских идей). В шестидесятые годы Штеменко являлся одной из ключевых фигур в Советской Армии: в разные периоды он был командующим вооруженными силами стран Варшавского договора, начальником Генштаба СССР. Но самой важной из его должностей, в соответствии с основной линией нашего конспирологического исследования, была должность начальника ГРУ в 1946-1948 и 1956-1957 гг. Именно при Штеменко в ГРУ полностью было восстановлено “полярное”, оккультное, орденское измерение, заложенное в эту структуру создателем ГРУ Араловым. Пьер де Вильмарест называл генерал-полковника Штеменко первым и самым выдающимся советским геополитиком. Штеменко был явным и однозначным сторонником Великого Континентального Проекта в полном соответствии с традиционной логикой евразийского Ордена. В своей книге Вильмарест писал о нем: “Штеменко принадлежал к особой касте советских офицеров, являвшихся, хотя и “советскими”, но все же типичными великороссами по духу и экспансионистами по убеждению”. И далее: “Для этой касты СССР - это империя, призванная управлять евразийским континентом, и не только от Урала до Бреста, но от Урала до Монголии, от Центральной Азии до Средиземноморья”. В стратегические планы Штеменко входило мирное экономико-культурное проникновение в Афганистан (о котором он говорил в 1948-1952 годах), вхождение советских войск в арабские столицы - Бейрут, Дамаск, Каир, Алжир. Уже в 1948 году Штеменко настаивал на особой геополитической роли Афганистана, который позволил бы СССР получить выход к Океану и усилить военную мощь советского флота в Черном и Средиземном морях. Важно заметить, что знаменитый адмирал Горшков был близким другом генерал-полковника Штеменко. Штеменко и возрожденное им оккультное подразделение в ГРУ создали при Сталине могущественную и развитую сеть евразийского влияния, которая, несмотря на все попытки Берии ее уничтожить, не была разрушена даже после смерти Сталина, хотя, безусловно, с 1953-года до середины шестидесятых

евразийское лобби в армии было вынуждено занимать все же оборонительные позиции. В качестве неизбежного зла работникам ГРУ в течение 23 лет (1963- 1986) пришлось терпеть в качестве начальника ГРУ атлантического агента Лубянки, бывшего “смершевца” генерала Петра Ивашутина. Это было необходимым компромиссом. Генерал-полковник Штеменко, агент “Ордена Полярных”, Ордена Евразии, - это тот ключ, который поможет нам понять тайную логику советской истории от Хрущева до перестройки. Эта история, как, впрочем, и вся мировая история, есть не что иное, как явная и тайная борьба двух секретных орденов, “менестрелей Морвана” и “менестрелей Мурсии”, почитателей египетского Сета, Красного Осла и почитателей северного, полярного Аполлона, убийцы Змея Пифона.

Никита Хрущев, агент Атлантиды

Хрущев был первым ставленником атлантистского лобби, ставшим единоличным правителем СССР. Несмотря на разногласия с Берией, Хрущев опирался именно на КГБ и в определенный момент сделал свой окончательный выбор, противоположный выбору Ленина-Сталина. Деятельность Хрущева была направлена на уничтожение внутренних структур евразийцев в СССР, а также на подрыв глобальных континентальных проектов сверх-государственного планетарного блока. Приход Хрущева был приходом к власти КГБ. Хрущев, укрепившись на своем посту, начинает наносить удар за ударом по всем уровням континентально-патриотического лобби. Все его внимание отныне центрировано на англо-саксонских странах, особенно на США. Лозунг Хрущева “догнать и перегнать Запад” означает равнение именно на атлантические державы и признание их социально-экономического превосходства. Тезисы о скором наступлении коммунизма направлены на то, чтобы снова разбудить “лево-мессианские”, “большевистско-интернационалистские” тенденции, почти забытые за долгие годы евразийского имперского геополитического сталинизма. Хрущев стремится нанести удар по всем почвенным традиционным структурам, которые сохранялись, благодаря тайному покровительству Евразийского Ордена, даже в самые страшные периоды красного террора. Хрущев хочет окончательно разделаться с Русской Православной Церковью. Хрущев был “американистом” и “атлантистом” во всем: начиная со знаменитой за-атлантической “кукурузы” и кончая военными концепциями, основывающимися исключительно на использовании межконтинентальных ракет в ущерб всем остальным видам вооружения. Хрущева совершенно не заботил евразийский континент. Он обеспокоен Латинской Америкой, Кубой и т.д. Между атлантистами из военного кабинета Хрущева (главой которого был маршал С.С.Бирюзов) и евразийцами из группы Штеменко возникает почти открытый конфликт. Хрущев настаивает на концепции “ядерного межконтинентального блицкрига”, что, с континентальной точки зрения, является ничем иным, как стратегической диверсией, ослабляющей реальную военную мощь континентальных сил, разрушающих экономику и создающей планетарную апокалиптическую угрозу. После смещения Хрущева “Красная Звезда” совершенно справедливо писала: “Стратегия, от которой мы в конце концов отказались, могла родиться только в большом мозгу”. Штеменко еще раньше предупреждал в той же “Красной Звезде”: “Ни в коем случае нельзя основывать безопасность СССР только на

баллистических межконтинентальных ракетах”. Начиная с Хрущева происходит окончательное разделение внутри-государственных функций: “чистые партийцы” и представители Лубянки солидаризуются отныне с хрущевской стратегией “ядерного блицкрига” (сама Советская Армия становится первым заложником “ядерных террористов” КПСС, а точнее, атлантического крыла КПСС), а евразийцы и лоббисты ГРУ настаивают на развитии обычных вооружений и пытаются взять реванш через военные исследования космоса. В 1958 году Хрущев отстраняет от власти могущественного и чрезвычайно популярного евразийского маршала Жукова. В 1959-ом он делает другой наступательный ход - ставит во главе ГРУ одного из самых одиозных фигур советской истории, кровавого палача, чекиста Ивана Серова, известного под кличкой “Живодер”. Этого кровавого персонажа - идеального типа для характеристики Ордена Красного Осла в целом - ненавидел Генштаб и, естественно, сами работники ГРУ, патриоты Евразии, в первую очередь. Другой “атлантист”, генерал Миронов, становится ответственным куратором так называемых “административных органов”, что означает надзор над основными армейскими и разведывательными подразделениями. Однако хрущевские наступательные маневры встречают слаженное оккультное противодействие евразийцев: Конев, Соколовский, Тимошенко, Гречко пытаются сбросить Хрущева любой ценой. Каждый лишний день пребывания этого “атлантиста” у власти наносит невосполнимый идеологический, стратегический и политический ущерб как СССР, так и, в целом, интересам континентальных держав. Заметим также любопытную деталь: именно в период Хрущева доминанция “тоталитарно-гегельянской” линии в советской “ритуально” марксистской философии (предполагающей примат сверх-индивидуальных, “объективных” факторов над индивидуальными и субъективными) сменяется на доминанцию “субъективно-кантианской” линии (предполагающей примат индивидуалистического и “субъективного” над “объективным”). С этого же времени начинается стремительная деградация гражданского образования, появляется новая плеяда “хрущевских” академиков и ученых, представляющих собой сброд неквалифицированных и заносчивых дилетантов. (Вспомним, к примеру, о типичном “хрущевце” А.Н.Яковлеве, признавшемся, что он критиковал Маркузе, даже не удосужившись его прочитать; сталинские ученые, продолжавшие, хотя и в своеобразной форме, дореволюционные академические традиции, как правило, отличались знанием тех авторов, которые они искренне или не очень искренне критиковали). С Хрущева начинается постепенное распространение в обществе “атлантически” ориентированной, беспочвенной и космополитической интеллигенции, которая незримо пестуется КГБ даже в ее наиболее радикальных и диссидентских вариантах. Темы Запада, темы США начинают распространяться в СССР в качестве “запретного”, но “притягательного” идеала именно с конца 50-ых-начала 60-ых.

Долгий путь к 1977-ому

Смещение Хрущева было, безусловно, делом рук Ордена Евразии. Показательно, что через восемь дней после его ухода с поста Генсека терпит крушение самолет, на борту которого находились два ключевых агента “атлантического” лобби - маршал Бирюзов и генерал Миронов. После хрущевского нокаута евразийцы начинают постепенно восстанавливать

свои позиции. Леонид Брежнев - фигура, поддержанная евразийцами. Показательно, что писатель Смирнов в 1965 году писал: "9 мая 1965 года на параде победы в Москве перед колоннами ветеранов должен пройти, празднуя двадцатилетие Победы, сам маршал Жуков, украшенный боевыми орденами". После семилетней хрущевской опалы Жуков был вновь реабилитирован. Это была настоящая победа ГРУ. Но триумф Ордена Евразии при Брежневе оказался далеко не полным. "Атлантисты" из КГБ не собирались сдаваться. Континентальные проекты постоянно стопорились. В середине 60-ых даже сложилась парадоксальная ситуация, когда перспективы континентального блока обсуждались, минуя СССР. В этом отношении интересно привести данные о переговорах Артура Аксмана - бывшего главы организации "Гитлерюгенд" и участника евразийского лобби внутри СС - с Чжоу Эн Лаем в отношении создания единого континентального блока Пекин-Берлин-Париж, минуя СССР. Лаваль, и даже сам генерал Де Голль, всецело приветствовали такой проект. К нему присоединился в дальнейшем и Бухарест. Артур Аксманн рассказал в Мадриде Жану Парвулеско о следующем эпизоде его полета в Пекин. В тот же самый самолет села группа советских военных, которые постарались убедить Аксмана в необходимости включения в этот евразийский проект и СССР, что было, впрочем, давней мечтой самого Аксмана, противника антиславянского расизма Гитлера еще со времен его причастности к евразийскому лобби внутри СС (круг СС-Гауптамана Александра Долежалека, Рихарда Гилдербрандта, Гюнтера Кауфманна и др., связанный, естественно, с Вальтером Никалаи и Мартином Борманном). Офицеры ГРУ также сообщили Аксману об интригах атлантического лобби в СССР, которое ставит непреодолимые препятствия геополитическим проектам, нацеленным на благо континента, а значит, и всех континентальных держав, крупнейшей из которых является СССР. Атлантисты из КГБ, используя свою традиционную тактику, вынудили Армию мириться с Ивашутиным (старым чекистом и в высшей степени непопулярной фигурой) во главе ГРУ в течение 23 лет. Но тем не менее, начиная с 1973 года Брежнев стал продвигать военных все ближе и ближе к руководству страной. В 1973 году маршал Гречко стал членом Политбюро. Сменивший его Устинов также входил в этот орган, хотя надо заметить, что руководители КГБ - Андропов, а позднее и его преемник Чебриков - были членами Политбюро с 1967-го. Но пиком торжества Армии и ГРУ был 1977 год, когда новая брежневская конституция учредила "Совет Безопасности", ставший самостоятельной и формально независимой юридической и политической силой. Это была победа Армии над КГБ. Это была победа Евразии. Осторожный и неторопливый Брежнев осуществил обещанное им евразийскому лобби изменение закулисного порядка внутри-советской структуры власти. Армия имела теперь свое полноценное представительство на самом верху. Брежневская стратегия была в целом континентально ориентированной, хотя основной сферой стратегических интересов стал все же космос и космическое оружие. Параллельно разработке проектов космической войны, геополитики эпохи Брежнева разрабатывали и соответствующие идеологические и политические модели, учитывающие новую стратегическую и военную терминологию и типологию космической эры. Важно упомянуть в этом контексте идеи писателя и идеолога патриотического движения А.Проханова, тесно связанного с определенными геополитическими группами Генштаба со времен маршала Огаркова. А.Проханов уверяет, что советско-евразийские военные стратеги

конца 70-ых - первой половины 80-ых всерьез разрабатывали проекты новой континентально-космической цивилизации, основанной на сочетании духовных, почвенных и метафизических традиций Евразии с ультрасовременной техникой, космической стилистикой и с глобальной системой “новых коммуникаций”. Это, по мнению Проханова, должно было бы стать евразийским ответом на американские модели “звездных войн”, представляющих будущую космическую эру как торжество англосаксонской идеи не только на планете, но и во Вселенной. Американской Вселенной, американскому Космосу “почвенно-футуристские” идеологи Генштаба, согласно А.Проханову, готовились противопоставить Русскую Вселенную, Евразийскую Вселенную, образ Великой Евразии, спроецированный на бескрайние регионы звезд и планет. “Соседи” же с Лубянки выбрали Космос, устроенный по образу “островных” торгово-колониальных цивилизаций крайнего Запада. Американская модель их вполне удовлетворяла. Так в новейших технологических обличьях мы снова сталкиваемся с древнейшими темами, с голосом много тысячелетней истории, с зовом наших далеких предков, всегда решавших сущностно единую проблему: “Надо ли разрушать Карфаген?”, в каких бы обличьях эта проблема ни была представлена.

Геополитика маршала Огаркова

Одним из самых прямых наследников геополитической миссии Штеменко был маршал Н.В.Огарков, выдающийся геополитик, стратег и евразиец. Он продолжал дело “Полярного” Ордена в Армии до середины 80-ых годов. Из трех брежневских начальников Генштаба - Захаров, Куликов, Огарков (все трое убежденные евразийцы) - самым ярким безусловно был именно Огарков, гениальный знаток маскировки, много раз стратегически переигрывавший как внешних атлантистов, так и внутренних. Именно Огарков был организатором Пражской операции, которая прошла так гладко только потому, что ему удалось совершенно запутать разведслужбы НАТО и навязать им блестяще поданную дезинформацию. Любопытно отметить, что события “Пражской весны”, окончившейся для демократических путчистов “печальной осенью”, в некотором смысле были стратегической дуэлью двух персонажей, посвященных в самые глубокие тайны планетарного конфликта. Сегодня общеизвестно, что оккультным автором и режиссером “Пражской весны” был Давид Гольдштюкер. Именно Гольдштюкеру противостоял в этой операции евразиец Огарков, и надо заметить, что победа Огаркова была не просто победой грубой силы советских танков, но победой мысли, хитрости и великолепного владения искусством дезинформации, “маскировки”, с помощью которой руководство НАТО было введено в полнейшее заблуждение и не успело вовремя среагировать, на что, естественно, доктор Гольдштюкер и его креатуры (Дубчек, Гавел и т.д.) в основном и рассчитывали. Огарков был инициатором создания “Спецназа”, который призван был осуществлять локальные и молниеносные действия в тылу противника, что совершенно необходимо для успеха сугубо континентальных, локальных военных операций. Геополитически маршал Огарков всегда открыто (в отличие от скрытого и осторожного евразийца Гречко) защищал “евразийский проект” и стремился трансформировать Вооруженные Силы СССР так, чтобы они смогли наилучшим образом повести себя в затяжной, локальной войне с преобладанием обычных видов вооружения. После Хрущева вопрос о

“ядерных и межконтинентальных” видах оружия приобрел символический смысл - в зависимости от акцента военной доктрины, поставленного на “глобальной” войне или на войне “локальной”, в армейских кругах определяли “своих” и “чужих”, то есть представителей атлантистского или евразийского лобби: “локальная война” с применением обычных вооружений и без использования ядерного оружия была лозунгом “евразийцев”, а “тотальная ядерная” война - лозунгом атлантистов, никогда не прекращавших оказывать своего идеологического давления на Армию. Вокруг Огаркова сгруппировалась военная элита евразийской ориентации. В первую очередь, его сподвижниками были маршалы Ахромеев и Язов. Оба они, особенно Ахромеев, были посвящены в тайны Ордена “Полярных”, основанного в Советской Армии еще Михаилом Тухачевским параллельно сходной организации Аралова, созданной им сразу после появления ГРУ.

Афганская катастрофа

Сосредоточение огромной власти в руках евразийских военных после 1977 года поставило под угрозу атлантистский клан. КГБ и другим служителям “Танцующей Смерти” внутри советского руководства необходимо было предпринять какие-то срочные ответные меры. Определенные данные позволяют предполагать, что афганская война была инспирирована КГБ для того, чтобы в ходе затяжного и бессмысленного конфликта дискредитировать Армию и спровоцировать атлантистское вмешательство во внутривластную ситуацию со стороны США. Именно как провокацию КГБ против Советской Армии и, шире, против всего евразийского лобби рассматривают афганский конфликт такие специалисты по оккультной советологии как Пьер де Вильмарест и Жан Парвулеско. Зная о геополитических проектах генерала Штеменко, и в частности, о геополитической и стратегической ценности Афганистана, люди Лубянки решили спровоцировать вооруженное и силовое вмешательство в афганскую внутривластную ситуацию. (Надо заметить при этом, что сам Штеменко исключал такое вмешательство, настаивая на мирной интеграции и постепенной экономико-стратегической инфильтрации Афганистана в полном соответствии с нормальной логикой всякой органичной и естественной экономической и культурной экспансии по оси Север - Юг). Но не только само начало бессмысленной войны, но и ее нерешительное, неопределенное, унылое ведение было следствием вмешательства КГБ в дела Армии, так как атлантистам нужна была именно проигранная СССР война, война, которая должна была привести к окончательному уничтожению евразийского блока. Поэтому в самом Афганистане спец-части КГБ устраивали террористические акты против мирного афганского населения, что было совершенным абсурдом, если Советские Войска хотели действительно интегрировать Афганистан и сделать из него геополитического вассала. Сверху через Партию и Политбюро атлантисты, напротив, старались сдерживать наиболее разумные военные операции, подчас прерывая их, когда они начинали увенчиваться успехом. Пьер де Вильмарест утверждает, что эта война была проиграна только потому, что в высшем советском руководстве хотели, чтобы она была проиграна. Как бы то ни было, эта война стала для Армии, ГРУ и Евразийского Ордена роковой.

“Правые” в КГБ и парадокс Андропова

В пост-брежневскую эпоху стал проявляться один очень важный момент, характерный для всей истории невидимой борьбы двух Орден. Смысл его в том, что атлантистское лобби в Евразии, как мы уже не раз подчеркивали, опирается не только на “левых” (хотя, конечно, именно им оказывается предпочтение по причине некоторой типологической близости их концепций самому строю атлантизма), но и на “правых”. Именно по этой причине послевоенное НКВД-КГБ, оставаясь сущностно атлантистским, перенимала определенные идеологические черты Армейской, консервативной, “правой” ориентации. Генетически восходя к отрядам анти-почвенных, анти-русских и анти-государственных карательных красных банд 20-ых годов, КГБ в то же время подвергся значительному влиянию “правых” евразийцев ГРУ и Генштаба во времена доминанции сталинского империализма. Такая двусмысленность КГБ привела логически к определенному компромиссу в структуре КГБ, которым объясняются все политические и конспирологические “странности”, связанные с этой организацией. Если сущность и главный центр КГБ оставался чисто атлантистским, интегрированным в единую сеть планетарных атлантистских разведок, то на периферии, среди рядовых сотрудников и даже среди офицеров, сложилась в целом “националистическая” атмосфера. Однако этот “национализм Лубянки” (подчас сопряженный с довольно сильной юдофобией) всегда соответствовал принципу “кровь выше почвы”, то есть никогда не обладал собственно континентальным, имперским, евразийским измерением. А такое положение дел весьма устраивало деятелей атлантистского Ордена, так как этот “наивный национализм” рядовых сотрудников служил прекрасной маскировкой для сети анти-почвенной, “мессианской” и мондиалистской агентуры. В целом послевоенное КГБ типологически было схоже с панславистскими группами в царском правительстве накануне Первой Мировой войны и с расистскими, ксенофобскими организациями в Райхе, служившими прикрытием для атлантистских резидентов. Именно в этой перспективе следует рассматривать приход к власти Юрия Андропова, бывшего шефа КГБ, после смерти Брежнева. Вышеприведенные соображения относительно двусмысленности КГБ помогут понять двойственность роли Андропова, а также двойственность образа этого деятеля, которого считают одновременно и отцом перестройки и демократизации, “сделавшим” Горбачева, и крайним консерватором, попытавшимся реставрировать тоталитарную эпоху Лаврентия Берии. Любопытно, что среди простых русских людей в отношении Андропова уживаются две прямо противоположные оценки: “Андропов - еврей-сионист” и “Андропов - патриот-антисемит”. (Естественно, оба этих определения следует понимать “метафорически”). На самом деле, загадка Андропова проста - он типичный представитель КГБ, т.е. законченный и убежденный атлантист, верный своему Ордену “Танцующей Смерти”. Он одновременно и “еврей-сионист” и “патриот-антисемит”, поскольку эта пара является парой противоположностей только в чрезвычайно упрощенной конспирологической модели, тогда как в действительности конспирологическая картина намного сложнее, и в ней решающими факторами являются не национальные и не политические критерии, но только фундаментальные и чаще всего тщательно скрывающиеся от посторонних геополитические ориентации. Приход Андропова был вторым страшным ударом по Армии после начала афганской войны. Теперь у

власти в государстве находился представитель той организации, которая в течение всего своего существования стремилась только к одному - уничтожить Орден Евразии внутри СССР, разрушить тайные структуры, созданные Араловом, Тухачевским, Штеменко, Огарковым, Ахромевым и другими евразийцами, взорвать Евразию изнутри, сделать раз и навсегда идею нового континентального блока несбыточной утопией, фикцией, стяжать окончательную победу “Новому Карфагену”, США, установить совместно с ЦРУ Новый Мировой Порядок на планете, Новый Торговый Строй. Приход Андропова, приход “правых из КГБ”, означал не больше, не меньше, как начало перестройки.

Двойной агент Михаил Горбачев

Предварительную фазу перестройки, подготовку новых кадров, распределение ролей, проведение нужных людей в руководство, общий сценарий событий - все это осуществил Юрий Андропов совместно с другими аналитиками атлантистских спецслужб и экспертами из Ордена “Танцующей Смерти”. Но Андропов прекрасно понимал, что на любом этапе перестройки евразийцы могут попытаться взять реванш, скинуть атлантистов из КГБ и Политбюро и направить страну евразийским курсом. Поэтому выбор главной фигуры новой политики пал на самого уклончивого и неопределенного из тогдашних высших руководителей, который был так осторожен, гибок и обтекаем, что ни одна из сторон не знала на какой Орден он в действительности работает. С другой стороны, в силу древнейших традиций Ордена Атлантики, к которому принадлежал Андропов, принято было особое внимание уделять людям, во внешности которых был какой-то выразительный дефект. Именно по этому принципу отбирались верховные жрецы культа египетского ослоголового бога Сета. Горбачев с его меткой (которую, кстати, один мусульманин-традиционалист прочел как арабскую надпись из трех букв - каф, фа, ра, что дает “кафир”, т.е. “безбожник”) был наиболее подходящей фигурой. Выдвигая Горбачева, Андропов рассчитывал на то, что его кандидатура устроит обе геополитические группировки, так как разрешение внутреннего напряжения в СССР уже давно назрело и политику перемен должны были бы логически поддержать и атлантисты и евразийцы. В отношении атлантистов заинтересованность в переменах была очевидна, но и евразийцы после начала афганской войны и после прихода Андропова к власти не были более заинтересованы в сохранении статус-кво, и поэтому легко пошли бы на трансформации. Горбачев был удобен и выгоден всем. В качестве опекунов Горбачева со стороны двух враждующих Орденов были поставлены А.И.Лукьянов и А.Н.Яковлев. Оба эти персонажа были непосредственными участниками разветвленного континентального заговора, представляя, однако, две враждующие стороны.

Подлинный лик Анатолия Лукьянова

Начиная с 1987 года Анатолий Иванович Лукьянов стал во главе так называемых “административных органов”. От него теперь зависела судьба всякого назначения или продвижения по службе среди высших военных чинов. Лукьянов, проявляя всегда лояльность к Горбачеву, постоянно старался, тем не менее, истолковать в евразийском ключе двусмысленные и туманные указания нового кремлевского шефа. Стремление Горбачева

закончить афганский конфликт было на руку Армии, и есть некоторые основания полагать, что Лукьянов был причастен к этой геополитической акции. Такой же гибкий и осторожный, как Горбачев, Лукьянов, в отличие от него, имел строгую и ясную геополитическую ориентацию. Его целью, как и целью Ордена “Полярных”, была Великая Евразия от Монголии до Средиземноморья, Pax Euroasiatica, великий континентальный союз. Лукьянов был обязан в силу своей должности контролировать ГРУ и курировать Генштаб, но, в действительности, этот аккуратный и спокойный человек был не “надсмотрщиком от мессианских большевиков” за военным евразийским государством в государстве, а посланцем ГРУ, надзиравшим от Армии за большевиками-атлантистами. Прикрываясь тем, что он, якобы, стоит на позиции “левого центра” Лукьянов осуществлял в Верховном Совете особую миссию, смысл которой состоял в формировании парламентского блока, ориентированного в пользу секретной евразийской миссии.

“Мистер Перестройка”

Александр Николаевич Яковлев уже с начала 70-ых был одним из главных идеологов открытого атлантизма в СССР. Надо отдать ему должное, он начал делать свои открытые нападки на патриотов-евразийцев еще в 1974, когда позиции ГРУ были очень сильны и когда Гречко уже состоял членом Политбюро. Открыто призывая к идеологическому погрому “национал-большевистской” литературы, которая в те годы служила трибуной для шифрованного обмена информацией, идеями, концепциями и проектами для всего патриотического евразийского лобби, Яковлев шел на определенный риск. И несмотря на заступничество Андропова и высших кругов КГБ после публикации знаменитой статьи “Против анти-историцизма”, которая была манифестом русофобского и анти-патриотического атлантизма, ему все же пришлось отправиться вон из России. Правда КГБ решило превратить “яд в лекарство” и использовать отсылку Яковлева в Канаду для активизации шпионской атлантической сети. Согласно информации, приводимой Жаном Парвулеско в его докладе “Галактика ГРУ”, в Оттаве, куда Яковлев был отправлен послом, он вступил в контакт с Давидом Голдштюкером, который в то время представлял в США внешние интересы Израиля под видом участия в конфиденциальных переговорах с одной чикагской фирмой, связанной с ядерной энергетикой. Доктор Давид Голдштюкер, который, как известно, был важным персонажем не только в Израильских спецслужбах, но и непосредственно в спецслужбах англо-саксонских стран (что в целом напоминает ситуацию характерную и для советского КГБ), разработал вместе с А.Яковлевым атлантическую стратегию будущей перестройки. Этот факт настолько общеизвестен на Западе, что именно Яковлева называют там “мистер Перестройка”. Так уже второй раз в истории практически одни и те же персонажи готовились к отчаянной, сложной, опасной и захватывающей геополитической дуэли. Однажды в Пражской весне Голдштюкер, агент “Танцующей Смерти”, потерпел сокрушительное поражение от ГРУ - от собранных, умных, молниеносных и мужественных служителей Ордена Евразии, генерала Штеменко и маршала Огаркова. Тот же Голдштюкер спустя десятилетие готовил реванш. На этот раз ГРУ и советский Генштаб должны были быть атакованными на их собственной территории, а не в “нейтральной” Чехословакии. И на этот раз Голдштюкер надеялся не на неповоротливое НАТО с его гигантским, страшным, но

бесплезным в некоторых ситуациях ядерным арсеналом. Теперь главным разрушительным оружием резидента планетарного атлантизма - Голдштюкера - должен был стать одутловатый “мистер Перестройка”, сверхновое тактическое оружие Ордена Красного Осла, надежда атлантических боевых порядков, капитан оккультного англо-саксонского “спецназа”, заброшенного из Оттавы в тыл евразийского противника.

Между ложных альтернатив

Истинная логика перестройки, то есть логика циклического маневрирования сверх-неопределенного Горбачева между двух полюсов, живо напоминающая то, как протекает у больных маниакально-депрессивный психоз, оставалась на самом деле совершенно непонятной вплоть до самого августовского путча, по той причине, что об истинной роли Анатолия Лукьянова догадывались очень немногие. Такая конспирация привела, в конце концов, к катастрофе евразийское лобби. Атлантические авторы анти-имперского проекта перестройки прибегли в данном случае к традиционному методу - к созданию псевдо-оппозиции, т.е. к подмене подлинного “консервативного” полюса ложным. Так как истинными врагами атлантистов являлись не просто националисты, а “националисты имперского, континентального типа”, “континенталисты”, то естественно, что псевдо-оппозиция по отношению к откровенному атлантизму “мистера Перестройки” должна была быть какой угодно, только не евразийской. По этой логике люди Атлантистского Ордена при активном участии КГБ создавали параллельно и последовательно ложные полюса. Этими полюсами были: 1) “коммунисты-консерваторы”. Их символами были Егор Лигачев, а потом Иван Полозков (оба в определенный момент исчезли как дым, и это не удивительно, так как их оппозиция вообще не основывалась ни на каких принципах, а кроме того, была изначально и заведомой инсценировкой). 2) “патриоты-националисты”. Это движение было создано при активном участии КГБ, который спроецировал свою шовинистически юдофобскую позицию на маргинальные группировки искренних, но недалеких патриотов, задав тем самым особый алгоритм “патриотического движения”, не могущий причинить никакого серьезного вреда все более и более легализирующемуся атлантистскому лобби. 3) “национал-большевики”. Это течение было более интересным и ближе всего стояло к концепциям евразийского лобби, но, благодаря стараниям КГБ, чувство меры здесь было утрачено и “национал-большевистские” концепции приобрели отталкивающий, гротескный и экстремистский характер - как в смысле чрезмерной акцентировки “ленинизма”, так и в смысле чрезмерной юдофобии. 4) наконец, высшей хитростью атлантистского КГБ было выдать само КГБ за оппозицию “демократам”, и этот ход также сработал, так как даже к откровенным сотрудникам “Лубянки” “патриоты” относились с определенным доверием, и даже с некоторой надеждой. А в это время отряды КГБ устраивали атлантистские революции в Венгрии, Чехословакии, Югославии, инсценировали спектакли-репрессии в Румынии, ломали Берлинскую стену, предавали Хенекера, скидывали Живкова, помогали сепаратистам Прибалтики и Кавказа, и как кульминацию своего атлантического триумфа готовили театральный путч в августе 1991! Так “самый обтекаемый человек” с характерной отметиной на лбу курсировал между “мистером Перестройка” и Анатолием Лукьяновым, но внешне казалось, что его вторым полюсом является отнюдь не Лукьянов, а какие-то

иные более одиозные, более скандальные, более броские, но на самом деле либо совершенно незначительные, либо откровенно подставные фигуры. ГРУ и Армия с ожиданием и нетерпением смотрели на Анатолия Лукьянова. Да, кое-какие изменения - конец бессмысленной войны, сокращение межконтинентального вооружения, внешнеполитические шаги навстречу Германии, Японии и Китаю - евразийцы не могли не приветствовать. Даже тематику “общеевропейского дома” посвященные в Орден “Полярных” могли легко интерпретировать в своем ключе, ведь эта доктрина была почерпнута из геополитического арсенала той самой евразийской оппозиции в СС, к которой принадлежал Аксманн, Гильдербрандт, Долежалек, Кауфманн и т.д. (типологически связанные с Орденом Евразии в ГРУ). Но развал Союза, атаки против Армии, стремление втянуть Армию в националистические и мелкотерриториальные конфликты, самоубийственная политика в Прибалтике, разрушающая последние остатки столь ценного для евразийцев пакта Риббентроп-Молотов, выдвижение на политическую арену бесконтрольных мафиози и откровенных проходимцев и многое другое ставило ГРУ в тупик. Но Анатолий Лукьянов оставался в тени. Осторожно, последовательно и исподволь готовил он ответный удар, решительный и последний. До последнего момента ему казалось, что все можно будет спасти в один момент, и тогда евразийское лобби воспользуется всеми позитивными геополитическими сторонами “перестройки”, покончит с “господином Перестройка” и его пособниками, которые отныне все “высветились”, и начнется новая великая эра, эра свободной от коммунистов, атлантистов и служителей “Танцующей Смерти” Евразии, Космической Евразии, эра Сакрального Солнечного Континента, Эра Востока. Но грянул август 1991-го.

Путч, кульминация оккультной войны

Депутат Оболенский, член комиссии по расследованию дела о ГКЧП, через некоторое время после путча сделал для средств массовой информации одно странное заявление: “Истину в отношении августовских событий 1991, возможно, узнают только наши потомки через сотню лет”. С какой страшной тайной соприкоснулся Оболенский, расследуя историю путча? - С точки зрения геополитической конспирологии, объяснение здесь может быть только одно: он соприкоснулся с какими-то материалами, связанными с оккультной войной двух Орденов за кулисами власти, с таинственным противостоянием Ордена Евразии и Ордена Атлантики. Только в этом случае, заявление депутата Оболенского приобретает смысл, и его уверенность в сохранности тайны становится понятной. Августовский путч был (или должен был быть, по замыслу его авторов) кульминацией геополитического противостояния, решающим моментом невидимой войны. Орден Атлантики не мог не знать, что евразийцы готовили к зиме 1991-1992 года определенную операцию, которая должна была привести к введению военного режима на всей территории СССР под предлогом стабилизации социально-политической и экономической ситуации. Они также прекрасно понимали, что идеологически правление военных евразийской ориентации будет некоммунистическим и патриотически ориентированным, но при этом без традиционного для КГБ “анти-семитизма”, ксенофобии и “панславизма”. Иными словами, военное правление обещало быть устойчивым, либеральным в области экономики, геополитически корректным, лишенным

террористических эксцессов, свойственных большевистским формам диктатуры. Кроме того евразийский Военный Строй, Римско-имперский Строй, безусловно имел все шансы быть в высшей степени популярным, так как он отказался бы от “коммунистического догматизма” и “марксистского утопизма”, с одной стороны, но с другой - он вполне отвечал бы естественному тяготению к иерархии, к дисциплине, к централизации и к коммунитарности, общинности, “целостности” (в смысле Хомякова) всех истинно евразийских этносов. Патриотизм Военного Строя должен был быть именно имперским, а не “русским” и “националистическим” в узком смысле этого понятия. Все это делало такую перспективу не только неприемлемой, но фатальной и роковой для атлантистского лобби внутри СССР, а также для всего атлантистского мондиализма на планете. Несмотря на гигантские разрушения, причиненные стране агентом Ордена “Танцующей Смерти”, “господином Перестройка”, вместе с его сподвижником из КГБ, Шеварнадзе (проклятого, кстати, своим собственным грузинским народом), Орден Евразийцев знал, как использовать эту негативную ситуацию во благо своей собственной позиции, ведь в тайных отделах ГРУ работали достойные продолжатели великих русских стратегов - Штеменко и Огаркова. Геополитическая дуэль с Гольдштюкером могла снова закончиться поражением для этого опытного и проницательного представителя Ордена Атлантики. Главной задачей атлантистов было не допустить введения военного положения в СССР, к которому, казалось, подводила сама логика событий. Именно для этого и был организован августовский путч.

Просчет маршала Язова

Главной ошибкой евразийцев в августе 1991-го, и особенно ошибкой лично маршала Язова, было доверие по отношению к руководителю КГБ Крючкову. Это была стратегическая ловушка. КГБ уже много лет пыталось создать своим агентам образ “патриотов-националистов”, используя периферийную массу “непосвященных” сотрудников, искренне веривших в “иудео-масонский” заговор и считавших себя “националистами” или “национал-большевиками”. С другой стороны, обманные маневры делались и на самой вершине власти - и Чебриков, и Крючков стремились солидаризоваться с евразийцами-военными против “космополитов-демократов”. (На самом деле, все демократическое движение было, естественно, организовано именно КГБ, причем оно было еще более искусственным и “смонтированным”, нежели патриотическое движение, так как для русских и других исконно евразийских этносов гораздо более естественно поддерживать “правых”, чем “левых” - это историческая константа). Чтобы скрыть свою двойную игру атлантисты из КГБ создавали мифы об “иудео-масонском крыле КГБ” (в качестве такового называлось, в частности, Московское отделение, в противовес союзному, а позже КГБ РСФСР Ельцина и т.д.). На самом же деле, КГБ занималось активной анти-евразийской деятельностью, уничтожая структуры евразийской сети в странах Восточной Европы, свергая “почвенные” и анти-атлантистские режимы (такие, как режим Чаушеску, который, кстати, был всегда ориентирован на евразийский континентальный блок и ненавидел атлантистскую “запроданность” руководства СССР - См. Клод Карноу “Снова на Восток” в журнале “Кризис” No 5 апрель 1990, Франция). Как бы то ни было, дело ГКЧП ясно показывает, что какими-то не очень понятными

путями Крючкову удалось убедить нескольких евразийцев - маршала Язова и Олега Бакланова - поспешить со введением военного положения и принять помощь от КГБ, якобы, отказавшегося от своего атлантизма, ставшего, в конце концов, на сторону Армии и решившего выступить против “демократов”. Возможно, Крючков оговорил какие-то условия и для своей организации, так как в случае полноценного военного евразийского правления структура КГБ была бы, естественно, уничтожена - по меньшей мере, в ее старом, партийно-террористическом, мондиалистском и атлантическом виде. Какие аргументы привели агенты Ордена Евразии маршалу Язову, нам пока не известно. Очевидно лишь, что подписание Ново-Огаревского Договора не имело к этому ни малейшего отношения. Все можно было бы еще не раз переменить, аннулировав любые “бумажки”, вышедшие из под пера не очень ясно понимающих геополитическую ситуацию случайных людей во главе с гиперобтекаемым “Горби”, поставленным на эту должность не для принятия решений, а для “маскировки” и в силу знака определенной оккультной “избранности”. Что должен был сказать Крючков маршалу Язову, чтобы этот последний посвященный в сущность стратегии Евразийского Ордена поставил под удар судьбу много тысячелетнего оккультного противостояния, судьбу континента, судьбу Евразийского Космоса, судьбу неминуемой и, казалось, такой близкой победы? Почему Язов поверил руководителю самого анти-евразийского органа? Об этом пока остается лишь строить предположения. И совершенно очевидно, что ошибка маршала Язова имела под собой какую-то страшную тайну, быть может, даже участие каких-то паранормальных, “магических” и телепатических воздействий или эффект особых психоделических препаратов. Это отнюдь не так уж и не вероятно, если вспомнить показания некоторых членов ГКЧП о полном беспомоществе их в течение трех фатальных дней. Считать, что люди, дошедшие до высших степеней политической, военной, разведывательной и “конспирологической” карьеры, могут в столь решающей ситуации вести себя подобно безответственным алкоголикам-клошарам, непрерывно напивающимся и похмеляющимся в городе, полном танков и “демократических” агитаторов, могут только законченные идиоты. Но и версия об отравлении Крючковым остальных членов восьмерки нам представляется маловероятной, так как люди ГРУ охраняли своих руководителей более бдительно, нежели самого Горбачева. В деле об “ошибке маршала Язова”, видимо, имело место сочетание многих оккультно-идеологических и парapsихологических факторов, сработавших синхронно. Но какое же “оружие” на этот раз использовал Орден Атлантики? Об этом пока говорить рано.

“Мистер Перестройка” идет в атаку

Сразу после ареста членов ГКЧП, как и всегда в момент высших конспирологических и идеологических напряжений, открылись определенные аспекты заговора, обычно остающиеся в тени. Самым откровенным моментом было выплывание на поверхность “мистера Перестройки” (А.Яковлева) в российском парламенте. Естественно, его миссия состояла не в том, чтобы предупредить “наивных” депутатов в отношении “шпаны, которая вновь может окружить Горбачева”. Эта глуповатая речь была произнесена “мистером Перестройка” для отвода глаз. Яковлев прибыл в российский парламент с требованием ареста Лукьянова.

Российский парламент, созданный из совершенно некомпетентных и случайных людей, не имеющий никакой ясной геополитической ориентации и основывающийся на случайных, хаотических и анархических эмоциях, в своем трусливом ажиотаже, после шока московской инсценировки, мог испортить все дело. Ельцин, то ли не получивший вовремя всей информации, то ли попросту забывший о самом главном (психическое состояние российского президента также заставляет полагать, что он находится под определенным пара-психологическим воздействием, как отмечают не только европейские конспирологи, но и многие западные журналисты, вначале объяснявшие полную неадекватность Ельцина его принадлежностью к “крайне правым”, но позже, вынужденные прибегнуть к версии об оккультном или психотропном воздействии), обратил свою сокрушительную полемику против восьмерки, забыв о главной цели. Яковлев прибыл в “белый дом” (больше напоминавший в тот момент “желтый дом”) для того, чтобы потребовать ареста Лукьянова. Ельцин послушно повторил за “мистером Перестройка” знаменитую фразу - “за заговором восьми стоял Лукьянов, он - главный идеолог заговора”.

Лукьянов и ритуальный шабаш на могиле маршала Ахромеева

Лукьянов - вот тайное объяснение августовского путча. Лукьянова надо было убрать любой ценой. Именно в его руках сосредоточивались нити евразийской оккультной структуры. Начиная с 1987 года именно Анатолий Лукьянов был протектором Ордена “Полярных”, Евразийского Ордена, надеждой Вечного Имперского Рима. Путч метил именно в него. Но именно Лукьянов - единственный из евразийцев, так или иначе связанных с делом ГКЧП, кто не поддался на провокацию Крючкова и был юридически совершенно непричастен к путчу. Его-то как раз втянуть и не удалось. Это явилось незапланированным и досадным просчетом для атлантистов. Поэтому Яковлев, минуя все легальные нормы, поспешил “революционным образом” обвинить Лукьянова косноязычными устами Ельцина в том, что именно он был идеологом заговора (на том основании, что Лукьянов действительно был идеологом, но другого заговора, заговора “Полярных”, заговора спасителей великой Континентальной Державы, заговора Евразии против Западных Островов. Но несмотря на заключение Лукьянова, представить его главой заговора и уничтожить на этом основании всю сеть агентов Евразии, всю тайную структуру ГРУ, все же не удалось. Победившие атлантисты смогли снять только верхний слой “партийных” и военных консерваторов, которые и так особой опасности не представляли. Кроме убийства Пуго, самым главным ударом по лобби Евразии была загадочная смерть маршала Ахромеева и последующие за ней странные события на его свежей могиле. Здесь надо сделать небольшой экскурс в историю Ордена Атлантики, и особенно в историю средневекового Ордена “менестрелей Морвана”, чьей эмблемой была “Танцующая Смерть”, *Dance Macabre*. Согласно Грассе д’Орсе, который занимался изучением этого Ордена, его адепты как иероглифический пароль использовали символ “Воскресшего Мертвеца” или “Покойника, покинувшего свою могилу”. В определенных ответвлениях этого Ордена, которые занимались не столько оккультной политикой и геополитикой, сколько “магией” и “некромантией”, существовал ритуал эксгумации трупов с символической и оккультной целью. Вся история смерти и последующей эксгумации трупа Ахромеева указывает на

причастность к его смерти Атлантического Ордена и, быть может, его наиболее темных, магических ответвлений. Во всяком случае, у конспирологов Запада подробности осквернения тела маршала однозначно ассоциируются именно с “ритуальной эксгумацией”, практикуемой и до сих пор на Западе членами довольно темных сект. Возможно, агенты Атлантики надеялись также найти какие-то тайные документы, захороненные вместе с Ахромеевым, или особые знаки на его трупе. Все это становится более, чем вероятным, если учесть важнейшую роль Ахромеева в армейском Ордене “Полярных” и его тесную связь с Огарковым, одним из главных персонажей Евразийского Ордена. Как бы то ни было, после путча атлантисты предприняли несколько решительных шагов по обезглавливанию евразийцев. Но уже через месяц стало понятно, что их атака захлебнулась, и за их истеричными попытками срочно завершить развал государства явно обнаружился страх и паника. Орден Евразии не был уничтожен окончательно и теперь наступила его очередь наносить ответный удар. Определенные признаки позволяют считать, что этот удар должен стать Последним.

31

Метафизика оккультной войны

Противостояние Ордена Атлантики Ордену Евразии сквозь века и тысячелетия, облекаясь в самые различные формы, является в некотором смысле главным конспирологическим содержанием истории, истории великих планетарных страстей, истории народов и религий, рас и традиций, духа и плоти, войны и мира. В противостоянии двух Орденов не следует видеть упрощенный моралистический образ борьбы Добра и Зла, Правды и Лжи, Ангелов и Демонов и т.д.. Эта борьба двух противоположных типов мировоззрения, двух метафизических картин Бытия, двух путей по космосу и сквозь космос, двух великих Начал, не только противостоящих друг другу, но и необходимых друг другу, так как на этой паре основан весь космогонический и космологический процесс, весь циклический ход человеческой истории. Орден Евразии, Орден Мужского Начала, Солнца, Иерархии - это проекция Гора, Апполона, Ормузда, Солнечного Христа-во-Славе, Спаса-Вседержителя. Евразия как Земля Востока - это Земля Света, Земля Рая, Земля Империи. Земля Надежды. Земля Полюса. Орден Атлантики, Орден Женского Начала, Луны, Оргиастического Равенства - это проекция египетского Сета, Пифона, Ахримана, Христа Страдающего, Человеческого, погруженного в метафизическое отчаяние одинокой Гефсиманской молитвы. Атлантика, Атлантида как Земля Запада - это Земля Ночи, Земля “колодцев изгнания” (как говорили исламские суфии), Центр Планетарного Скепсиса, Земля Великого Метафизического Сплина. Оба Ордена имеют глубочайшие онтологические и сакральные корни, имеют метафизические причины быть именно тем, чем они являются. Считать какой-то один из этих Орден исторической случайностью значит отрицать тайную логику человеческих и космических циклов. Выбор геополитического пути, отражает выбор пути метафизического, пути эзотерического, пути Духа сквозь мироздание. Поэтому никаких гарантий не существует, поэтому нельзя, строго говоря, утверждать, что Евразия - это хорошо, а Атлантика - плохо, что Рим - это благо, а Карфаген - это зло, и наоборот. Но каждый призванный своим Орденом должен совершить решительный шаг и служить именно своему Ордену. Законы нашего мира в

том, что исход Великой Битвы не предопределен, исход драмы “Евразия против Атлантики” зависит от совокупности планетарной солидарности всех, призванных на служение, всех солдат геополитики, всех тайных агентов Суши и тайных агентов Моря. Исход космологической войны Аполлона со Змеем Пифоном зависит от каждого из нас, сознает ли он это или нет.

Конец Времен

Все традиционные религиозные и метафизические учения описывают Конец Времен, конец цикла как Последнюю Битву, как Финальное сражение. Разные традиции по-разному трактуют этот конфликт, и подчас то, что в одной традиции представляется как “партия Зла”, становится в другой традиции “партией Добра” и обратно. Например, для ортодоксальных христиан в Конце Времен иудаизм рассматривается как религия Антихриста, а для самих иудеев “гои-христиане из северной страны царя Гога” выступают как концентрация эсхатологического Зла. Индуисты считают, что Десятый Аватар, который должен прийти в конце цикла, уничтожит “буддистов”, а сами буддисты полагают, что Будда Грядущих Времен, Спаситель Майтрея появится среди буддистской общины и т.д. Все это свидетельствует не об относительности распределения ролей в Последней Битве, но о невозможности за ранее выбрать само собой разумеющееся Добро, обезопасить себя и заведомо принять участие в эсхатологическом сражении на “правильной” стороне. В отношении Последних Времен поэтому говорится, “даже избранные соблазняются”. Выбор одной из двух эсхатологических “партий” не может быть чем-то формальным. Это - выбор Духа, это - Высочайший Риск, это - Великая Метафизическая Драма. Именно поэтому ничто в реальности эсхатологической эпохи, а многие традиционные и религиозные авторитеты утверждают, что мы живем как раз в такую эпоху, не может служить абсолютным негативом или абсолютным позитивом. А уж тем более глупо абсолютизировать какую-то политическую форму, приравнивая ее к “Абсолютному Злу” или к “Абсолютному Добру”. Даже начало истинного выбора находится далеко за пределом внешних политических идеологий, за пределом условного деления на демократов, фашистов и коммунистов. Истинный выбор начинается на уровне геополитики и восходит дальше по “пророческой спирали” (по выражению Жана Парвулеско) к безднам Мистики, Метафизики, Гнозиса, к безднам Непостижимой Божественной Тайны. Орден Евразии и Орден Атлантики являются последней тайной внешней, человеческой, общественной истории. На самом же деле внутри этих Орденов есть много других таинственных и закрытых сфер, связанных с Чистой Метафизикой. Но как бы то ни было, истинная, полноценная и сознательная эсхатологическая борьба начинается именно с Ордена Евразии или Ордена Атлантики. Даже если не углубляться в последние тайны, просто работать на Орден уже достаточно для того, чтобы быть активным, призванным и избранным участником Великой Драмы.

Endkampf

Немецкое слово “Endkampf” (“Финальная Битва”, “Битва Конца”) прекрасно выражает сущность современной планетарной ситуации. Эсхатологические мотивы, мотивы Конца Времен, пронизывают не только религиозные и

мистические движения, но и непосредственную политику, экономику, повседневную жизнь. В Израиле, начиная с 1962 года правоверные иудеи живут в особом “конечном Времени”, во “времени Мессии”. США стремится установить на планете особый Новый Мировой Порядок. Европейский мондиалист Жак Аттали проповедует наступление последней фазы особого Торгового Строя. Исламские народы (особенно шииты) ожидают в скором будущем прихода Махди, скрытого Имама. Индуисты уверены в скором окончании Кали-юги, Темного Века. Возрождается расистский эсхатологизм мирового национал-социалистического движения. В христианских общинах все больше появляется пророчеств о Последнем Папе (Flos Flogum) у католиков и о Последнем Патриархе у православных. Ламаисты уверены, что современный Далай-лама - последний. Китай застыл в мистическом ожидании. Советский коммунизм пал внезапно и неожиданно. Все эти знаки говорят нам о начале Endkampf, о начале Последней Битвы. И в эсхатологическом контексте даже слова большевистской песни “Это есть наш последний и решительный бой” звучат как тревожное откровение, как намек на планетарный Endkampf.

Орден и “наши”

Термин “наши” в глобальном геополитическом контексте использовался часто. Выдающийся немецкий геополитик и юрист Карл Шмидт настаивал на необходимости введения понятия “наши” для выяснения геополитического самоопределения нации, государства или этнического блока. Знаменитый теле-репортер Александр Невзоров реализовал это на практике в серии своих передач. “Наши” стали сегодня в русской Империи однозначно евразийским концептом, куда включаются не только русские или славяне, но и татары, турки, финно-угры и т.д., осознающие свою генетическую связь с имперским пространством и имперской идеей. На практике невзоровские “наши” - это суммарное определение коренных евразийцев, имперских автохтонов, хозяев, по праву культуры и рождения, великих земель. Показательно, что атлантисты в России этим словом не пользуются (это логично, здесь они среди “ненаших”, чужих; для них их собственные “наши” живут за пределом континента, на далеком и зловещем “Острове”). Но для Жана Парвулеско, который также сделал из этого термина фундаментальный геополитический и конспирологический концепт, понятие “наши” еще более всеобъемлющее (хотя он сам себя охотно причисляет и к невзоровским “нашим”). Жан Парвулеско отождествляет понятие “наши” со всей сетью сторонников Великого Континентального Блока - от Японии до Бельгии, от Китая до Франции, от Индии до Испании, от Ирана до Германии, от России до Италии. “Наши” для Парвулеско - это синоним самого Евразийского Ордена со всеми его ответвлениями и группами, находящимися сознательно или нет, явно или тайно в зоне его геополитического, мистического и метафизического влияния. “Наши” - это единый невидимый эсхатологический фронт Континента, Фронт Суши, Фронт Абсолютного Востока, западной провинцией которого является сама Европа, “наша” Европа, Европа, противостоящая “Западу”, Европа Традиции, Почвы, Духа. “Наши” - это и католики, и православные, и мусульмане, и индуисты, и даосы и ламаисты, и язычники, и агностики, и мистики ... Но лишь те из них, которые преданы Континенту Востока, его таинственной и неизведанной Судьбе. Парвулеско

говорит о “параллельной Франции”, “параллельной Румынии”, “параллельной Германии”, “параллельной России”, “параллельном Китае” и т.д., как о духовной эссенции, как о невидимом духовном измерении реальных стран, соединенных в таинственной инстанции в единую “параллельную Евразию”, “Евразию Чистого Духа”. “Наши” - это воины “параллельной Евразии”, герои Абсолютного Востока, причем все они служат по оккультной логике “пророческой спирали” Единой Идеи, Единой Цели, Единому Скрытому Принципу. Однажды немецкий консервативный революционер, националист, русофил и евразиец Артур Мюллер ван ден Брук сказал, перефразируя Хомякова (“Церковь Едина”): “Есть только один Райх (одно Царство), также как есть только одна Церковь”. Это - Райх “наших”, Церковь “наших”, это “наше” Царство и “наша” Церковь.

Час Евразии

Пока мы находимся в Евразии, пока мы говорим от ее имени, пока мы остаемся связанными с ее таинственной, мистической плотью - Евразия принадлежит нам, “нашим”. Несмотря на все гонения со стороны атлантистов, несмотря на всю эффективность их подрывной стратегии, несмотря на тяжелый и глубокий “сон” целых областей и целых народов, ее населяющих, несмотря на засилье агентов Атлантического Ордена в континентальной политике, в континентальной культуре, в континентальной промышленности - процесс “деколонизации” неизбежен. Но только мы не должны впасть в архаизм, защищая какие-то отжившие культурные, социальные или политические формы, не должны быть простыми консерваторами, консерваторами по инерции. Орден Евразии - это тотальная Консервативная Революция, это Великое Пробуждение геополитического сознания, это путь Вертикали, а не змеистые колебания влево-вправо или попытка попятиться назад. Орден Евразии - это жестокий и открытый поединок с сильным и умным Противником, с Орденом Сета, Красного Осла, с Орденом “Танцующей Смерти”. Мы должны выбросить служителей Океана в Океан, мы должны отправить агентов “Острова” обратно на их “Остров”. Мы должны вырвать из политической, культурной, национальной плоти Континента тех, кто предал “наших”, кто предал наши идеалы, наши интересы. Да, наши враги имеют свою правду. Да, мы должны уважать их глубокий метафизический выбор, мы должны пристально вглядываться в их Тайну, в тайну “Колодцев Запада”. Но от этого не должна страдать наша решительность, наша ярость, наша холодная и страстная Жестокость. Мы будем снисходительны только тогда, когда наш Континент будет свободен, когда последний атлантист будет сброшен в Соленые Воды, в стихию символически принадлежащую египетскому богу с лицом Крокодила. Судя по определенным знакам, “Время близко”. Endkampf, Последняя Битва должна разразиться вот-вот. Готовы ли вы, господа из “Полярного Ордена”? Готовы ли вы, солдаты Евразии? Готовы ли вы, мудрые стратеги ГРУ? Готовы ли вы, великие народы, сделавшие ваши ставки уже самим фактом вашего рождения?

Уже бьет решающий Час Евразии...

Уже близится к последней точке ВЕЛИКАЯ ВОЙНА КОНТИНЕНТОВ.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЗАПАДА

(эссе о Николае Сергеевиче Трубецком)

1. Памятник на “площади Евразии”

Князь Николай Сергеевич Трубецкой (1890-1938) по праву может быть назван “евразийцем номер 1”. Именно ему принадлежат основные мировоззренческие тезисы, с которых началось это удивительное творческое мировоззрение. Князь Трубецкой может быть назван “евразийским Марксом”, тогда как Савицкий явно напоминает “евразийского Энгельса”. Первым собственно евразийским текстом является книга Николая Трубецкого “Европа и Человечество”, в которой легко угадываются все основные принципы грядущей евразийской идеологии.

В некотором смысле, именно Трубецкой создал евразийство, открыл главные силовые линии этой теории, которые в дальнейшем разрабатывались целой плеядой крупнейших русских мыслителей — от Петра Савицкого, Николая Алексея и Льва Карсавина до Льва Гумилева. Место Трубецкого в истории евразийского движения центрально. Когда это течение утвердится в качестве доминирующей идеологии Российской Государственности (а это обязательно рано или поздно произойдет), первым, кому воздвигнут памятник, будет именно он — князь Николай Сергеевич Трубецкой. Главный монумент на грядущей, утопающей в роскошной листве и залитой чистейшими струями серебряных фонтанов, великой “площади Евразии”, как непременно назовут центральную площадь возрожденной России.

2. Судьба “русского Шпенглера”

Говорить о Трубецком — то же самое, что говорить о евразийстве как таковом. Его личная и интеллектуальная судьба неразделима с этим течением. Крайне проста биография Трубецкого. Типичный представитель известнейшего княжеского рода, давшего целую плеяду мыслителей, философов, богословов, он получил классическое образование, специализировался в области лингвистики. Интересовался филологией, славянофильством, русской историей, философией. Отличался ярким патриотическим чувством.

Во время гражданской войны оказался на стороне белого движения, эмигрировал в Европу. Вторую половину своей жизни провел за границей. С 1923 года преподавал на кафедре славистики Венского университета филологию и историю славянской письменности. Трубецкой вместе с Романом Якобсоном входил в ядро основателей Пражского лингвистического кружка, разработавшего в 20-30-е годы основы структурной лингвистики — того интеллектуального направления, которое впоследствии стало известным под именем “структурализма”.

Князь Николай Трубецкой был душой евразийского движения, его главным теоретиком, своего рода русским Шпенглером. Именно с его книги “Европа и

человечество” следует отсчитывать историю этого движения. Трубецкой активнее всех развивал основные принципиальные аспекты евразийства. Но будучи ученым и значительную часть времени уделяя филологическим изысканиям, он мало и неохотно интересовался аспектами применения принципов евразийства к текущей политике. Функцию политического вождя в евразийстве исполнял его близкий друг и сподвижник Петр Савицкий. Темперамент Трубецкого был более отвлеченным, со склонностью к умозрению и абстракции.

Кризис политической составляющей в евразийстве, который стал очевиден с конца 20-х годов, тяжело и болезненно переживался его главным теоретиком. Укрепление позиций советской власти, косность, архаизм и безответственность эмигрантской среды, духовный и интеллектуальный застой, наступавший в обеих ветвях русского общества начиная с 30-х. после бурного духовного подъема начала века, — все это идеологическое остывание ставило евразийскую идеологию, основанную на гамме тончайших интуиций, парадоксальных прозрений и страстных взлетов политического воображения, в безысходную, тупиковую ситуацию. Трубецкой, видя, как маргинализируются евразийские идеи, в последние годы все больше времени уделяет чистой науке: он перестает участвовать в полемике и конфликтах внутри движения после его раскола, оставляет без внимания замешанную на неизменном *ressentiment*'е критику эмигрантских противников евразийства. В 1937 году в Вене князь Трубецкой схвачен гестапо и три дня проводит в заключении. Пожилой ученый так и не смог оправиться от удара и вскоре умер.

Его смерть была не замеченной практически никем. На мир надвигалась страшная катастрофа. Ее главными идеологическими предпосылками было отвержение тех принципов и аксиом, которые в высшем духовном, интеллектуальном напряжении сумели сформулировать русские евразийцы и их европейские аналоги — консервативные революционеры, сторонники национал-большевизма и Третьего пути.

Евразийцы предсказывали мировоззренческие маршруты и их политические результаты с пророческим ясновидением. Но судьба пророков во все времена, увы!, одинакова: камни, бросаемые толпой, костер, Гулаг, Гестапо...

3. Человечество против Европы

Наиболее ценным аспектом мысли князя Трубецкого, фундаментом всего евразийского мировоззрения является утверждение радикального дуализма цивилизаций, осмысление исторического процесса как конкуренции двух альтернативных проектов. Именно этому дуализму посвящена первая теоретическая книга князя Трубецкого “Европа и человечество”. В ней в скупых и часто приблизительных выражениях проводится следующая мысль: никакого единого пути развития цивилизации не существует, за такой претензией скрывается лишь стремление одной конкретной агрессивной формы цивилизации, а именно, романо-германской цивилизации, к универсальности, единственности, гегемонизму и абсолютности. Именно гигантоманические, расистские по сути своей, претензии романо-германского мира на то, чтобы быть мерилом культуры и прогресса, лежат в основе необходимости деления всего мира на Европу, с одной стороны, и человечество, с другой. Романо-германский мир, будучи лишь частью многополюсной мультикультурной исторической реальности, возмел сатанинскую претензию на то, что он и есть концептуальное целое, высокомерно отбросив остальные культурные типы в регионы варварства недоразвитости,

примитивности, дикости. И человечество, в понятии Трубецкого, является объединенной категорией всех тех народов, культур и цивилизаций, которые существенно отличаются от европейской модели. Трубецкой утверждает, что это отличие не просто констатация факта, но формула цивилизационного исторического противостояния, демаркационная линия, по которой проходит нерв современной истории. Плох, по мнению Трубецкого, не сам романо-германский мир со своей специфической культурой — в качестве одного из множественных миров он был бы напротив крайне интересен и содержателен. Недопустимым, неприемлемым в нем является лишь его агрессивное отношение ко всем остальным культурам, его колониализм, доминаторство, склонность к цивилизационному геноциду и порабощению всего инакового по отношению к нему.

Таким образом, человечество, по Трубецкому, должно осознать свое единство через отрицание тоталитарной модели современного Запада, объединив “цветущую сложность” народов и культур в единый лагерь антизападной планетарной освободительной борьбы.

Наиболее обобщенной формой человечества, “цветущей сложности” (по выражению Константина Леонтьева) виделась Трубецкому Евразия. — идеальная формула того, что, как духовное послание от степных туранцев Чингиз-хана было передано московской Руси. Россия-Евразия в такой картине мира становилась оплотом и рычагом планетарной борьбы человечества против универсального планетарного романо-германского ига.

Удивительно, насколько этот тезис созвучен позиции крупнейшего французского традиционалиста Рене Генона, который в своей книге “Восток и Запад” утверждает абсолютно то же самое, за исключением выделения особой роли России в планетарном противостоянии современному Западу. Трудно сказать, знаком ли был Трубецкой с трудами Генона. Известно лишь, что Генон упоминается в текстах другого видного евразийца, сподвижника князя Трубецкого — Николая Николаевича Алексея. Но если у Генона речь идет лишь о необходимости противодействия современному западу со стороны оставшихся традиционных обществ, то евразийский проект, помимо вполне обоснованного пессимизма относительно инерциального развития событий, имеет развитую футурологическую революционную составляющую, стремится предложить проект такой культурно-социальной формы, которая сочетала бы верность традиции и социально-технологический модернизм.

Главным упованием Трубецкого и всех евразийцев была Россия — их горячо любимая родина. Именно здесь пронизательно видели они парадоксальное сочетание двух начал — архаической укорененности в традиции и стремления к авангардному культурно-технологическому рывку. Россия-Евразия, в евразийской идеологии, мыслилась как форпост человечества в его противостоянии романо-германской Европе, как территория фронта, на котором решается судьба тыла.

Из этого общего подхода, конкретизируя различные аспекты исходной парадигмы, и складывалось реальное содержание евразийской теории. До каких бы деталей ни доходили конкретные исследования, изначальный цивилизационный дуализм, вскрытый и постулированный князем Николаем Трубецким, постоянно оставался общим знаменателем, неизменным фоном всего евразийского дискурса — как ортодоксального, воплощенного в линии Савицкого, Алексея, Сувчинского, так и

еретического, марксистско-федоровского, по которому пошла парижская ветвь евразийцев, безусловных советофилов (Эфрон, Карсавин и др.).

4. Евразийская парадигма Руси

Общая позиция Трубецкого предопределила специфику взглядов евразийцев на русскую историю. Наиболее подробно эту концепцию развил крупнейший деятель евразийского движения Георгий Вернадский, сын великого русского ученого. В своих многочисленных работах он развертывает панораму евразийского видения Руси, но и эта монументальная экспозиция по сути есть лишь развитие тех тезисов, которые сформулировал князь Трубецкой. Доминантой евразийского понимания русской истории является представление о сущности русского народа и русского государства как о чем-то, в корне отличном от путей романо-германского мира. Русь мыслится как органическая часть Человечества, противостоящего Европе. Следовательно, необходима тотальная ревизия русской исторической школы, которая ранее отталкивалась прямо или косвенно от канонов европейской учености. Конечно, славянофилы, Достоевский, Леонтьев и Данилевский сделали чрезвычайно много для того, чтобы подобраться к альтернативной собственно русской, не романо-германской, оценке нашего пути. Сами евразийцы считали себя продолжателями именно этой линии. Однако они были еще радикальнее и революционнее, чем их предшественники в вопросе отвержения Запада. Они настаивали не только на подчеркивании нашей национальной самобытности, но на альтернативности цивилизационных парадигм Европы и органической, донной Руси, Руси-Евразии.

Как аномалия рассматривались евразийцами все периоды сближения России с Западом. И наоборот, всякое обращение к Востоку, к Азии виделось им как шаг духовного самоутверждения. Такой радикальный взгляд опрокидывал все нормы отечественной историографии и историософии. Если русские западники, презирая Родину, считали Русь отсталой “недоевропейской” страной, то славянофилы, как бы оправдываясь, пытались защитить национальное своеобразие. Евразийцы же шли гораздо дальше, не останавливаясь только на охранительной апологии самобытности. Они утверждали, что романо-германский мир с его культурой есть историческая патология, тупиковый путь дегенерации и упадка. В значительной степени идеи Трубецкого резонируют с концепциями немецкого консервативного революционера Освальда Шпенглера, который поставил Западу аналогичный диагноз и так же, как Трубецкой, пророчествовал о грядущей спасительной миссии восточных регионов евразийского континента.

Общая картина евразийского взгляда на историю Руси изложена в программной книге князя Трубецкого “Наследие Чингис-хана.”

Осью Руси, центральным парадигматическим моментом ее истории, когда идеальное и реальное как бы наложились друг на друга, является для Трубецкого двухсотлетний период Московской Руси, последовавший за татаро-монгольским контролем и предшествующий петербургскому периоду. Киевская Русь, к которой традиционно возводят истоки российской государственности, по мнению Трубецкого, цивилизационно, культурно и геополитически не была, на самом деле, колыбелью Руси; это не более чем одна из нескольких составляющих грядущего Русского Царства. Преимущественно славянская, занимающая территории между Балтикой и Черноморским побережьем, укорененная в лесных зонах и на берегах рек и слабо контролирующая степные пространства, Киевская Русь была лишь

разновидностью восточноевропейского княжества, централизация которого была сильно преувеличена впоследствии, а интегрирующей идеи которого и вовсе не существовало. Это религиозная провинция Византии, политическая провинция Европы.

Татаро-монгольское завоевание легко справилось с этой незаконченной геополитической конструкцией, вобрало ее в себя как составляющую часть. Но монголы были не просто варварами. Они исполняли великую имперостроительную функцию, закладывая фундамент гигантского континентального государства, базу многополюсной евразийской цивилизации, сущностно альтернативной романо-германской модели, но вполне способной к динамическому развитию и культурной конкуренции.

Трубецкой всячески подчеркивает колоссальную ценность тюркско-монгольского импульса, пронизательно указывая на тот важнейший геополитический факт, что все просторы восточной Евразии интегрируются за счет объединения степной зоны, простирающейся от Манчжурии до Трансильвании. Татары совершили то, что было предначертано в географии, и тем самым стали фактом планетарной истории.

Подлинно русское, евразийское государство, по мнению Трубецкого, возникло тогда, когда московские князья взяли на себя татарскую геополитическую миссию. Московский византизм становится доминирующей государственной идеологией уже после краха Византии и в органичном сочетании с государственным строем, полностью заимствованным от монголов. Это и есть Святая Московская Русь, царская и евразийская, континентальная, строго отличная от романо-германского мира, радикально противопоставленная ему.

Двести лет Московской Руси — это двести лет Руси идеальной, архетипической, строго соответствующей своей культурно-исторической, политической, метафизической и религиозной миссии. И именно великороссы, духовно и этнически смешавшиеся с евразийскими имперостроителями Чингисхана, стали ядром и зерном континентальной России-Евразии, переплавились культурно и духовно в особый интегрирующий, государствообразующий этнос.

Это очень важный момент: евразийцы всячески подчеркивали исключительность великороссов среди остальных славянских племен. Будучи славянами по языку и расе, великороссы были среди них единственными евразийцами, туранцами по духу. И в этом и состоит уникальность Москвы.

Переняв инициативу изначального Чингизовского импульса, московские цари принялись за воссоздание татаро-монгольского евразийского государства, объединяя его распавшиеся сегменты в новую империю под эгидой белого царя. На сей раз цементирующей религией стало Православие, а государственной доктриной — московская версия византизма, знаменитая концепция псковского старца Филофея “Москва Третий Рим”. Практическое же устройство государства, и что самое главное, вектора его пространственного оформления были калькированы с империи татар.

Конец “идеальной Руси” совпадает с концом “Святой Руси”, с расколом. Нововведения патриарха Никона, формально нацеленные на укрепление геополитического могущества Московского Царства, но осуществленные с

преступной культурной и религиозной халатностью и небрежностью, приводят к двусмысленным, во многом катастрофическим результатам, расчищают путь секуляризации и европеизации России.

Раскол — это точка разрыва светской России со Святой Русью.

С приходом Петра Первого начинается то, что в евразийской теории принято называть “романо-германским игом”. Если “татарское иго” было для русских ферментом грядущего имперостроительства, евразийским импульсом, то “романо-германское иго”, длившееся от Петра до Революции 1917 года, несло с собой лишь отчуждение, карикатуру, вырождение глубинного импульса. Вместо отстаивания собственной культурной самобытности, евразийской Идеи — неуклюжая имитация дворянством европейских универсалистских и рационалистических образцов секуляризованного общества. Вместо византизма — англиканство. Вместо “цветущей сложности” (К.Леонтьев) — серая казенная бюрократия и солдатчина. Вместо живой веры — канцелярский синод. Вместо народной стихии — циничная трескотня официальной пропаганды, вуалирующая полное культурное отчуждение европеизированных верхов от архаичных низов.

Романовский период начиная с Петра рассматривался евразийцами как сущностное отрицание Московского этапа, сопровождавшееся внешним пародированием. Продолжается освоение Востока Евразии, но вместо “братания” идет “культурная ассимиляция” по романо-германскому образцу, вместо насыщенного диалога цивилизаций — формальная русификация, вместо общности континентальной воли — плоская колониальная методика.

Здесь евразийцы, как славянофилы и народники, разделяли историю послепетровской России на два уровня: дворянско-аристократический и народный. Верхи шли путем западничества, калькировали с большей или меньшей степенью неуклюжести европейские образцы. Они были как бы “колониальной администрацией” русских пространств, цивилизационными надсмотрщиками за “диким народом”.

Низы, этот самый “дикий народ”, напротив, оставались в целом верными допетровскому укладу, бережно сохраняли элементы святой старины. И именно эти донные тенденции, все же влияющие в какой-то степени и на верхи, и составляли все наиболее евразийское, ценное, национальное, духовное, самобытное в петербургской России. Если Россия так и не стала восточным продолжением Европы, несмотря на все “романо-германское иго”, то только благодаря народной стихии, “евразийским низам”, осторожно и пассивно, но упорно и негибаемо противившимся европеизации вглубь.

С точки зрения элиты, петербургский период был катастрофическим для России. Но это отчасти компенсировалось общим “почвенным” настроением евразийских масс.

Такая модель русской истории, отчетливо изложенная у Трубецкого, предопределяла и отношение евразийцев к Революции.

5. Революция: национальная или антинациональная?

Анализ евразийцами большевистской революции является осевым моментом этого мировоззрения. Его особенность и отличала представителей этого направления от всех остальных мировоззренческих лагерей.

В белом стане доминировали два общепринятых взгляда: реакционно-монархический и либерально-демократический. Оба они рассматривали большевизм как строго негативное явление, хотя и по полярным соображениям.

Реакционное крыло, монархисты утверждали, что “большевизм” — это целиком западное явление, результат “заговора” европейских держав с “инородцами” и “евреями” в самой России, направленный на уничтожение последней христианской Империи. Эта группа идеализировала Романовых, всерьез верила в уваровскую формулу “Православие, Самодержавие, Народность”, придерживалась “черносотенных мифов” о “иудо-масонском всемирном правительстве”, винило во всем дряблость дореволюционных властей, несовершенство карательного аппарата и предательство разночинной интеллигенции. Революция виделась в такой перспективе как занесенная извне зараза, развитию которой помогли случайные и чуждые системе элементы. Сама же предреволюционная Россия в своих мировоззренческих и социальных основах представлялась этому лагерю как нечто абсолютное.

Либеральное крыло белой эмиграции считали большевизм абсолютным злом по совершенно противоположным причинам. Им в большевизме виделось проявление варварских русских толп, не способных на установление просвещенной “февральской” демократии и извративших либеральные реформы до “буйства, дикости, разгула темных стихий”. Либералы критиковали в большевизме не элементы западничества, но их недостаток, не внешние формы, но народное содержание.

Обе эти позиции русской эмиграции продолжали спор двух традиционных лагерей, на которые делилась последние сто лет царской Империи правящая элита романо-германского образца. Это был спор в рамках одной и той же “колониальной администрации”, в равной степени антинародной и абстрагированной от евразийской идентичности Руси. Реакционеры считали, что евразийские массы надо держать в строгой узде, что они не поддаются “окультуриванию”, а либералы-западники верили, что при определенных условиях они все же могут быть выдрессированы по образцу европейских обществ.

Евразийцы, со своей стороны, предложили совершенно особую трактовку большевизма, вытекающую из совершенно инаковых предпосылок. Они полагали, что историческая рефлексия правящего класса при царизме вообще была неадекватной, ненациональной, а следовательно, она оказалась ошибочной, преступной, и в конце концов довела народную стихию до точки радикального бунта.

Евразийцы видели сущность большевизма в подъеме народного духа, в выражении донной Руси, загнанной в подполье еще с раскола и времен Петра. Они утверждали глубинно национальный характер Революции, как смутное, неосознанное, слепое, но отчаянное и радикальное стремление русских вернуться к временам, предшествующим “романо-германскому игу”. Перенос столицы в Москву интерпретировался ими в этом же ключе. Здесь они были согласны с либералами относительно национальной природы большевизма, но рассматривали этот фактор

не отрицательно, а положительно, как наиболее ценный, созидательный и органичный компонент большевизма.

С другой стороны, евразийцы были традиционалистами, православными христианами, патриотами, ориентированными на национальную систему культурных ценностей. Поэтому марксистская терминология большевиков была им чужда. Здесь они были отчасти согласны с крайне правыми эмигрантскими кругами, считая, что западнический, проевропейский элемент в большевизме является его негативной стороной, препятствует органическому развитию большевистского движения в полноценную русскую, евразийскую реальность. Но в то же время вину за западнический (отрицательный) компонент в Революции евразийцы возлагали не на мифический “иудо-масонский” заговор, но на петербургскую модель государственности, которая была западнической во всех своих аспектах, и настолько повлияла в этом смысле на российское общество, что даже протест против “романо-германского ига” смог оформиться лишь в терминах, заимствованных из арсенала европейской мысли — конкретно из марксизма.

Трубецкой и его последователи, таким образом, отвергали позиции и реакционеров, и либералов, утверждая в эмиграции совершенно особое, необычное, уникальное мировоззренческое течение, захватившее в определенное время (20-е годы) лучшие умы.

К евразийскому понимаю Революции примыкали и слева и справа. Слева — крайние народники, часть левых эсеров и анархистов, которые в отличие от либерал-демократов весьма положительно оценивали народный, донный элемент большевизма. Справа — консервативные круги, следующие за славянофилами, Данилевским и Леонтьевым, которым романовский строй представлялся, в свою очередь, “либеральным компромиссом”. Почти такой же позиции в отношении революции как князь Николай Трубецкой придерживались и русские национал-большевики (Устрялов, Ключников и т.д.).

Конечно, сами большевики выражали свое понимание русской истории несколько иначе. Во всем у них доминировала узкомарксистская догматика, не способная охватить и адекватно осознать многомерные культурно-цивилизационные процессы, чуждая истории религий и геополитики. Но справедливости ради следует сказать, что и в большевизме (особенно на ранних его стадиях) существовала тенденция сближения марксизма с народными гетеродоксальными верованиями. В частности, ближайший соратник Ленина Бонч-Бруевич с благословения вождей РСДРП издавал специальную газету для русских сектантов и староверов крайних толков “Новая Заря”.

Евразийцы же понимали большевизм гораздо объемнее, в контексте многочисленных факторов русской истории, с учетом истории религии, социологии, этнологии, лингвистики и т.д. Не случайно некоторые недоброжелатели называли евразийцев “православными большевиками”. Конечно, это было некоторым преувеличением, против которого возражал и сам Трубецкой, но доля истины в этом все же была, если отказаться от заведомо негативного понимания самого термина “большевизм”.

Для реакционных политиков интернационализм, проповедуемый большевиками, был подтверждением антирусской, антинациональной сущности всего этого течения. Евразийцы же видели всю картину совершенно иначе. Они уловили в

“пролетарском интернационализме” вождей русской революции не стремление “уничтожить нации”, но воссоздать в рамках СССР единый евразийский тип, мозаику “общеевразийского национализма”, о которой писал Трубецкой. В таком случае большевистский интернационализм, ограниченный пространством Советского Государства и относящийся в первую очередь к евразийским этносам был в глазах евразийцев лишь эвфемизмом, иным названием для “имперского национализма”, особой модели универсальной континентальной общины народов Востока, для “Человечества”, в том смысле, в каком понимал его Трубецкой, противопоставляя “Европе”.

Так как для евразийцев идеалом было не слепое копирование европейских “национализмом”, родившихся из общей романо-германской матрицы, но обращение к евразийской модели Московской Руси, общность которой было обеспечена в большей степени единством культурного и религиозного типа, нежели расовым и языковым родством, то они узнавали в практической национальной политике Советов знакомый и близкий им интеграционный принцип. И по этой причине им был также внятен призыв большевиков к глобальной деколонизации, к сбрасыванию народами Востока романо-германского ярма, планетарное национально-освободительное движение. Проведение такой политике точно соответствовало представлению самих евразийцев о планетарной освободительной миссии России.

6. На пороге Старой Веры

В религиозной сфере евразийская теория неизбежно приводит к утверждению того, что подлинным Православием, наследующим непрерывную традицию Московской Руси является русское старообрядчество, Древле-Православная Церковь. Ровно в такой степени, в какой антинациональная монархия Романовых привела Россию к катастрофе XX века, никонианство — подчиненное, обмирщвленное, послушное, синодальное, казенное “православие” — привело русских к атеизму и сектантству, обескровив истинную Веру, бросило народ в объятия агностицизма, бытового материализма и ересей. Западническая сущность псевдо-монархического послепетровского Государства точно отражалась в синодальном никонианском “православии”. Европеизированные, озападненные верхи Империи трансформировали официальную Церковь в некий аналог государственного департамента. Это не могло не сказаться на самой природе Русской Церкви. Истинный православный дух ушел в народ, в низы, в раскол.

Именно к старообрядчеству, как к подлинному аутентичному русскому Православию логично было обратиться и евразийцам. Так оно и было: Н.С.Трубецкой (вместе с другими евразийцами и вообще лучшими политическими и религиозными деятелями своей эпохи, такими как еп. Андрей Ухтомский) полностью признавал правоту Аввакума, традиционность двуперстия, незаконность “разбойничьего собора 1666 года”, никонианской sprawy, неоправданность и ошибочность перехода к малороссийской редакции Священных и богослужебных текстов от редакции великоросской, московской. Но возможно “барское”, аристократическое происхождение вождей исторического евразийства препятствовало тому, чтобы однозначно и полностью признать не только историческую (это как раз было), но и экклесиологическую, церковную правоту староверов. Староверие воспринималось дворянством как “религия черни”, и элитаристы (а евразийцы были именно таковы) испытывали “классово” predeterminedенную сдержанность в отношении “простонародной веры”. К

старообрядчеству испытывали огромный интерес практически все евразийские авторы. Показателен культ Аввакума, которого евразийцы считали основателем всей современной русской литературы и чье “Житие” превозносилось как первый и уникальный образец русского национального экзистенциализма.

7. Идеократия: анагогический тоталитаризм

Важную роль в евразийской философии занимает концепция идеократического государства, идеократии. В ее основе — представление о государстве и обществе как о реальности, призванной осуществить важную духовную и историческую миссию. Эта теория получила название “идеократия”, “власть идеи”, “власть идеала”. Такой подход вытекает из более общего представления евразийцев о смысле человеческого существования, о высшем предназначении коллектива, народа, всякой общности. Человеческий факт расценивался евразийцами как переходный этап, как отправная точка для самопреодоления, а следовательно, вся антропологическая проблема виделась как задание, а не как данность. В основных своих чертах такое представление было свойственно всем духовным и религиозным традициям. В современной философии и в совершенно ином контексте мы сталкиваемся с аналогичной перспективой у Ницше и у Маркса. Православные евразийцы могли вполне повторить вслед за Ницше его знаменитое определение: “Человек есть нечто, что следует преодолеть”. Но вполне в духе общего для русской философии стремления говорить не об отдельном индивидууме, но об общей цельной общности, переносить антропологическую проблематику на коллектив евразийцы вслед за Трубецким выводили из такого подхода императив всеобщего самопреодоления. Воплощением такого коллективного самопреодоления, самовозвышения, преобразования и очищения для исполнения высшей миссии являлось, по их мнению, идеократия, возведенная в социальную государственную норму. Итальянский традиционалистский философ Юлиус Эвола называл аналогичную модель общественно-политического устройства “анагогическим тоталитаризмом”, то есть строем, при котором бытие каждого отдельного человека принудительным образом вовлекается в спиралевидное движение общего духовного восхождения, облагораживания, сакрализации.

Трубецкой считает, что проблема идеократии, ее признания или отвержения не является делом частного выбора. Это общеобязательный императив исторического коллектива, который самим фактом своего существования обязан выполнить сложное и ответственное задание, врученное ему предвечным Промыслом. Самое главное в идеократии — требование основывать общественные и государственные институты на идеалистических принципах, ставить этику и эстетику над прагматизмом и соображениями технической эффективности, утверждать героические идеалы над соображениями комфорта, обогащения, безопасности, легитимизировать превосходство героического типа над типом торгашеским (в терминологии Вернера Зомбарта).

Определенные черты идеократического характера евразийцы распознали в таких явлениях, как европейские разновидности фашизма и советский большевизм. Парадоксально, но тоталитарный характер этих режимов виделся им скорее как благо, нежели как зло. Единственно, что они ставили под сомнение (и это радикально отличало их от коммунистов и фашистов), так это анагогический характер данных социально-политических форм. Сакральный, духовный идеал был подменен в этих движениях либо вульгарным экономизмом, либо безответственной

и тупиковой расовой теорией. Подлинной идеократией для Евразии, по мнению Трубецкого, должна была бы быть лишь неовизантийская, неоимперская модель, просветленная спасительными лучами истинного христианства, то есть Православия. Только это могло бы обеспечить тоталитарным режимам сакральную инвеституру, таинственное благословение Града Невидимого Света. Но эта православная евразийская идеократия не предполагала, по Трубецкому, конфессионального эксклюзивизма, агрессивного миссионерства, насильственной христианизации. Православная идеократическая империя мыслилась евразийцами в будущем как ось и полюс общепланетарного восстания разных культур, народов и традиций против одномерной гегемонии утилитарного буржуазного колонизаторского империалистического Запада. В перспективе можно было бы предложить целый ансамбль идеократических обществ и культур, укорененных в истории различных государств и народов. Общим же должен был бы быть лишь главный принцип — отвержение западной антиидеократической формулы и представления о высокой идеальной задаче каждой человеческой общности как единого целого, охваченного страстным импульсом исполнить свою духовную миссию.

Увы, чаемого преобразования большевизма в идеократию евразийского типа не произошло, и сбылись самые тревожные предсказания евразийцев относительно того, что незаконченная и противоречивая сама в себе большевицкая идеократия без обращения к высшим духовным ценностям обречена на деградацию, падение, вырождение до того прагматического, утилитарного, безжизненного буржуазного строя, который давно укрепился на романо-германском Западе.

И все же высокие идеалы идеократии, евразийские концепции “анагогического тоталитаризма” остаются удивительно актуальными и сегодня, придавая смысл и цель борьбе тех, кто отказывается воспринимать человека и человечество как механический конгломерат эгоистических машин потребления и наслаждения и считает, что у каждого из нас и у всех вместе есть высшая задача, духовное содержание, идеальное предназначение.

8. Евразийство и структурализм

Когда сегодня говорят о философии структурализма как правило упускают тот факт, что одним из основателей этого метода, столь значительно повлиявшего на всю современную мысль был князь Николай Сергеевич Трубецкой, чьи филологические идеи стали фундаментом “функциональной лингвистики” т.н. “Пражской Школы”, которая наряду с Копенгагенской и Американской школами является одним из трех китов структуралистской философии. Те, кто анализируют филологические идеи Трубецкого и его капитальный труд, посвященный “Основам Фонологии” (Прага, 1938), никак не связывают их с евразийским мировоззрением автора, которое остается за кадром в большинстве научных исследований, посвященных Трубецкому-лингвисту. С другой стороны, историки евразийства как мировоззрения мало обращают внимания на лингвистические исследования Трубецкого, считая их частным делом мыслителя, совершенно обособленным от его идеологической активности. Однако это не верно. Филология и философия связаны между собой теснейшим образом, как явствует уже из работы самого пронизательного современного философа Фридриха Ницше “Мы филологи”.

Как утверждает знаменитая гипотеза американских структуралистов Уорфа и Сэйпера “язык, на котором мы говорим, выковывает наше восприятие реальности”.

Язык есть идеальная парадигма реальности, предшествующая материальности вещей, предопределяющая и организующая эту материальность. Для структурной лингвистики в целом характерно стремление избавиться от поступательной, эволютивной, логически-рациональной интерпретации языка, от языка, лишь тождественного логическим последовательностям атомарных слов. Вместо этого необходимо увидеть язык “холистически”, весь целиком, как общую функциональную протоструктуру, которая своими донными очертаниями предопределяет слова и послания, исходя из общего контекста, а не наоборот, т.е. не как сложение готовых рациональных элементов.

Школа антрополога и психолога Грегори Бэйтсона (1904-1980), работавшая в том же направлении, вскрыла так называемый “аналоговый уровень” языка, состоящий из “шумов”, интонаций, оговорок, функционального фона, предшествующего рациональному дискурсу, выстроенному по законам аристотелевой логики. Князь Трубецкой работал именно в этом направлении, которое в своем мировоззренческом истоке идеально гармонирует с фундаментальным для евразийства стремлением преодолеть одномерный романо-германский рационализм, выйти за пределы формальной логики. Показательно, что структуралистский метод в самых общих чертах сводится к приоритетному выделению пространственной парадигмы. Это так называемый синхронический метод, противопоставляемый диахроническому. Такой выбор методологического приоритета в области лингвистического (шире, гносеологического, философского) анализа, на самом деле, есть не что иное как проекция основной идеи евразийства — идеи плюрального, многополярного параллельного и разнообразного развития национальных культур в “цветущей сложности”. Евразийцы противопоставляли плюральное человечество одномерному универсализму Европы и именно на этом базовом цивилизационном, геополитическом дуализме основывали все остальные теории. В рамках лингвистики этой унитарной, классически “романо-германской” одномерной логике соответствует диахронический подход, представление о словесно-концепте и логической конструкции как о сущностной основе языка. Синхронический подход, напротив, позволяет частное вывести из общего, причем это общее, схватывается одновременно как цельный и живой организм, а не как мертвая механическая конструкция, целиком предопределенная функционированием своих частей.

“Функциональная лингвистика” Пражского Лингвистического Кружка, активным участником которого был князь Трубецкой, оказывается, таким образом, своего рода проекцией пространственной парадигмы, характеризующей суть евразийского мировоззрения на сферу науки о языке. Синхронический метод, лежащий в основе структурализма, является тем же самым ходом мысли (воспроизведенном на ином уровне и применительно к иным реальностям), что и базовая установка евразийской философии.

Развитие этого замечания и продолжение отслеживания аналогичных соответствий между различными научными дисциплинами и мировоззренческими установками могло бы привести нас к совершенно новой, неожиданной трактовке основных тенденций современной философии, где сквозь сложнейшие терминологические напластования проступила бы скрытая матрица глубинного диалога между двумя фоновыми протоидеологиями, предопределяющими на уровне изначального импульса все дальнейшие построения тех или иных научных и философских школ. Но если аналогичный прием у марксистов заключался в том, чтобы выяснить классовый характер теории того или иного философа и ученого (что подчас

приводило к весьма остроумным и продуктивным гносеологическим классификациям), то в данном случае мы имели бы иную дуальность — нескончаемый тайный спор между гносеологией Европы и гносеологией Человечества, между мышлением атлантистов и евразийцев. А такие фигуры как князь Трубецкой явились бы для нас важнейшими пунктами, в которых воедино сходятся отвлеченное политико-идеологическое мировоззрение и профессиональное занятие конкретным научным направлением.

Сколько неожиданных и реверсивных соответствий обнаружилось бы в том случае, если бы историю современного структурализма сопоставить с основными мировоззренческими установками евразийства... Но это отдельная тема.

9. Евразия как проект

Учение евразийцев было чрезвычайно актуально в 20-30-е годы. Наполнено почти пророческими интуициями, озарениями, прозрениями в тайну судеб России и остального мира. Евразийцы дали самый емкий и убедительный анализ государственных потрясений России в XX веке. Они сумели возвыситься над клише, свойственными их классовому и кастовому происхождению, приняв и угадав исторический позитив большевизма, но остались верными подлинным корням своей национальной и религиозной идентичности. Ими двигал не конформизм, но мужественное и смелое стремление постичь правду как она есть, по ту сторону узких, ничего не объясняющих и, в конечном счете, безответственных банальностей, которыми довольствовались остальные мировоззренческие лагеря.

Евразийство вобрало в себя все самое яркое и жизнеспособное в русской политической мысли первой половины XX века. Но их идеям не суждено было осуществиться на практике. Их страстный героический порыв не был поддержан ни Советской Россией, ни иммиграцией. К их пророчествам никто не прислушался, события шли фатальным чередом, приближая глобальную катастрофу, в которой поражение терпела не просто Россия, не просто Евразия, но все Человечество. Тревожная одномерная тень Запада, как трупное пятно, распространялась по всему миру, поражая “цветущую сложность” народов, культур и цивилизаций недугом плоско-буржуазного конца истории.

Два типа идеократии, к которым пристально приглядывались евразийцы, рухнули именно по тем причинам, которые были ими увидены и вскрыты: им обоим не хватило анагогического компонента, и каким бы второстепенным ни казался он политическим прагматикам, никакое историческое здание не будет без него стоять долго и прочно.

Сегодня мы живем в эпоху, когда Европа и ее наиболее законченное монструозное воплощение — США — отмечают последний этап своей цивилизационной победы над Человечеством. Когда рухнули последние оплоты, пусть частичной, но идеократии. Когда Евразия — как культура, государственность и идеал — пала под давлением альтернативного полюса истории. Лишь сегодня мы способны по достоинству оценить гениальность основателей евразийства, и в первую очередь, Николая Сергеевича Трубецкого. Запоздалое, трагично запоздалое признание все же приходит к ним.

Евразийцы сверстали нам полноценный, логически совершенный, удивительно притягательный идеал, объемное, многомерное открытое ко всестороннему развитию национальное мировоззрение, глубоко патриотическое по сути, но заключающее в себе заведомо действенное противоядие против вырождения до вульгарного шовинизма. Это — мировоззрение, приветствующее модернизм, жесткость и авангард, социальных технологий большевиков, но отбрасывающее порочную загниваемость экономико-материальными формулами. Мировоззрение глубоко христианское и православное, но преодолевшее двухсотлетнее синодальное отчуждение и формалистический официоз, а вместе с тем открытое к созидательному и веротерпимому диалогу с иными традиционными евразийскими конфессиями.

Самые авангардные методологии, ставшие основой сугубо современного анализа, впервые были задействованы именно евразийцами. Им принадлежит первенство в разработке принципов таких наук, как русская геополитика (Петр Савицкий), русская этнология (впоследствии блестяще развитая их учеником Львом Николаевичем Гумилевым), русская структурная лингвистика (структурализм), русская социология (особенно, теория элит) и многое другое.

Мы не можем требовать от исторических евразийцев того, чтобы они ответили на все стоящие перед нами вопросы, но мы должны быть им безмерно благодарны уже потому, что они завещали нам сокровищницу поразительно верных интуиций, развивать которые, модернизировать, обогащать новейшими данными и технологиями, почерпнутыми в других местах, является нашей самой насущной задачей.

И геополитика, и социология, и структурализм, и психология глубин, и традиционализм, и история религий активно разрабатывались в XX веке целым созвездием гениальных авторов, но нам не удалось бы адекватно применить их открытия к нашему собственному русскому опыту, если бы не гигантский теоретический рывок, осуществленный евразийцами. А с их помощью, напротив, все немедленно встает на свои места, помещается в адекватный национальный и исторический контекст, начинает играть новым светом.

Евразийство актуально как никогда именно сегодня. Это не прошлое. Это проект. Это будущее. Это императив. Это наша общая задача.

На всех уровнях, во всех секторах мысли, в религии и экономике, в философии и в политике, в культуре и науке одна цель, один метод, один путь, одна отправная черта: Евразия.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ТРИУМФ

ЕВРАЗИЙСКИЙ ТРИУМФ(эссе о Петре Савицком)

1. Понять не понимаемое умом...

Панорама русской мысли, русской культуры в целом отличается главным и фундаментальным качеством — парадоксальностью. Эта парадоксальность сопряжена с отсутствием законченной и полной концептуальной картины, изложенной в спектре рациональных дискурсов. Грани русских теорий и учений всегда размыты... Основные вектора мысли перемешены и заслонены множеством случайных и необязательных замечаний, отступлений, деталей, импрессий. Русская мысль — даже научная или политическая — всегда литературна.

Это ведет к тому, что строго разметить пространство русского интеллектуализма на основании собственных, имманентных русской культуре критериев практически невозможно. Складывается странная картина полемики или исторических споров, в которых сплошь и рядом ставятся совершенно невозможные в западной культуре вопросы (например, существовала ли русская литература до Ломоносова? Есть ли такое явление как “русское богословие” или это лишь инерциальное воспроизведение поздневизантийских клише? и т.д.) Иными словами, под вопрос ставятся сплошь и рядом не частности, но сам факт существования того или иного явления, а это придает всему дискурсу несколько лунатичный характер, как будто кто-то силится проснуться ото сна, отличить фантомы сновидений от прорезающейся яви, восстановить картину прошлого, как оно было, а не как шепчут о нем неразвевшиеся грезы, силится, но ... не может, снова срывается в полудрему.

Это обстоятельство вполне применимо ко всей русской культуре. В равной (а может, и в большей) степени применимо оно и к евразийству, особому и крайне интересному явлению в русской мысли. Это явление, на первый взгляд, размыто и неопределенно, противоречиво и парадоксально. Но вместе с тем, оно исключительно тем, что не просто представляет собой одну из разновидностей русской мысли, а пытается концептуализировать саму специфику этой мысли, дать самый общий контур того, что является основной и главной чертой “русского субъекта”, понятого в самом широком смысле — как народ, государство, религиозный тип, геополитический организм, конкретная национальная личность. Евразийство пытается не просто мыслить в полусне, как все русские, но стремится концептуализировать это состояние, предлагает систему, учитывающую всю серию парадоксов, которая составляет характерную атмосферу национального мировоззрения в его общем виде.

Уже постановка такой задачи делает евразийство уникальным и беспрецедентным явлением в русской истории. Ведь речь идет о систематизации того, что, по выражению Фета, “нельзя понять умом”.

В евразийстве мы сталкиваемся с двойной степенью неопределенности — неопределенностью, свойственной самой русской мысли, и попыткой широкой систематизации этой неопределенности в новую неопределенную, но обладающую своей собственной логикой, концепцию. Если принять во внимание еще обстоятельство, что в нашем положении мы также имеем дело с чрезвычайно запутанной идеологической ситуацией, в которой сосуществуют на равных основаниях взаимоисключающие друг друга философско-идеологические установки — как продукты духовного смятения нашей неясной эпохи, то выносить суждение о евразийстве и оценивать успех или неудачу этого начинания становится в высшей степени трудно.

Но мы, сознавая всю рискованность этого предприятия, все же попытаемся это сделать.

2. Петр Савицкий — идеолог Великой Евразии

Отцами-основателями евразийства могут считаться два человека Николай Сергеевич Трубецкой (1890-1938) и Петр Николаевич Савицкий (1895 — 1968). На определенном этапе к ним примыкали такие известные люди как Г.В. Вернадский, Г.В.Флоровский, П.М.Бицилли, А.В.Карташев, Н.Н.Алексеев и т.д. Евразийцами второго порядка могут быть названы П.П.Сувчинский, П.С. Арапов, П.Н. Малевский-Малевич, В.Н.Ильин (не путать с крайне правым монархистом И.А.Ильиным — злостным противником евразийства), Н.П.Рклицкий, В.П.Никитин, А.Я.Бромберг, кн. Д.Святополк-Мирский, М.В.Шахматов, И.В.Степанов и т.д.

Если первый интеллектуальный толчок движению дал основополагающий труд Н.Трубецкого “Европа и человечество”, то главным идеологом евразийства, его вождем следует назвать именно Петра Савицкого. Конечно, евразийство было сугубо коллективным движением, в общей сложности на протяжении всей его истории оно объединяло вокруг себя множество людей — евразийские митинги и конференции собирали тысячи участников, а влияние их идей распространялось на широкие круги русской эмиграции и даже на значительные секторы спецов и попутчиков. оставшихся в Советской России и принявших советскую власть со значительными оговорками. Но все же в центре всего движения стоял один человек Петр Савицкий, именно он был душой евразийства, его бесспорным лидером, его лицом. Другие видные евразийцы - Н.С. Трубецкой, Г.В.Флоровский, Г.В.Вернадский, Л.П. Карсавин утвердились как авторитеты в какой-то конкретной области — Трубецкой как лингвист, Флоровский как богослов, Вернадский как историк, Карсавин как философ, а к евразийству они примыкали в качестве признанных авторитетов в иных сферах. Савицкий же — несмотря на профессиональную подготовку в географической науке, правоведении, теории международных отношений и т.д. — был собственно евразийцем по преимуществу, евразийцем номер 1, подобно тому как Ленин, являвшийся философом и публицистом, был, в первую очередь, большевиком, а потом уже всем остальным.

Петр Николаевич Савицкий родился на Черниговщине в дворянской семье. Позже в своих статьях он будет подчеркивать свое малороссийское происхождения в полемике с украинскими самостийниками, упрекавшими евразийцев в узко-великоросской идее.

Образование Савицкого было техническим. Он окончил Петроградский политехнический институт по специальности экономист-географ. Блестящее знание иностранных языков и компетентность в области международных отношений способствовали тому, что уже в ранней юности он занимает в Русской миссии в Норвегии должность секретаря-посланника.

Его политические взгляды изначально сформировались под влиянием партии кадетов, т.е. он был умеренным национально ориентированным либералом. Идеологи кадетов — П.Струве и знаменитый ученый В.И.Вернадский — были для него основными учителями. В полном соответствии с кадетской логикой Савицкий не принимает Октябрьской революции, и становится на сторону белых. Он участвует в правительстве Врангеля, где занимает важную должность — первого

помощника-секретаря Петра Струве, министра иностранных дел в этом правительстве.

После поражения белых он оказывается в Галлиполе, а позже в Праге, традиционном пристанище для белой эмиграции. Здесь в Праге и начинается история евразийства.

Савицкий знакомится с трудами Трубецкого, а также с ним самим и предлагает ему учредить новое идеологическое движение на основании тех идей, которые Трубецкой наметил в своей книге.

Так появляется первый евразийский сборник “Исход к Востоку. предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев” (София, 1921). В нем в сжатой форме излагаются основные принципы нового движения, новизна и смелость которых потрясла все русскую интеллектуальную элиту того времени. На этот сборник откликнулись практически все крупные фигуры того времени — Струве, Бердяев, Милуков, Ильин, Краснов, Гиппиус и т.д. Отныне именно отношение к евразийцам и их тезисам будет отличительной чертой для самоопределения идеологической позиции русской эмиграции. Те, кто отнесется сочувственно и положительно к их программе составят фракцию Третьего Пути (ни большевизма, ни царизма). Те, кто отвергнут ее, однозначно отождествятся с антикоммунистической консервативной или либеральной реакцией. “Исход к Востоку” — первая законченная и последовательная декларация русской Консервативной Революции, того парадоксального движения, которое было чрезвычайно популярно в эту эпоху в Европе и дало жизнь некоторым известным тоталитарным режимам.

В центре сборника стоят Савицкий и Трубецкой. Причем Савицкий формулирует основные принципы резче, яснее, дерзновеннее, чем его коллеги. В некотором смысле, это произведение Савицкого, его яркий, гениальный и до конца не понятый ни тогда, ни сейчас вклад в русскую культуру. в становление русского мировоззрения.

Евразийство захватило умы, и в результате инициатива получила свое развитие. В 1922 году последовал второй сборник — “На путях. Утверждение евразийцев”. Позднее стали выходить отдельные номера “Евразийского временника”, а в 1926 году программный документ “Евразийство. Опыт систематического изложения.”, большая часть которого написана Савицким. Кроме того, периодически появлялись выпуски “Евразийской хроники”.

За всеми этими инициативами всегда ясно проступает личность Савицкого — он пишет большинство манифестов, определяет планы и темы изданий, редактирует материалы, организует симпозиумы и конференции. При этом надо учитывать, что все это происходит в тяжелейших моральных условиях, в эмиграции, при полной оторванности от горячо любимой, обожествляемой евразийцами России. А кроме того, двусмысленность евразийского Третьего Пути, его принципиальный и декларируемый разрыв и с правыми (рыночниками, царистами, консерваторами) и с левыми (большевиками), автоматически создает врагов в обоих секторах расколотого Революцией и Гражданской войной русского общества.

Савицкий является истинным вождем евразийства, уступая руководящие роли в официальных евразийских структурах Н.Трубецкому лишь по соображениям

старшинства. На самом деле, Трубецкой — чистый интелlectual, не склонный к политическому активизму. В Вене, где Трубецкой жил, так никогда и не было создано полноценной евразийской ячейки, тогда как в Праге, Белграде и Софии Савицкому лично удалось создать многочисленные и прекрасно организованные структуры.

Один участник евразийского движения так описывал психологический портрет Савицкого: “Савицкий, конечно, лидер... Он является крестным отцом евразийской идеологии... Он хорошо и всесторонне образован. Кроме того, он в высшей степени одаренный человек, способный мыслить логически. Диалектически его способности развиты великолепно. Ко всем его интеллигентским дарованиям надо прибавить основной стержень — бешеное честолюбие, которое нельзя понимать вульгарно. Его привлекает не министерский портфель. Его идеал — Ленин, вождь и пророк масс...”

В середине 20-х годов евразийское движение входит в полосу затяжного кризиса. Намечается раскол между правой и левой версиями самого Третьего Пути. Это вполне логично — долго выдерживать напряжение этого новаторского, парадоксального синтеза, да еще при попытках придать ему идеолого-политическую нагруженность, невероятно трудно. Это драма всего евразийства и личная драма Савицкого, его главного идеолога.

В Париже в 1926 году начинает выходить газета “Евразия”, в которой все яснее проявляется откровенная пробольшевистская направленность движения. С другой стороны, Пражский кружок, объединяющий отцов-основателей (в частности самого Савицкого, Алексеева, Карташова и т.д.), все более тяготеет к консервативным позициям. Дело усугубляет выход из движения Флоровского и Бицилли, которые не в силах выдержать новаторство и авангардность евразийской идеологии, выбирают социальную пассивность, отрекаются от мировоззренческой борьбы и углубляются в архивно-историческую работу, махнув рукой на бросаемый историей вызов.

Итак, евразийство раскалывается, а к середине 30-х годов практически затухает. Левые евразийцы фактически становятся послушными инструментами Москвы, отказываясь от изначальной оригинальности движения, а правые сосредотачивают свое внимание на узкоспециальных областях — истории, геополитике, экономике и т.д.

Сам Савицкий преподает в пражской гимназии вплоть до 1945 года, когда его арестовывают советские войска. За антисоветскую деятельность он получает 10 лет лагерей, где он пребывает вплоть до 1956 года. В заключении он знакомится с молодым талантливым историком — сыном гениального русского поэта и не менее гениальной поэтессы — Львом Николаевичем Гумилевым. Гумилев становится прилежным учеником Савицкого, и позже именно он станет главным теоретиком и вдохновителем евразийского подхода в советской историографии. Позже они снова встретятся, но уже в Праге, на научном симпозиуме. Именно у Савицкого Гумилев заимствует все основные положения своей собственной теории этногенеза, именно Савицкий заражает его интересом к Евразии, Турану, культурным циклам и т.д. Без Савицкого Гумилева не было бы... Так даже мрачные условия ссылки становятся для не сломленного евразийского интеллектуала способом распространения своих идей. И история показала, что это дало свои результаты — несравненный успех воззрений Гумилева, невероятная популярность его книг и теорий в наше время.

свидетельствуют о том, что, в конечном счете, главное дело жизни Савицкого не пропало даром — в евразийские исследования включились сотни русских историков, интеллектуалов, географов, даже часто не осознававших, что через Гумилева и его идеи они напрямую выходят к полноте евразийского мировоззрения, чреватого многими имплицитными выводами, которые сам Гумилев по вполне понятным причинам не делал.

В 1956 году Савицкого освобождают и даже реабилитируют. Он возвращается в Прагу к семье. В 1961 году он публикует в эмигрантской прессе под псевдонимом “Востоков” тексты, описывающие его пребывание в лагере, за что снова попадает в заключение. Только вмешательство известного философа Бертрана Рассела позволяет ему выйти на свободу.

Савицкий умер в 1968 году всеми забытый, никому не нужный, гонимый, усталый, с полным ощущением того, что все дело его жизни окончилось совершенным провалом.

Мы позволим себе опровергнуть это. Нет, именно он оказался прав, именно его дело имеет реальные шансы на великое будущее, именно его Россия, Россия-Евразия окажется финальной и триумфальной реальностью, которой суждено воплотить в себе все мистические, духовные, философские и религиозные поиски уникальной и загадочной русской души.

3 Tertium datur

Евразийство — мировоззрение, которое ставит своей целью объяснить все несуразности, трагические и страстные порывы русской истории в таком же парадоксальном ключе, подобрав к уникальной и парадоксальной стихии такую же уникальную и парадоксальную концепцию. Евразийцы отказываются становиться на привычные позиции, признавать банальные клише во всех историко-философских, мировоззренческих, политических, правовых и религиозных вопросах, которые они затрагивают. Им свойственен сугубо диалектический метод, напоминающий удивительную индусскую формулу, которая призвана описать высшую трансцендентную реальность Божества — “ни это, ни иное”. Это запечатлено уже в самоназвании всего движения — евразийцы, сторонники России, понятой как Евразия.

Евразия — концепция парадоксальная. Это ни Европа, ни Азия. В такой перспективе сама проблема адекватной интерпретации России, ее истории, ее религиозности, ее этно-социальной и экономико-политической реальности может решаться только в рамках новаторского, авангардного подхода, отвергающего традиционно принятые в этой сфере нормативы. Западническая линия в русской интеллигенции рассматривала Россию как “отсталый сектор Запада”, а следовательно, применяла сугубо западные романо-германские критерии к оценке основных вех ее истории. Европейские же историки вообще относили Россию к темным, азиатским, деспотически-авторитарным государствам.

Евразийцы вслед за славянофилами утверждали, что обе точки зрения на Россию (и как на “отсталую часть Европы” и как на “развивающуюся часть Азии”) не достаточны, что Россия представляет собой самостоятельную категорию, особое “месторазвитие” (по терминологии Савицкого). Но в отличие от славянофилов евразийцы смотрели не в прошлое, а в будущее, не идеализировали старину (часто

понятую довольно лубочно), но стремились выдвинуть проект творимой истории, не романтизировали крестьянскую общину и официальную триаду (православие, монархия, народность”), а разрабатывали теории жесткой идеократической власти, основанной на активной циркуляции элит.

Евразийцев называли поэтому “славянофильскими футуристами” или “православными большевиками”. Еще точнее подходило к ним определение “консервативные революционеры”.

“Ни это, ни иное”, *tertium datur* — вот общая формула евразийского метода. Отсюда вытекает и их отношение к большинству важнейших вопросов. В политике это означало — “ни за белых, ни за красных” или “ни царизм, ни большевизм”. В религии — “ни петербургское синодальное официозное православие, ни марксистский атеизм”. В экономике — “ни социализм, ни капитализм”. В философии — “ни абстрактный идеализм, ни грубый материализм”. И так далее.

Повсюду и во всех вопросах это заветное евразийское *tertium datur*.

Более частный вопрос — отношение к Революции. Здесь евразийцы применяют все тот же принцип. Они рассматривают революцию как зло. Это естественно, если учесть общее для всех них белое прошлое и традиционное национал-патриотическое воспитание (а также дворянское происхождение). Это отличает их от левых, сменовеховцев и самих большевиков. Но в то же время они рассматривают ее как зло неизбежное, совершенно не случайное, вытекающее из всей логики русской истории, а следовательно, чреватое — как кульминация болезни — новым выздоровлением, новым преображением, пробуждением.

Евразийцы считали, что большевики явились закономерным следствием всего петербургского периода, в котором доминировали западнические, светские, отчужденные тенденции, а православно-монархические и народнические лозунги лишь стыдливо прикрывали самодурство чиновничьей бюрократии и ориентированного на Европу дворянства. Особенно клеймили евразийцы элементы западного капиталистического хозяйствования, внедрившиеся в Россию с середины XIX века и глубоко чуждые национальным традициям. Октябрьская революция положила конец петербургскому периоду — в крови и насилии, в экстазе бунта и неистовстве восстания, но отчужденная, светская, петровская почти “протестантская” Россия исчезла. После переходного периода евразийцы ожидали нового национального возрождения, перерождения марксизма в нечто иное, возврат на новом диалектическом уровне к высоким идеалам Православной Империи, под древним допетровским лозунгом — “За Веру и Правду!”

Евразийцы говорили о “новом строе” и “новом человеке”, черты которых ясно различимы в коммунистических революционных преобразованиях, но как искажение, гротеск, экстравагантная пародия. Жесткость, модернизм, новые люди у власти, укрепление центральной власти, модернизация всех сторон жизни — все это евразийцы у большевиков приветствовали. Но в то же время они настаивали на духовной ориентации общества, доминации православной религиозности, жесткой иерархии, основанной на меритократии, мистическом, а отнюдь не экономическом понимании сути истории.

Из всего этого складывалось уникальное идейное образование, представляющее собой некий сверхрадикальный консерватизм с одной стороны, и логичный и авангардный модернизм с другой.

В общей логике своего парадоксалистского мышления евразийцы по новому посмотрели на этнически-расовый состав России. Ключом к пониманию специфики русского народа для них была, развитая Трубецким идея о синтетической периоде русских, состоящих из двух принципиальных компонентов — арийского славянства и туранских (тюркских) этносов. Из двух противоположных полюсов — арийского и туранского — родилось нечто третье, новый уникальный синтез, представляющий собой нечто особое, ни на что не похожее, оригинальное и мессиански выделенное.

Русские это не славяне и не тюрки, не арийцы и не азиаты. Они особая общность, наделенная великой миссией и глубоко своеобразной культурой, не подчиняющейся логике ни европейских, ни азиатских культурных интерпретаций.

Этой расовой диалектике точно соответствовала ландшафтный дуализм — Леса и Степи. Оседлый, северный, населенный преимущественно славянами Лес был одной составляющей русского государства. Кочевая, южная, преимущественно тюркская Степь была второй составляющей. Из этих двух элементов и сложилась Россия-Евразия и этнически, и географически, и культурно, и мировоззренчески синтезировавшая в себе пары противоположностей, приведя их к высшему синтезу, имеющему отнюдь не локальное, но абсолютно универсальное значение.

Такой подход, специфически евразийский метод объяснял практически все несообразности, все парадоксы и противоречия русского пути, отменяя европоцентристскую трактовку русской истории, но вместе с тем корректируя в значительной степени и славянофильскую линию.

В вопросах философии, культуры, религии евразийцы также имели свои особые воззрения. Безусловно, все они были православными, но вместе с тем их явно не удовлетворяло казенное петербургское вероисповедание, почти чиновничий морализм клира и аллегорическая интерпретация таинств, бытовавшее в Церкви. Они искали основ и глубин, стремились к новой (или, наоборот, древнейшей, изначальной) религиозности, “бытовому исповедничеству”, что могло бы распространить религиозный опыт на всю полноту космической Среды. Поэтому у евразийцев столь важный акцент делается на идее “стихий”, космических “элементов”. Мир, природу, историю, общество — все это они понимали как грани латентной Божественности, как аспекты световой теофании, тотально и повсеместно связывающей низшее с высшим, имманентное с трансцендентным, поюстороннее с потусторонним. Для них был неприемлем классический дуализм романской теологии — идея о “двух Градах”, ставшая основой романо-германской религиозности и государственности. Напротив, как нельзя близок и внятен им был допетровский глубинно русско-православный, а ранее византийский идеал “Православного Царства”, в котором высшее и низшее слиты воедино в общей социально-религиозной литургии, “общем делании”, “святого народа” (*ieros laos*), аристократической элиты, монарха-василевса, государя-предстоятеля и созерцательного, мистического, исихастского Православия — афонского, святоотеческого, восточного, аскетического, светового. Такая особая религиозность, в которой вновь как и повсюду у евразийцев явно обнаруживается та же тринитарная логика, — “не мир сей, не мир иной, но нечто третье”, — резко

контрастировала с общими настроениями в церкви, особенно в эмигрантских кругах, где нормой было крайне замкнутый, угрюмый, антисоветский, гиперконсервативный настрой. Евразийцы же, отправляясь от своего идеала, напротив, значительно расширяли тему религиозности, положительно относясь не только к самому Православию, но и к иным евразийским концепциям — исламу, буддизму, индуизму, ламаизму и т.д. Более того, евразийцы огромное внимание уделяли сектам и в первую очередь русским сектам, вышедшим из старообрядчества, так как и в этом случае они считали, что полноты истины нет ни у никониан, ни у сторонников древнего благочестия (или сектантов), и что в данном случае снова следует искать пути для нового синтеза и духовного преодоления противоположностей. В той же перспективе они рассматривали и большевизм — он представлялся им глубоко религиозным, духовным, народным, мистическим и национальным импульсом, облекшимся в искаженные формы заимствованного с Запада, материалистически-экономического учения. В конечном итоге, часть левых евразийцев выдвинуло совсем уже парадоксальную формулу — “необходим синтез между Православием и марксистским атеизмом”! Но даже такой парадокс, отвергнутый впрочем более умеренным (пражским) крылом вполне вписывался в логику “евразийской ревизии”(1).

Все эти тринитарные парадоксы воплощаются и оживают только в одном уникальном пространстве мира — в России-Евразии. Россия сама по себе — всегда нечто Третье, выходящее за рамки дуалистической оценки. Это объясняет и наш темперамент, и нашу культуру, и нашу удивительную литературу, и нашу страстную религиозность, совмещаемую подчас с предельным нравственным падением, и нашу азиатскость, и нашу европейскость, и нашу чуткость ко всему новому, и нашу глубоко консервативную психологию, наш монархизм, и нашу демократичность, нашу покорность и наше бунтарство...

Россия — особый мир, континент, несхватываемый в нормальных категориях, уникальные земли, избранные Божественным проведением для какой-то невероятной важной всечеловеческой миссии...

Евразийцы вплотную подошли к интуированию какой-то величайшей тайны, к прозрению в некую трансцендентальную сферу, обнаружение которой связано с определенными пиковыми точками мировой истории... Они заглянули по ту сторону вуали, скрывающей от людей таинство космического замысла.

4 Геополитика евразийства

Пожалуй, никто из исследователей евразийства не обратил внимание на то обстоятельство, что именно евразийцы были первыми русскими авторами, которые начали употреблять термин “геополитика”.

И тем не менее это факт. Более того, именно лидера евразийцев Петра Савицкого следует назвать первым русским геополитиком в полном смысле этого слова. Для того, чтобы во всей мере оценить уникальность роли Савицкого, предпримем кратчайший экскурс в историю этой явно недооценивавшейся до самого последнего времени науки.

Базовые принципы геополитики были сформулированы немецким географом Ратцелем (он называл новую науку “политической географией”), шведом Рудольфом Челленом, англичанином Хэлфордом Макиндером, американцем

Мэхэном, французом Видалем де ля Блашем и немцем Карлом Хаусхофером. Все эти авторы, не смотря на глубокие расхождения в своих идеологических и политических симпатиях, были согласны относительно базовой, основополагающей картины мира, вытекающей из данных этой уникальной науки. В основе ее лежит противостояние двух типов цивилизаций, предопределенных географическими категориями. С одной стороны, речь идет о “талассократических”, морских цивилизациях, связанных с островным или береговым типом существования, мореходством и торговым строем. Пример этого типа — Карфаген, Афины, Португалия, Британская Империя, в современном мире — США. В первой половине 20-го века в понятие талассократии включались страны Антанты (за исключением России), т.е. западные республиканско-демократические режимы. После 1945 года эта геополитическая категория отождествилась с либерально-демократическим лагерем и странами НАТО.

Вторым полюсом является теллурукратическая цивилизация — континентальная, авторитарная, сухопутная. Ее древнейшими примерами могут служить Рим, Спарта, Византия, позже Россия. Теллурукратическая зона — это земли, довольно удаленные от теплых морей, удобных для торговли береговых зон. Это внутренние пространства континентов. Эта территория называется также Heartland или “сердечная земля”. Макиндер(2) считает, что в настоящее время heartland’ом являются земли, прилегающие к центру евроазиатского материка, т.е. территория России(3).

Между “сердечной землей” и морской цивилизацией расположены береговые зоны, rimland. За контроль над ними ведется стратегическая борьба континенталистов и талассократов.

Такова в самых общих чертах картина геополитического видения основных факторов государственного, цивилизационного, идеологического и политического хода истории. В основе таких воззрений лежит принцип “географии как судьбы”.

Англосаксонские геополитики применяя научные данные к конкретной политической действительности, делали на этом основании вывод о принципиальной и структурной противоположности собственных интересов интересам континентальных держав — в первую очередь России и Германии. На основании этого самой большой опасностью представлялась перспектива русско-германского геополитического и стратегического альянса, так как он мог бы укрепить беспрецедентным образом мощь двух континентальных, теллурукратических держав.

Германские геополитики внимательно рассматривали выводы англосаксов и приходили к аналогичным выводам, только с обратным знаком. Так Карл Хаусхофер глава немецкой геополитической школы выступал за создание “континентального блока” по оси Берлин-Москва-Токио(4). Это представлялось ему адекватным ответом на англосаксонский вызов.

Обычно историки геополитики, говоря о континентализме, заканчивают свой разбор школой Хаусхофера, считая ее прямым антиподом англосаксонской линии. Но в этом-то и состоит самое удивительное. Одновременно с Карлом Хаусхофером развивалась полноценная и самостоятельная геополитическая доктрина, еще более последовательная и законченная нежели германская модель, так как в отличие от двойственного положения Германии, здесь континентальный выбор был

органичным, естественным и единственно возможным. Речь идет о теориях Петра Савицкого.

Савицкий является фигурой ничуть не уступающей по масштабу Хаусхоферу или Макиндеру. Он представляет собой голос той реальности, которую именуют heartland, “сердечная земля”. И именно эта сугубо геополитическая категория, учитывающая и принимающая весь объем уникального геополитического подхода, всю колоссальную теорию “исторической функции пространства”, стоит в самом центре мировоззрения Савицкого и его сподвижников. Это и есть Россия-Евразия. Россия-Heartland, Россия-Срединная земля... Именно Савицкий является той личностью, которая наиболее адекватно и последовательно дала осмысленный и полноценный ответ на проблему, поставленную геополитикой как наукой. Если американец Мэхэн (а позже Спикмен) выразил основной вектор американской геополитики — как магистральный путь к принятию полноты ответственности за мировую талассократию, к превращению в “главный остров” мира; если англичанин Макиндер рассматривал талассократию как стратегическую судьбу Англии и всего англосаксонского мира; если француз Видаль де ля Блаш полагал, что геополитическое будущее Западной Европы (в частности Франции) лежит в тесной солидарности с Англией и Америкой; если немец Хаусхофер полагал, что будущее Германии зависит от эффективного противостояния на планетарном уровне западному талассократическому блоку, то от лица геополитических интересов России последовательно и ответственно выступал один единственный человек — Петр Николаевич Савицкий(5), разработавший полноценную и развитую теорию специфически русской геополитики, осознающей свою континентальную миссию, радикально противостоящую талассократическим тенденциям и принимающую свою материковую, сухопутную, и поэтому универсальную судьбу.

То досадное обстоятельство, что этот великий человек был незаслуженно забыт, что его имя в контексте геополитической науки практически не упоминается. является глубокой несправедливостью. Без него и его идей геополитический дуализм представляется неравномерным. Талассократический полюс и противостоящий ему германский континентализм считаются классическими позициями, породившими собственные школы и теории, а русский полюс рассматривается как бессловесный, исполняющий свою геополитическую миссию по инерции, бездумно и не рефлекторно. Это абсолютное заблуждение, и тексты Петра Савицкого являются прекрасным и выразительным опровержением такого мнения.

Теллурократия в ее самой радикальной и последовательной форме имеет свое выражение, свое школу, своих выдающихся теоретиков. Оппозиция Востока и Запада, буржуазного меркантилизма и либерализма с одной стороны, и идеократических форм с другой, прекрасно осознавалась и осмыслялась евразийцами, которые — в их левом крыле — довели логику этого дуализма до самых последних выводов и ... признали правоту большевизма, выполнявшего, с геополитической точки зрения явно континенталистскую функцию.

Макиндер называл русские земли “географической осью истории”. Евразийская геополитика представляет собой концептуализацию стратегических, культурных и духовных интересов этой оси. В евразийцах ось истории обретает свой голос, пронзительно и однозначно заявляет о себе.

4. Великоконтинентальная утопия

Все упоминания о евразийцах и их истории постоянно сопровождается указанием на утопичность их воззрений, на их идеализм, абстрактность. Именно в этой утопичности и романтизме принято видеть причину их исторического краха. Но приглядимся к этой проблеме внимательней. Большевики тоже были утопистами, и их взгляды даже в общем контексте хаотических настроений предреволюционной поры казались верхом экстравагантности и мечтательности. И тем не менее, эта небольшая секта фанатиков смогла перевернуть устои гигантской, консервативной, довольно пассивной страны. И после всех экспериментов, даже закончившихся крахом спустя более 70 лет, вряд ли найдется кто-то, кто осмелился бы утверждать, что коммунистический утопизм помешал большевикам создать на определенный и довольно период времени уникальное новаторское авангардное и сносно функционирующее государственное образование. Тот или иной утопический проект реализуется или не реализуется отнюдь не из-за того, что он слишком абстрактен или далек от суровой реальности. Причины гораздо глубже. Кстати, наряду с теми же большевиками, в России существовало множество иных и мощных и решительных и довольно фанатичных партий (левые эсеры или анархисты, к примеру), но они растворились в истории, почти ничего не оставив после себя.

Утопизм, безусловно, присущ евразийскому мировоззрению. Но он присущ вообще любому проекту, ведь сущность проекта как раз и заключается в том, чтобы изменить актуальное состояние реального положения вещей, а не концептуализировать постфактум статус кво. Заметим, что наиболее последовательный “антиутопизм” привел самых радикальных либеральных авторов (например, фон Хайека) к отрицанию и дискредитации самого понятия “проект”, распознанного как нечто “аморальное”⁽⁶⁾ (так как осуществление проекта сопряжено с насилием над существующим де факто положением вещей).

Поэтому указание на “утопизм”, будучи справедливым, еще ничего не объясняет. Да, многие евразийские предвиденья оказались либо не точными, либо слишком поспешными. Так евразийцы предвидели быстрый крах марксизма в России, и перерождение правящего режима под давлением внутренних энергий в идеократическое государство Третьего Пути с доминирующей консервативно-революционной идеологией. Они полагали, что Православие и религиозный дух в скором времени вытеснят марксистскую ортодоксию, и на место большевизма придет идеология евразийства и его партийное выражение. Когда к концу двадцатых годов стало очевидно, что такой поворот событий маловероятен, евразийцы подошли к важнейшей для движения черте — либо надо было признать (как Устрялов и национал-большевики), что евразийский идеал в большевиках и воплотился, либо надо было оказаться от основной идеи, признав правоту реакционного и радикально антисоветского крыла эмиграции, утверждавшего, что “Россия кончилась”, что “весь народ впал в сатанизм” и “продался дьяволу” и что только “интервенция Запада и оккупация им России может изменить ситуацию к лучшему”.

Это была самая драматическая эпоха для всего евразийского движения. Бесконечная ностальгия по оставленной родине, усталость от сирого эмигрантского существования, нарастающая неприязнь к безразличному, эгоистическому Западу и его культуре, моральный надлом и внутри эмигрантские

склоки — все это постепенно разрушило изначальный авангардный пафос, обессилило вождей, внушило скепсис и сомнения рядовым активистам.

Георгий Флоровский, разочаровавшись во всем, выбрал крайне правый путь, замкнулся в богословской тематике, переехал в США и, начав с отстаивания абсолютной чистоты Православия (7), окончил тем, что стал лидером экуменического движения, которое, по всем параметрам, глубоко чуждо православному духу.

Но оставим Флоровского и других критиков евразийства справа. Гораздо важнее понять смысл евразийского замысла, основанного на особой диалектике, самостоятельной и оригинальной геополитической доктрине, уникальном духовном синтезе.

Евразийцы сформулировали в общих чертах модель Русской Утопии, причем сочетающей в себе как резюме консервативных славянофильских и народнических чаяний, так и футуристические и мобилизационные, авангардные мотивы. Эта евразийская Утопия, объединяла в себе критический реализм, строгое знание об экономико-технической и промышленной стороне реальности с предельным идеалистическим, духовным напряжением. Интуиции Достоевского о всечеловеческой миссии русского народа, традиционное учение о Москве-Третьем Риме, о Святой Руси, ковчеге спасения и даже коммунистический хилиастический мессианизм большевиков (Третьего Интернационала) все эти важнейшие тенденции русской истории, аспекты уникальной и не имеющей аналогии Русской Судьбы переводились евразийцами в форму законченного мировоззрения, одновременно и непротиворечивого, и открытого для всех возможных форм уточнений и нюансировок(8).

Россия — особый континент, утверждали евразийцы. Этот континент по меньшей мере равен по своему значению не просто какой-то одной европейской или азиатской стране, но такой крупной цивилизационно-географической формации как Европа или Азия (взятые в целом). Полновесное и всеобъемлющее утверждения такой самобытности, вписанной в географию, культуру, этническую психологию, цивилизацию, исторический путь Русского Народа и Русского Государства является для евразийцев осью их Проекта. Но и эта довольно сильная мысль не является пределом дерзновенного мировоззрения евразийцев. В далекой перспективе Русская Правда видится как высшая и уникальная форма духовно-культурного, религиозно-исторического синтеза, способного вместить в себя все высшие, световые, богоявленные аспекты и Европы и Азии, и Востока и Запада, чтобы слить и утвердить их в эсхатологической благодати нового Русского Рая, предчувствия которого пронизывают всю русскую культуру, историю, литературу, поэзию, даже политику.

Евразийцы иногда применяли к самим себе название “третий максимализм”. Имелось в виду, что это — движение столь же радикальное, экстремистское, утопическое и предельное, как правые и левые “максималисты” (монархисты и большевики). Но “третий максимализм” представлял собой не абсолютизацию, доведение до крайности одной из полярных тенденций (радикальный модернизм или радикальный архаизм), за счет полного отрицания другой. Евразийская Утопия предполагала особый своеобразный синтез, некое обобщение обоих максимализмов в головокружительной, рискованной и сверхнапряженной модели. Можно считать это “соблазном”, как свойственно поступать более умеренным

темпераментам, более чиновничьим и обывательским натурам... Но все великое требует невероятного напряжения сил, творчества и созидания не бывает без риска.

Евразийцы не смогли приступить к реализации своего проекта. Эмигрантская среда была бессильна и раздираема внутренними противоречиями, а вожди СССР считали, что марксизм является самодостаточным учением, и даже если в Революции участвовали национал-мессианские элементы, осознавшие большевизм в мистико-религиозных терминах, то это следовало использовать в прагматических целях. Но все же постепенно начав с принципа “прав народов и наций на самоопределение”, сами большевики пришли к подлинному имперостроительству, и реализовали на практике некоторые существенные аспекты евразийского плана (хотя и в усеченном, искаженном виде). Конечно, евразийцы оказались прозорливей антисоветских сред в эмиграции, постоянно заявлявших о скором конце большевиков. Конечно, только евразийский анализ позволяет понять перерождение в патриотическом, этатистском духе марксизма в СССР. Конечно, только евразийская геополитика объясняет поведение Сталина и позже Брежнева на международной арене. И в этом смысле, левые евразийцы и национал-большевики были абсолютно правы. а их анализ событий той эпохи совершенно не потерял актуальности (в отличие от полностью опровергнутых историей “предвидений” реакционеров и антисоветчиков).

Но все же очевидно, что СССР так и не стала той Великой Евразийской Империей, Русским Раем, о которых грезил евразийцы. Полной и совершенной трансформации не произошло, каких-то важнейших компонентов не хватило для эсхатологического синтеза.

И в этом свете трагическое свидетельство судьбы Петра Савицкого приобретает значение символа. Его отказ от левого уклона парижского отделения “Евразии” (хотя самого себя он и называет в письме Струве в 1921 г. “национал-большевиком” (9)!) имеет огромное значение. Духовный вектор, солнечный православный ориентир даже понятый максимально широко, парадоксально и новаторски не просто один из компонентов евразийской утопии, которым можно пренебречь по прагматическим соображениям. Савицкий настаивает на том, что необходимо “различать духов”. Что “третий максимализм” — это все же не одна из версий “максимализма красного”, но нечто самостоятельное, требующее своего собственного воплощения, своей собственной истории, своей собственной партии, своего собственного пути.

И снова Савицкий оказывается прозорливее других. Тот зазор, который существовал между советской идеологией, советской государственной практикой с одной стороны, и евразийским проектом, с другой, и явился, в конечном счете, рычагом, с помощью которого развалилось Великое Государство, потерпело крах великое начинание. Лишенная идеологической гибкости евразийцев, парадоксализма их философии истории, особой мистической интегрирующей религиозности, их ясного геополитического анализа советская государственно-идеологическая конструкция, в конце концов, разлетелась вдребезги, не в силах противостоять агрессивному давлению извне и не в состоянии удовлетворить адекватным образом культурно-духовных запросов изнутри.

Утопия, как показал, в частности, наш век, вполне реализуема. Но пока осуществлялись лишь ее промежуточные, приближенные, искаженные версии, в

которые уже изначально были заложены подвох, порча, роковые элементы подделки, недодуманности, несовершенства.

Евразийская Утопия (как и проекты Консервативной Революции в широком смысле) — самая совершенная, логичная, последовательная, непротиворечивая, жизненная, страстная, световая и солнечная, а самое главное — так резонирующая с высшими уровнями нашего национального духа, нашего исторического пути.

Евразийский проект, в отличие от большевистского, не знает печальных результатов поражения, а что еще хуже — вырождения, превращения в самопародию, внутреннего разложения. Он просто отложен на некоторое время. Видимо, сроки рождения Великой Евразийской Империи еще не подошли. Но строго говоря, кроме этого проекта никакого иного на данный момент не существует — кроме него либо полная капитуляция перед Западом, либо страусиная политика беззубого, архаичного, безответственного, “археологического” консерватизма.

Пусть Савицкому (как и Устрялову, Артуру Мюллеру ван ден Бруку, Тириару, Никишу(10)) не суждено было стать “Лениным евразийской революции”. Что ж, значит он будет “евразийским Марксом” или даже “евразийским Фурье”.

Солнечная мечта о мире справедливости и братства, о Государстве Духа и нового человека, о полной победе светлого разума над мраком материи никогда не исчезнет из человечества или по меньшей мере из русского народа. В противном случае от этого человечества останется лишь кишащая масса эгоистических мертвецов, последних людей, о которых пессимистически пророчествовал Ницше. Но этого не будет, не должно быть...

А раз так, то евразийская мечта, высокий идеал Последнего Царства, спасительной, богоносной России-Евразии обязательно воплотится в жизнь. И исходя из высшей трансцендентной логики мы уже сегодня с полным основанием и правом можем сказать — Евразийство просто обречено на триумф, на то, чтобы стать главным духовным орудием Русской Борьбы и Русской Победы — победы над хаотической, фатально дуальной, безысходно гравитационной и энтропийной роковой логикой “мира сего”, тщетно пытающегося сегодня порвать последние связи с “миром Иным”.

-
- (1) До окончательного логического вывода данный тезис довел представитель родственного евразийцам направления — национал-большевик Николай Устрялов.
 - (2)Кстати, сам Макиндер, один из классиков геополитиков и автор самой базовой концепции геополитического дуализма был представителем Великобритании в белой армии, консультируя Колчака и Врангеля . Не исключено, что Савицкий, занимавший высокий чин в правительстве Врангеля, был с ним лично знаком (хотя документально подтверждающих это сведений нет).
 - (3) См. Ж-л “Элементы. Евразийское обозрение”, Москва. 1995, номер 7. Хэлфорд Джордж Макиндер “Географическая ось истории” стр. 26 — 31
 - (4) Там же. Карл Хаусхофер “Континентальный Блок: Берлин — Миосква — Токио” стр.32 — 36.

- (5) Подробно о соотношении геополитических доктрин Макиндера, Хауфхофера, Мэхэна, и Савицкого см. книге А.Дугин “Основы Геополитики. Геополитическое будущее России”, Москва, 1997
- (6) См. “Элементы”, 1995, номер 5. Аллен де Бенуа “Хайек: Закон Джунглей” стр.43 — 47
- (7) Как будто в нашей Церкви все так ясно, и нет никаких проблем и парадоксов; у Флоровского постоянно повторяется выражение “смутился”, такой-то смутился об одном богословском вопросе, такой-то о другом, и складывается впечатление, что задача заключается не в том, чтобы найти истину, а чтобы паче чаяния “не смутиться”, даже ценой выспренного повторения витиеватых, но бессодержательных банальностей.
- (8) См. на эту тему также “Элементы”, 1996, номер 8. “Геополитика Православия” ЦСМИ, стр.38 — 42 и А.Дугин “Тамплиеры Пролетариата”, Москва, Арктогея, 1997
- (9) Цит. по ГАРФ, ф.5783, оп. 1, д.358, л.110
- (10) Об идеях и судьбах этих мыслителей и политических деятелей см. ж-л “Элементы”, номера 1 (1992), 3 (1993), 8 (1997), а также А.Дугин “Консервативная Революция”, Москва, Арктогея, 1994 и он же “Тамплиеры Пролетариата”, op.cit.

ТЕОРИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

(эссе о Николае Николаевиче Алексееве)

1. Один из трех наилучших

Имя Николая Николаевича Алексеева при перечислении ведущих евразийцев упоминается не всегда. Это — досадное недоразумение, резко контрастирующее с масштабом и глубиной этого мыслителя, с важностью его трудов и концепций для всего евразийского мировоззрения. Имена Карсавина (мыслителя довольно ординарного) или Сувчинского (который вообще ценен больше своей финансовой поддержкой движения, чем посредственными статьями) идут в первом ряду перечисления евразийцев, а Алексеев — после запятой, а иногда его и просто забывают. На самом деле, он вполне может быть включен в тройку наиболее интересных, оригинальных, глубоких евразийских авторов наряду с Николаем Трубецким и Петром Савицким. Но если Трубецкой специализировался на культурно-этнических и идеологических аспектах евразийства, если Савицкий вел геополитику, географию и возглавлял политико-заговорщическую линию, то Алексеев является столпом “теории евразийского права”. Этот культурно-политико-правовой триумвират (Трубецкой-Савицкий-Алексеев) и должен рассматриваться как три основные линии евразийского учения, составляющие совокупно абрис уникального, полноценного, крайне оригинального, мировоззрения, единственно непротиворечивого, адекватного самой сути русского пути по истории.

Алексеев заложил основу “евразийского права”, той юриспруденции, которая должна была, согласно евразийским чаяниям, сменить советскую юриспруденцию после неизбежного краха коммунистического правления, но при этом сохранить всю полноту идеократического, глубокого национального пафоса большевизма, безошибочно распознанного евразийским как доминирующая национальная черта русского народа.

Итак, перед Алексеевым стояла вполне конкретная задача. — Ему надлежало выработать юридическую теорию, которая, с одной стороны, проистекала бы из магистральной линии органического социального развития русского народа, а с другой, максимально соответствовала бы современным критериям и требованиям. Для осуществления такой задачи, следовало самым серьезным образом пересмотреть все существующие и существовавшие в России правовые концепции — от трудов дореволюционных авторов до советских юридических и конституционных документов. Кроме того, необходимо было выработать адекватную позицию и относительно юридической мысли Запада.

Можно ли представить себе задачу более масштабную, необъятную, явно превышающие возможности одной единственной личности, даже одаренной и прекрасно подготовленной? И тем не менее, Алексеев справился с этой миссией, и благодаря ему сегодня мы имеем основы уникальной теории, которая, на наш взгляд, рано или поздно, но станет отправной точкой в выработке органического, укорененного в истории, модернизированного и идеально соответствующего нашей национальной среде Русского Права.

Но и этой заслугой не исчерпывается вклад Алексеева в евразийское дело. Параллельно собственно юридической стороне вопроса, он развивал и крайне интересные философские, культурно-исторические темы. Поразительно, но именно у Алексеева чаще всего встречаются ссылки на плеяду современных ему консервативно-революционных мыслителей. Он постоянно обращается к Освальду Шпенглеру и Карлу Шмитту, к немецкой органицистской социологической школе и даже к ... Рене Генону! Насколько нам известно, это уникальный случай цитирования Генона среди русских философов той эпохи, и уже один этот факт показывает насколько истинно и точно постоянно проводимое нами отождествления евразийского движения с магистральной линией западного традиционализма, теорий Третьего Пути и Консервативной Революции.

Открытие Алексеева, возврат и осмысление его наследия — категорический императив нашего общего евразийского возрождения.

2. Евразийский контекст

Будучи евразийцем, Алексеев остается радикальным “восточником”. Это означает, что географический и геополитический Восток представляет для него положительный полюс, тогда как романо-германский мир, Запад, вызывает неприятие и отторжение в его наиболее существенных аспектах. Такое выделение строгой дихотомии между Западом и Востоком является отличительной чертой евразийства в целом и восходит к формуле князя Николая Трубецкого — “Европа и человечество”, где “Европа” (=“Запада”) противопоставляется остальному человечеству, как агрессивная, претендующая на уникальность и полноту моральной и физической власти, аномалия. “Человечество”, как обратный “Европе” термин, отождествляется с “Востоком”. Кстати, крайне любопытно

указать на существование книги Рене Генона “Восток и Запад”(1) (цитируемой Алексеевым), где утверждается точно такая же концепция: “Запад” — мир вырождения и упадка, декадентский “современный мир” как резкое, катастрофическое отклонение от норм и принципов Традиции, а “Восток” — мир Традиции и верности принципам, полноценная реальность, сохранившая связь с изначальным миром “золотого века”.

Русские славянофилы (+Леонтьев) и евразийцы, немецкие органицисты (Фердинанд Теннис и т.д.), а позже Консервативные Революционеры (2)(Артур Мюллер ван ден Брук, Эрнст Юнгер, Освальд Шпенглер, Мартин Хайдеггер, Карл Шмитт и т.д.) и романские традиционалисты (Рене Генон, Юлиус Эвола) утверждали в сущности очень близкий подход к современности, подход культурно-протранственный, явно резонирующий с геополитикой, но в то же время и основанный на исторической парадигме, причем в корне противоположной доминирующей на Западе прогрессистски-эволюционистской модели. “Современность” отождествлялась с Западом, Традиция — с Востоком. Но при этом привычные оценочные знаки менялись на противоположные. “Современный мир”, “прогресс” рассматривался как вырождение и упадок, Традиция и постоянство культурно-религиозной парадигмы бралось в качестве высшего блага.

Таким образом, “современное”, “западное”, “прогрессивное” рассматривалось как отрицательное, подлежащее преодолению или даже разрушению. Положительным же тезисом было “Великое Возвращение”, “исход к Востоку”, как к “Истоку”, к началу, к Принципу, к забытой, утраченной сердцевине вещей, к Heartland’у, “сердечной земле”(3).

Однако в этот общий для всего консервативно-революционного движения на европейском континенте, русские евразийцы вносили существенную поправку, сформулированную впервые Петром Савицким. Он заявил в своей рецензии на основополагающую книгу Трубецкого, что выделанная тем дихотомия “Европа и Человечество” должна быть конкретизирована, так как второе понятие — “Человечество” — слишком расплывчато для того, чтобы служить оперативной категорией исторического противостояния цивилизаций и чтобы мобилизовать геополитические и национальные организмы для конкретного политического и метаполитического действия. Савицкий, опираясь на геополитику, предложил сделать следующий концептуальный шаг — отождествить “Человечество”, противостоящие Европе, то, что Генон называл “Востоком” с Россией, но понятой не как национальное государство, а как континентально-культурная потенция, как идеальная инстанция, достаточно ясно осознающая свою историческую миссию с одной стороны, и достаточно открытая и в тоже время концентрированная, чтобы выступать от имени всей “Не-Европы”. Когда Достоевский, этот величайший русский консервативный революционер, говорил о “всечеловечности русских”, он имел в виду ту же самую мысль. “Европа“ предлагает, навязывает силой всем остальным свой архетип “человечества”, тождественный “современному европейцу и его системе ценностей и приоритетов”. Это “прогрессивный западный космополитизм”. Этому европейскому космополитизму, стремящемуся стать универсальным и единственным, противостоит “Русский Всечеловек”, леонтьевская “цветущая сложность”, евразийский ансамбль культур, религий и этносов, объединяющийся вокруг России с тем, чтобы противостоять агрессии Запада и утвердить право на Традицию и самобытность.

Петр Савицкий подробно развил эти тезисы, снабдив их как геополитическими исследованиями, так и анализом глобальных процессов конкретной политики. Ту же самую геополитическую русофилию мы встречаем и у большинства Консервативных Революционеров в Германии — у Мюллера ван ден Брука, переводчика на немецкий Достоевского и автора эпохальной книги “Третий Райх” (термин, узурпированный позднее нацистами), у Эрнста Никиша, у геополитика Карла Хаусхофера (с его доктриной евразийской оси Берлин-Москва-Токио(4)). Эта “евразийская составляющая” в движении немецких консервативных революционеров получило название *Ostorientierung*.

Правда Рене Генон сделал иной вывод и просто перешел в ислам, переехал в Каир, и полностью интегрировался в арабскую социально-религиозную среду, оставив Запад, который, с его точки зрения, был отныне безвозвратно потерян. Его ученик и друг Юлиус Эвола, кстати, переводчик Шпенглера на итальянский и друг Мережковского, пытался реанимировать индоевропейское “язычество” и участвовал в идеологическом обеспечении фашистского и национал-социалистического движений, которые в целом отвергали выводы геополитики и евразийский подход. Но это уже детали. Отправная толка у всех была одинаковой, и бесславный конец стран Оси во Второй мировой войне подтвердил теоретическую правоту именно евразийцев и их европейских единомышленников, а не расистов и сторонников возврата к “традиционной Европе” в одиночку, без помощи Востока.

В контексте таких базовых ориентаций и действовал Алексеев, полностью разделявший радикальные евразийские взгляды, которые в контексте всех направлений консервативной революции были наиболее последовательными, законченными, непротиворечивыми и убедительными. Если Россия-Евразия должна осознать свою особую цивилизационную миссию и воплотить ее в жизнь, ей требуется готовая доктрина, охватывающая все общественные, идеологические, экономические и социальные уровни. Николай Алексеев поставил перед собой задачу создания теории евразийского государства (или гарантийного государства, в его терминологии). И в этом смысле, его роль вполне тождественна с позицией гениального немецкого юриста Карла Шмитта(5), перед которым стояла аналогичная задача, но в ином национальном контексте.

Алексеев — это русский Шмитт, и продолжая эту аналогию, можно утверждать, что без евразийской философии права Николая Алексея полноценного представления о евразийстве нельзя получить точно также, как нельзя говорить о немецкой Консервативной Революции, обходя молчанием одну из ее центральных фигур — фигуру Карла Шмитта.

3. “Обязательное государство” против “правового государства”

Философия евразийцев базировалась на противопоставлении органицистского, “холистского” подхода к и обществу и истории и подхода механицистского, “атомарного”, индивидуалистического”, “контрактного”. Органицизм (холизм) видит исторические народы, государства и общества как органические сущности, как цельные естественные существа, рождающиеся совместно из духа и из почвы, из органического сочетания субъектных и объектных аспектов. Отсюда вытекает специфический подход ко всем остальным, более частным вопросам.

Атомарный подход, напротив, рассматривает все социально-исторические образования — этносы, государства, классы и т.д., как следствие произвольного объединения в группы отдельных атомарных личностей, индивидуумов, которые фиксируют такое объединение в разнообразных формах “контракта”, “договора”. Иными словами, неделимым, константным в таком механицистском подходе является только индивидуум (это латинское слово и означает “неделимый”, а его точным греческим аналогом будет слово “атом” — “неделимый”), все остальные образования в конечном итоге являются историческим произволом, не обладают никакой самостоятельной онтологией и поэтому могут столь же произвольно меняться, уступая место иным формам контрактных групп.

Любопытно, что органицистский подход был наиболее распространен в среде германских ученых, тогда как “индивидуализм” получил свое приоритетное развитие в Англии и Франции. Русские консервативные философы (славянофилы) всегда тяготели к органицизму и в этом отношении преимущественно опирались на немецких авторов. В пространственном смысле прослеживается такая закономерность — органицизм (холизм) характерен для Востока, индивидуализм — для Запада, причем это справедливо как для европейской части Евразии, так и для всего континента (дальневосточная традиция и индуизм представляют собой наиболее радикальные формы холистской философии и религиозной доктрины).

Николай Алексеев спроецировал этот дуализм на теорию права и получил очень интересный результат. Исследование западной юридической мысли привело его к выводу, что само понятие права уже изначально связано с механицистской индивидуалистической доктриной. “Право” описывает сферу свободы индивидуума относительно иных реальностей — других индивидуумов, собственности, природных и культурных сред, социальных институтов и т.д. Иными словами, право исходит из предпосылки “автономности”, “суверенности” индивидуума, его самодостаточности и законченности перед лицом иных пластов бытия. Отсюда Руссо вывел свою экстремальную теорию. “естественных прав”. Но уже задолго до Просвещения, на феодальном Западе и даже отчасти в античном мире Алексеев видит тенденции к автономизации индивидуума и подтверждения этой автономизации в социальном кодексе. Изначально понятие “права” относится к избранным категориям — к Императору, к патрициям, позже к сеньорам, представителям клира и т.д. Здесь еще далеко до Руссо, признававшим “естественное право” за всеми членами человеческого общества, но общая тенденция прослеживается довольно ясно. По мере движения в этом направлении мы приходим к современным либеральным теориям права, наиболее полно изложенным в трудах австрийского либерального юриста Кельсена. Расширив понятие права на каждого члена общества, мы приходим к концепции правового государства, к знаменитой сегодня концепции “прав человека”.

Николай Алексеев показывает, что этот путь юридической мысли и эволюции правовых институтов отражает лишь одну из возможных линий социального развития, основанную на атомарной индивидуалистической, рационалистической философии, которая естественна и логична для Запада, но совершенно чужда и неприемлема для Востока. Очень важно акцентировать этот момент мысли Алексеева — само понятие “права” связано со строго фиксируемой геополитической, географической реальностью. Оно претендует на универсальность, но на самом деле, отражает сугубо локальный процесс развития лишь одного из сегментов человечества. С иронией Алексеев указывает на тот факт, что под “Общей теорией права” западные юристы понимают “общую теорию

западного права”, оставляя вне сферы рассмотрения все альтернативные юридические модели, которые, однако, распространены и до сих пор среди народов, составляющих большую часть человечества, а кроме того, существовавшие и на самом Западе в иные исторически эпохи. Иными словами, в юридической сфере снова вскрывается типичный обман — Запад стремится навязать свои локальные установки всем остальным народам, отождествляя свой уникальный географический и исторический опыт с “общей теорией развития”, с “магистральным путем социальной и моральной эволюции” и т.д. Интереснейший вывод Алексева — когда мы употребляем слово “право”, мы уже имплицитно входим в систему западного образа мышления. попадаем в философский контекст, чуждый органицистской логике.

Но что же противостоит концепции права в альтернативных социальных моделях? Концепция обязанности. На этом Алексева останавливается подробно. Приводя в пример социальную историю Руси он очень точно употребляет старый термин “тягловое государство”, государство, строящееся на принципах доминанции обязанностей.

В наиболее чистой форме такая “тягловая система” вообще не знает и не признает никаких прав, но повсюду утверждает только обязанности. Это вытекает из философской установки традиционного общества, которая рассматривает индивидуума как часть целого, как несамостоятельную и не самодостаточную проекцию на единичное всеобщего. Отсюда индивидуум представляется лишь частичкой единого целого — Церкви, государства, народа, нации, общины. Это — общинный принцип, принцип предшествования общего в формировании целого. Фердинанд Теннис, на которого часто ссылается Алексева, прекрасно разобрал этот дуализм в противопоставлении принципов *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*(6). *Gemeinschaft* означает “община”, *Gesellschaft* — “общество”. Латинскими эквивалентами являются “*communa*” и “*socium*”. “Коммуна”, “*Gemeinschaft*”, “община” предполагают, что целое предшествует частному, предопределяет его, и поэтому у частного перед целым есть только обязанности. “*Socium*”, *Gesellschaft*, “общество”, напротив, видит общее как продукт частного, целое — как составленное, возникшее посредством связи (“*socium*”, “*Gesellschaft*” — дословно означает “связанное”, “соединенное”, “искусственно скрепленное”). Следовательно, такое “составное единство” самим своим существованием целиком обязано своим частям, которые за счет этого автоматически получают базовые “права”, “права”, проистекающие из их онтологического первенства.

Фактически возникает две возможные теории права. В одной фигурируют индивидуумы как частное и договорное сообщество как продукт связей частного. Соотношения между ними и индивидуумов между собой и составляет содержания права, как его понимает Запад. Предельным выражением такой конструкции является теория “правового государства” и “прав человека” (это последнее вообще не предполагает государства, которое в данном случае можно заменить какой-то иной формой ассоциации, что приводит к современным теориям “мондиализма”, “Мирового Правительства” и т.д.)

Вторая теория права имеет дело не с индивидуумами (“неделимыми”), но с персонами, личностями, так как термин “персона” в греческом означало “маску” и применялось к характеристике участников трагедии. Русское “личность” — этимологическая калька с греческого, и означает оно более “функцию” и “роль”, “маску”, а не самостоятельную и суверенную, автономную единицу. Эти личности-

маски являются дискретными формами выражения единого — общины, народа, государства. Они выполняют “тягловую функцию”, “тянут” лямку общественного бытия, которая так тяжела именно потому, что речь идет об операции со всеобщим, с целостным, с единым. Общественное поле каждой личности в “тягловом государстве” заведомо сопряжено с полнотой весомой онтологии. Здесь все служат всему, осуществляя роль, заданную целым и имея в качестве награды онтологическую, постоянную перспективу полноценного соучастия в этом целом, возможность неограниченного черпания из этого целого бытийных сил и душевного покоя.

Не является исключением в “тягловом государстве” и сам суверен, Царь, василевс, тот, кто является носителем права по преимуществу в западной концепции задолго до Просвещения и либерализма. Евразийский царь, царь органицистского общества — такая же персона, маска, такая же тягловая фигура, как и все остальные. Он служитель общего бытия, а следовательно, он первый, кто чувствует на себе все бремя онтологического служения. Царь более обязан, чем все его подданные. Он лично ответствен за бесперебойное функционирование всех остальных личностей. Он не собиратель тягловой дани, а надсмотрщик, “епископ” общего бытийного предприятия, которое ему поручено чем-то высшим, нежели он сам, в отношении чего сам он — лишь маска и роль, функция и служитель.

Алексеев мягко, чтобы окончательно не запугать русскую эмигрантскую старорежимную интеллигенцию, воспитанную в подавляющем большинстве на либеральных теориях, говорит о концепции “правообязанностей”, как об альтернативе правового подхода. Но объективно следовало бы все же говорить только об “обязанностях”, об “обязательном государстве”, о “тягловом государстве”, которое, если и пользуется категорией права, так только в прикладном, инструментальном, подчиненном смысле, для структурализации и рационализации тех юридических вопросов, которые удобнее рассматривать с позиции прав. Но эта техническая необходимость обращения к “правам” еще не означает их причастности к общественной онтологии, а следовательно, имеем смысл, строго говоря, исключить само упоминание о “правах” из базового определения “евразийской юриспруденции” и говорить только об “обязанностях”, что будет являться вполне симметричным западным концепциям “правового государства”.

4. “Монастырь наш — Россия”

Чтобы не передегивать позицию нашего автора, все же следует уточнить, что он не называет евразийское государство “обязательным”, но говорит о “правообязанностях”, о “гарантийном государстве”, о “демотии” и “идеократии”. Термин “демотия” евразийцы употребляли, чтобы разграничить между собой механицистское и органицистское понимание демократического принципа. “Демотия” — это “органическая демократия”, принцип “соучастия народа в своей собственной судьбе”, по определению Артура Мюллера ван ден Брука(7). Такое соучастие, в отличие от либеральной демократии предполагает соучастие в судьбоносных социальных, государственных решениях не только ныне живущих, совершеннолетних граждан, принадлежащих к конкретной территории и социальной системе, но некоего особого существа, народного духа, который складывается из мертвых, живых и еще нерожденных, из общего естественного пути народа как общины сквозь историю. “Идеократия” же означает подчинение социальной жизни конкретного идеалу, естественному “телосу”, вытекающему из

культуры, религии и духа нации и государства, остающегося постоянным несмотря на политические, идеологические, этнические и даже религиозные катаклизмы. Конечно, и принцип “демотии” и концепция “идеократии” однозначно приводят к “обязательному государству”, как к радикальной антитезе западному праву, к своего рода Анти-Кельсену. Но все же Алексеев лично стремится акцентировать более благодатные, положительные черты евразийского государства, а не ту довольно жесткую социальную онтологию, которая сопряжена с “обязательным государством” и которая так наглядно воплотилась в советском строе.

Такое стремление несколько дистанцирования от радикальной модели “обязательного государства” проявлена у Алексеева в социально-юридическом осмыслении традиционного для русской историософии противопоставления иосифлян, сторонников Иосифа Волоцкого, епископа Волоколамского, и заволжцев, последователей исихаста Нила Сорского. Иосиф Волоцкий, почитаемый русский святой, был одним из первых русских теоретиков “тяглового государства”. Он рассматривал все социальные и даже духовные проявления личности как служение национально-религиозному Целому, Православному Царству, Святой Руси. Позже линию Волоцкого продолжил Иван Пересветов, главный теоретик опричнины, и сам Иван Грозный, знаковая фигура Московской Руси, этого яркого исторического примера “обязательного государства”. Совершенно справедливо различает Алексеев эту же линию в пафосе ранних старообрядцев, а в наше время в большевизме и ленинизме. Алексеев признает, что “иосифлянство” явление глубоко евразийское, симптоматичное, крайне существенное для понимания альтернативной Западу социально-юридической модели. Но при этом Алексеев склонен рассматривать такой тип не как центральную ось, но как один из возможных полюсов евразийской социальной организации, как Грозный Полюс, как ограничительный, запретительный, подавляющий, террористический режим абсолютизированного общественного служения. Кстати, из современников Алексеева такую иосифлянскую модель защищали национал-большевики и сменовеховцы.

Но признавая преимущества иосифлянства перед либерализмом, Николай Алексеев все же тяготеет к иной версии социального устройства, которую он возводит к линии заволжских старцев, к Нилу Сорскому, его ученику Вассиану Патрикееву, князю Курбскому. Это — Милосердный Полюс евразийской модели, высвобождающий для духовного, созерцательного делания по ту сторону социально-тяглового служения, особое культурно-духовное пространство, призванное компенсировать эксцессы социализации и тоталитаризма, облагородить и утончить пафос “обязательного государства”. И эта линия, безусловно, также является глубоко укорененной в русской национальной стихии, которая наряду с этикой службы и подвижничества прекрасно знает этику светлого умозрения, фаворского созерцания, светового преображения плоти в дух. Линия заволжских старцев, ее проекция в политику, в некое тайное общество, на которое намекает Алексеев и которое, по его словам, стоит за самим явлением евразийства, дает теорию полноценного мессианского государства, идеальной России-Евразии, Третьей Руси, которая кладет в основу “обязательное государство” иосифлян, но сублимирует его до исихастско-монастырского умного созерцания. “Монастырь наш Россия” — говорил по сходному поводу Николай Гоголь.

Причем этот Милосердный Полюс отнюдь не является, строго говоря, уступкой правовому принципу. Просто представление о базовой личности, являющейся инобытием общественного единства, возвышается до мистически-церковного,

созерцательно-монашеского уровня. Никаких прав у личности так и не возникает, но помимо тягловой социально-политической, трудовой обязанности, возникает благодатная, компенсирующая, световая, но та же обязанность, обязанность личностного исихастского соучастия в полноте нетварного фаворского Света, открытого Иисусовой жертвой каждому члену Церкви, Церкви как изначального единства, конституирующей “новую личность”, “благодатную личность” христианина, рожденного свыше.

Мистика русской истории подтверждает правоту Алексеева. — Нил Сорский был канонизирован и причтен к лику святых, так же как и его оппонент Иосиф Волоцкий. Но почитание Нила Сорского было довольно локальным, тогда как Иосиф Волоцкий пользовался славой общенационального святого, любимого и широко почитаемого всем народом. Точно также и в политических моделях евразийского государства — иосифлянская, Грозная, Московская, опричничково-большевистская линия была общераспространенной, как своего рода “экзотеризм”. Тогда как Милосердная линия заволжских старцев была внятна элите — старцам Оптиной, монашеству, тонким пророкам России (таким как Достоевский или Блок), нашим мистикам и духовидцам.

5. Византизм

Крайне интересна типология двух альтернативных социальных моделей, предложенная Алексеевым в статье “Идея “земного града” в христианском вероучении”, соотносящая юридические формы с религиозно-конфессиональными установками. Алексей точно указывает на тот важнейший факт, что ветхозаветное общество было прообразом современных либерал-демократических режимов, так как оно не знало теории “органического государства”, основывалось на исключительно теократических принципах и всячески релятивизировало (а некоторых случаях и демонизировало) значение царской власти(8). Элементы этой “теократической демократии” Алексей прослеживает через всю историю западной юриспруденции вплоть до современных теорий “правового государства”. Это очень важный элемент — отождествление иудейской традиции с западным духом, с западной формой. То же самое (хотя в другом контексте) утверждал Рене Генон, причислявший иудаизм к духовным традициям Запада(9). В дальнейшем, уже в христианском обществе, та же линия привела к католической модели, к папо-цезаризму и т.д. Высшей и самой законченной формой такого государства-антигосударства ветхозаветного типа Алексей считает США, страну крайнего Запада, где все социал-либеральные тенденции достигли своей исторической кульминации. И не случайно США являются делом рук протестантских экстремистских сект, которые пытались искусственно воссоздать в Новом Свете копию древне-иудейской реальности, к которой традиционно апеллируют все кальвинистские ветви протестантизма.

Алексеев совершенно справедливо утверждает, что Восток придерживался иной социальной модели, в которой, напротив, подчеркивалось значение монархического принципа, “деспотии”. Вместо “общественного договора” под надзором теократии — “холистское государство” под главенством Царя-Отца, по своей органичности напоминающее трудовую семью или даже единый организм. Можно сопоставить теократический принцип с доминанцией рассудка, головы. Монархический принцип — с доминанцией сердца, центра существа.

Русь изначально строилась как государство восточного типа, противоположного иудаистической модели. Еще раньше такая радикально неиудейская форма сложилась в Византийской Империи, которая была воплощением христианской традиции, распознанной в восточном (“евразийском”) ключе. Православие и его политико-социальная доктрина — это евразийское христианство. Но в отличие от нехристианских монархий Востока, православный василевс не обожествляется в полном смысле этого слова. Его функции и даже священство его общественного, холистского служения подчиняются световым принципам Церкви не персонифицировано, как в католичестве, но мистически, провиденциально, эсхатологически. Грубо такая модель называется “цезаре-папизмом”. Но здесь не просто перевернуты пропорции относительно папо-цезаризма западного христианства. Здесь качество обеих функций совершенно иное, формы властвования сконфигурированы отлично от соответствующих институтов Запада. Византизм, на самом деле, в чем-то созвучен гибеллинской идеи в ее наиболее возвышенной версии. Царство понимается как религиозное служение, как аспект Церковного эклисиологического домостроительства, как эсхатологическая и сотериологическая функция. Император не отбирает у Патриарха (Папы) религиозные полномочия, но сакрализует в полной мере свою светскую власть, делая ее более чем светской, преображающей службой. Духовный же владыка помещается еще выше в духовном смысле, но в светском, напротив, его полномочия сокращаются, освобождая энергии для чисто религиозно-созерцательного, мистического, евхаристического служения. Таким образом, византийская модель не просто восточная деспотия (хотя в худшем случае она скатывается именно к ней), но идеальный сбалансированный строй, с оптимальными пропорциями между “тягловым принципом” холистского Государства, государства как идеи, как онтологической нерасчленимой сущности, как принципа, как сакральной Империи, и духовным деланием религиозного домостроительства спасения.

Но даже если этот гармоничный, провиденциальный баланс между двумя типами власти теряется (а именно такой баланс Рене Генон считал отличительным признаком подлинно традиционного, совершенного общества), византизм обречен на нисхождение в восточную модель деспотии, а отнюдь не в “правовое государство”, в которое вырождается ветхозаветная или католическая социальные формы.

6. Проект Евразийского Государства

Каковы основные выводы из трудов Алексева? Что предлагает он взамен критикуемых юридических, правовых систем?

Во-первых, и это важнее всего, Алексева однозначно утверждает, что право в России должно строиться на принципах и предпосылках, альтернативных западно-либеральным юридическим теориям. Не право важно, но правда, государство правды. Гарантийное, “обязательное” Государство, имеющее дело с личностями, но не с индивидуумами, с проекциями единого, а не атомарными учредителями произвольного и необязательного коллективного предприятия. Следовательно, национальная юриспруденция должна резко и жестко отказаться от копирования правовых теорий Запада, подвергнуть их детальному и скрупулезному историко-геополитическому и критическому анализу, перенимая лишь то, что не противоречит принципам “тяглого государства” и может быть использовано в ограниченно-инструментальных целях.

Во-вторых, идеальным типом Евразийского Государства будет полноценная византийская модель, сочетающая грозный принцип иосифлянского тотального служения, анагогического тоталитаризма общенародного, общегосударственного домостроительства, с милосердным принципом заволжского созерцания, исихастского преображения, возвышающего общинное делание до уровня Умного Делания.

В-третьих, Евразийское Государство должно последовательно идти к универсализации своего типа, вбирая в себя иные культуры и этносы, обогащая их светом спасительной миссии и обогащаясь само уникальностью многообразия культурных форм. В конечном счете, сама Евразия должна быть осознанна и рассмотрена как Единое Целое, как нерасчленимая общность, как пластическая протореальность историко-географической (пространственно-временной) судьбы. Но это Целое проявляется через учреждаемые им самим “персоны”, национальные личности, которым доверено тягловая миссия — свести континентальную мозаику к единой картине, расшифровать ландшафты и этнические ансамбли как фрагменты единого законченного текста, прочтение которого доверено поколениям эсхатологической эры, населению Великой Евразийской Империи Конца, создание и укрепление которой является высшей миссией и последним избраннычеством народа, русского народа-богоносца.

Николай Алексеев сделал на этом пути очень многое. Остальное он предоставил тем, кто придет за ним. Т.е. нам.

Сноски:

- (1) См. также Рене Генон “Кризис современного мира”, Москва, 1994
- (2) См. А.Дугин “Консервативная революция”, Москва, 1994
- (3) См. А.Дугин “Основы геополитики”, Москва, 1997
- (4) Там же.
- (5) Там же. См. также “Консервативная революция”, *op. cit.*, ж-л “Элементы” №3, 1993 и №8 1997
- (6) См. А.Дугин “Консервативная революция”, *op. cit.*, или ж-л “Элементы” № 4, Москва, 1993
- (7) См. А.Дугин “Консервативная революция”, *op. cit.*
- (8) Подробно соотношение жреческого и царского принципа в православной традиции разобрано в книге А.Дугина “Метафизика Благой Вести (православный эзотеризм)”, Москва, 1996
- (9) См. А.Дугин “Основы геополитики”, *op. cit.*

ПОСЛЕДНИЙ ПРЫГУН ИМПЕРИИ

(эссе об Александре Проханове)

1. “Поразительно умный человек”

“Поразительно умным человеком” назвал Лев Толстой Проханова. Конечно, это относилось к Проханову-старшему, тоже издателю и тоже писателю, к интеллектуалу и нонконформисту, жившему сто лет назад.

Ничего не меняется. Одни и те же имена, одна и та же мучительная борьба, одно и то же сверхчеловеческое напряжение сил, одна и та же Россия, сложная, терзаемая, опьяненная самой собой, духом своих людей, лучших людей земли, ее солью...

В делах о духовной секте Татариновой в XIX веке фигурирует генерал Евгений Головин, а среди следователей-чиновников — Липранди. Моя собственная юность прошла под знаком дружбы с великим современным мистиком Евгением Головиным и в кампании сверстника Олега Куприянова, прямого потомка Липранди... Мой далекий предок Савва Дугин боролся против западничества Анны Иоанновны за крайний православный традиционализм, за восстановление Патриаршества, за возврат к Старой Вере (за что и был казнен Бироном).

Такое впечатление, что в истинной истории принимает участие очень ограниченный круг людей, а все остальные выступают как расплывчатые и невыразительные декорации, как иллюстративный материал истории.

Нет никаких сомнений, что существует “вечный Проханов”, издатель “Духовного христианина”, “Дня”, “Завтра”. Вчитываясь в то, что публиковал “Духовный христианин”, этот интеллектуальный журнал нонконформистской, революционно-консервативной, национальной и неортодоксальной русской мысли, поразительно много встречаешь параллелей с нашим временем.

Проханов родом из кавказских молокан, из крайней спиритуалистической русской секты, одержимой мечтой о “волшебной стране”, где вместо воды источники земные дают молоко, белое райское молоко... Туда же к Кавказу тянулись согласия и толки “параллельной России”, бежавшие прочь от романовской скуки и зевотной чиновничьей веры. Из родных моих ярославских земель, где около половины населения были староверами, и где в знаменитом селе Сопелково обосновался всероссийский центр бегунского согласия, тянулась нить национальных сектантов, хлыстов, скопцов, прыгунов, шелапутов, безденежников к русскому Кавказу, прохановскому Кавказу, белой святой арийской горе Эльбрус, недалеко от которой первые молокане нашли таинственные источники белого, молочного цвета.

Все повторяется.

Линии русских судеб сходятся в конце тысячелетия в последний узор.

2. Мамлеевский шепот

Своим знакомством с Александром Прохановым я обязан Юрию Мамлееву, глубочайшему и прозорливейшему современному русскому писателю, нашему новому Достоевскому. Вернувшись из глупой эмиграции в перестройку, крестясь на фонарные столбы и облизываясь на любимые русские московские лица как на пасхальные яйца Мамлеев своим классическим полупшепотом сообщил мне в конце 80-х: “А Вы знаете, Саша, что Проханов “наш”...”

“Как “наш”?”, — удивился я. Мне казалось, что он по ту сторону баррикад, что он — кадровый, человек, покорно и безропотно обслуживающий догнивавшую Систему. А это в моих глазах в то время было полнейшей дисквалификацией.

“Нет, Вы ошибаетесь, — продолжал уверять меня Мамлеев, — он все-таки “наш”, “потаенный”, “обособленный”...”

Я поверил Юрию Витальевичу и пошел в журнал “Советская Литература” к Проханову.

После нашей встречи я смутно почувствовал, что Мамлеев был прав.

3. Неудавшееся преображение

Но настоящее озарение Прохановым пришло в фатальный август 1991. Это был поворотный момент моей идеологической судьбы. Утром 19 августа, в Преображение Господне, когда я услышал голос Лукьянова по радио, я осознал себя до конца и бесповоротно совершенно советским человеком, фатально, триумфально советским. И это после стольких мучительных лет лютой ненависти к окружающему строю, к “Совдепу”, после радикального бескомпромиссного национал-нонконформизма... Конечно, я всегда презирал и Запад, считая, что у России есть свой путь, не советский и не либеральный, третий, особый, уникальный и мессианский. Но в тот август я (даже вопреки своему сознанию) всей внутренней логикой души был на стороне ГКЧП. Речь Лукьянова была для меня ангельским хором. Слова обращения — вестью о новом порядке, о верности и чести, о решимости последних государственников встать на защиту великой державы перед лицом распустившихся столичных толп, мечтающих отдаться кока-колонизаторам.

Совсем скоро пришло понимание катастрофы. Вялые солдатики; агрессивные и вмиг собравшиеся враги, на глазах превратившиеся из вялых и пассивных кээспэшников в фанатичную и хваткую русофобскую и, увы, крайне эффективную, свору; невнятные гэкэчеписты...

И когда уже стало ясно, что все кончено, что вот-вот вернут из Фороса могильщика последней империи, на тухнущем экране появляется знакомое лицо Проханова. Под свинцовой плитой вздыбившихся сил распада и смерти, празднующих мстительную победу, Проханов отчетливо и мужественно произносит слова спокойного самоприговора. Он полностью оправдывает ГКЧП, во всеуслышание обреченно и собранно произносит роковые слова.

На нем сходится пульс исторического достоинства. В этот момент он совершает редчайшее действие, на которое мало кто способен. Он продолжает сохранять верность тому, что со всей очевидностью и фатальностью проиграло. Он утверждает на практике высшее качество человека — идти против всех, когда ясно, что этот путь обречен.

Такого жеста я в своей жизни не видел. Он встал лицом к лицу с историей, с ее страшной, свинцовой мощью, и спокойно сказал, что не согласен с общепонятным ходом вещей. Так можно поступить только находясь в духе.

Он остался последним на последнем рубеже. Позади зияла пропасть.

4. Паладин пустоты

После августа 1991 года наши отношения изменились качественно. Я утратил остатки осторожности в отношении “советской” фигуры. Проханов, видимо, решил идти навстречу тем идеям и концепциям, которые не укладывались ранее в вялотекущие взгляды “официальных государственников”. Я думаю, что сам он испытал глубочайший шок.

Проханов верил в Советское Государство, был предан Советскому Государству, служил Советскому Государству и ... его Системе. Но он продолжил эту веру и это служение дальше особой запретной черты, за тот предел, где остальные чиновники-государственники выходят из игры, печально или бесстыдно (в зависимости от темперамента), сдают высоты, мандаты и позиции, угрюмо вытаскивая из внутренних карманов аккуратненький белый платок поражения. Проханов доказал, что принимает все серьезнее и глубже, чем это делали те, которых он искренне считал своими вождями, своими авторитетами, своими полководцами. Так и Аввакум когда-то страстотерпно доказал, что абсолютная покорность Царю и предельное уважение к церковной дисциплине в определенной ситуации не останавливают русского христианина от восстания и утверждения Истины вопреки всему.

Этот же столь внятный дух Консервативной Революции заиграл в Проханове. Истинно русская природа “духовного христианина”, способного к утверждению покорности через бунт, верности большинству через отрицание его правоты. Своего рода советское, государственническое исповедничество.

Проханов, певец Системы, остался верен Системе даже тогда, когда она рухнула. На это не способен ни один конформист, это противоречит самой логике Системы, основанной на абсолютизации сиюминутного, на полной покорности социальному року, на шкурности и имитации, которую мы имели случай созерцать последние годы в небывалом объеме. Но тем фактом, что нашелся кто-то один, кто сказал “нет”, было доказано, что в защищаемом уходящем строе было иное содержание и иной смысл, нежели банальности бесхребетной массы жадных аппаратчиков, готовых служить кому угодно.

Поступок Проханова в августе имел важнейшее историософское содержание, поскольку его отсутствие или наличие имеет прямое отношение к постижению логики идеологической истории.

Но после августа он оказался в роли паладина пустоты.

Советский Дон Кихот в окружение свиней, отставших от обоза и притворяющихся “пострадавшими”. Проханов стал моральным и психическим хребтом патриотической оппозиции после августа 1991. Осью нашего сопротивления, полюсом всего того, что было в эти годы окрашено в тона реального героизма и несимулированного достоинства.

Газета “День” под его руководством стало отражением его души, и та композицию, которую он создал из идей, личностей, тем, персонажей, взглядов, текстов, позиций, не имела никакого аналога. Каждый номер отвечал пульсу истинной истории. Каждая строчка ожидалась с жадностью теми, кто стал прозревать, пробуждаться, распрямляться вместе с ритмом этой газеты.

Прохановский “День” стал настоящим “кораблем” в океане бесстыдства и гиперконформизма.

5. Оплодотворение патриотизма

Сделав все, что мог, для чести и верности, собрав, склепав народную оппозицию из разрозненных осколков, из не совсем покорных и не совсем безразличных сил, движений, людей, Проханов оказался мотором всего героического периода нашего сопротивления от 1991 по 1993 годы. Если внимательно проанализировать “День” того времени и сравнить его с другими “патриотическими” и “оппозиционными” изданиями, то сразу заметна удивительная разница между живым и фиктивным, между новаторским и имитационным, между искренним и поддельным. Прохановский “День” говорил все и до конца, круша предрассудки обывательских кадровых изданий, воспитывая и организуя массы, открывая обалделым от всего происходящего советским людям неожиданные новые идеологические и политологические горизонты, срывая мировоззренческие табу, бесстрашно бросаясь в неожиданные духовные эксперименты. Это было своего рода оплодотворением патриотизма. Будто в постно-скопческую, уныло и по-чиновничью юдофобскую преснятину вкололи сыворотку пассионарности.

Евразийство и геополитика, империя и третий путь, консервативная революция и национал-большевизм, континентализм и традиционализм, новые правые и новые левые, неосоциализм и неонационализм, православный нонконформизм и исламский фундаментализм, национал-анархизм и панк-коммунизм, конспирология и метаполитика стали постоянными темами “Дня”, разрывая дрему банальных клише ординарных “консерваторов”. Но, видимо, чтобы не пугать кадровых, Проханов добавлял в кипящий котел нонконформизма полотна угрюмых авторов из “старых правых”, бубнящих о своем в привычном для среднего патриота ключе. Эта шифровка Проханова была необходима, как разбавление лекарства, иначе, в более концентрированном виде, пост-советские люди (даже самые лучшие из них) новаторства переварить не смогли бы.

Сам Проханов часто говорит, что просто “открыл шлюзы всему, что хотело выплеснуться наружу”... Но он явно скромничает, почему же десятки балбесов-редакторов из других патриотических изданий продолжали угрюмо свои нудные и бессодержательные внутренние разборки, по сотому разу повторяя опыстоливший хоровод публицистов и писателей из прошлого, давно утративших (или никогда не имевших) представление о реальности, об идеях, о вызове времени, тщеславных, трусливых и плоских...

Проханов уникален тем, что его темперамент, его тип, его природа наследуют в огромной мере молоканский, нонконформистский, национал-радикалистский дух свободы и независимости, дух восстания, дух непокорности, дух обособленности. Этой своей чертой Проханов пугал и пугает “кадровых”. По этой причине Мамлеев назвал его “нашим”. В этом заключается готовившийся не одно столетие феномен прохановского “открытия шлюзов”.

Поведение Проханова эпохи “Дня” в контексте патриотической оппозиции было поведением мужчины в среде взурмяненных (или вялых) теток. Кшатрийский темперамент, стремление осуществить, воплотить задуманное и намеченное, причем здесь и сейчас.

Проханов проецировал свой архетип на других, не просто влияя на читателей, но создавая читателей, вызывая читателей из небытия, формируя их, утверждая, что они должны быть, даже в том случае, если их нет. Не только газетная, но социальная, антропологическая верстка. Она была сложнейшей и напряженнейшей. Но сулила невиданные результаты. На карту бала поставлена судьба величайшего народа и его государства. Жизнь или смерть зачарованной, уникальной нации.

Но...

6. Неудачные тени

Горькие слова застывают на языке, но столь серьезные темы, что не возможно их опустить.

Проханов сделал многое, очень многое, сделал столько, сколько никто в патриотическом движении не сделал. Ему по праву должно было бы принадлежать первое или рядом с первым место в патриотическом движении на его героическом этапе. Однако случилось иначе.

Всех причин того, что роль Проханова была релятивизирована, достоверно я не знаю. Могу только догадываться. Но многие силы (и в том числе среди “патриотов”) были брошены на то, чтобы не допустить всеобщего признания объективного первенства “Дня”, центрального значения лично Проханова. Этого он сам, конечно, избежать не смог. Он смог бы избежать другого.

Был переломный момент, когда все решалось. Решалось в редакции газеты “День”. Тогда, именно тогда в 1992 — 1993 году закладывались модели и формулы оппозиции, действие которых предопределило в огромной мере все последующие события и поражения.

Мы стояли посреди хаоса позиций, партий, групп, организаций. И, в принципе, от Проханова во многом зависело, какие движения и каких персонажей поддержать, вывести в центральные фигуры, какие темы сделать приоритетными, а какие наоборот сдвинуть на периферию.

Лично я считал и продолжаю считать, что не следует первостепенному ставить над собой второстепенное, достойному поддерживать недостойное, полноценному продвигать к социальным верхам ущербное. А следовательно, лучше было бы Проханову возглавить тогда кипящий котел оппозиции самому. Он пошел другим путем, и тогда я в первый раз почувствовал тревожные обертона грядущего провала.

Понятно, что в неразберихе того времени на видные роли — в том числе среди патриотического движения — пробрались личности случайные и незапланированные историей. Но при определенной настойчивости Проханов мог бы сопутствовать их закату более активно. Он этого не сделал, пытаясь собрать разношерстную кампанию, не имеющую часто ничего в голове, а тем более за душой, в общий фронт. Это был синкретизм вместо синтеза, подмена идеологического объединения лозунговым. И за всем этим брезжило ностальгия Проханова по определенности, устойчивости, надежности Системы, т.е. внутренняя симпатия к кадровому. Он мало поддается внушению, но определенные элементы системы зачаровывают его. Депутаты, кабинеты, селекторная связь... Как

будто магия исчезнувшей Империи имела над ним необъяснимую власть. Так саднит у инвалидов отсутствующая конечность.

И из бестелесных паров ностальгии Проханов мало-помалу стал призывать к жизни монстров. Из грез его выпрастывались солидные тушки стиля Старой площади, фантомы аппаратчиков-государственников, миражи “служилых людей”. Каббала называет это “диббук”, “воскресшие дурные мертвецы”.

Сегодня дежекциями этого прохановского ностальгического магнетизма наполнена половина Думы. Странно, но на иврите “Дума” (с ударением на последний слог) — имя демона кладбищ.

7. Перпендикулярный возраст рождения

Кого любишь, того и судишь. Я все же думаю, что отказ от первой роли не только скромность. Возможно, что Проханову невыносим вкус бездны, в которой он очутился. Но у нас нет иной перспективы, кроме как попытаться организовать новый мир из нового центра, новый порядок из нового архетипа, новую нацию и новое государство, отправляясь от новой личности.

Проханов несомненно лучший из настоящих. Но все в этом настоящем настолько постыло, что, может быть, не так выразительна эта искренняя и объективная похвала.

Я думаю, что необходимо заново собраться, напрячься, вспомнить все, ощутить в крови голос, шепот, рев предков, вой обособленной Родины, нашей последней Руси, и отряхнуть некромантические могильные скорлупы в депутатских костюмах. Умерший человек никогда не возвратится к состоянию старца, а старцу никогда не быть больше юношей. Новое Рождение перпендикулярно всем возрастам. Новая Жизнь по ту сторону как старой жизни, так и старой смерти. Это справедливо для человека, это справедливо и для народа, и для государства.

Нам надо зачать и родить Новую Русь. И в ней воплотится Русь Вечная. Просто к старому возврата нет.

Среди строгих и рациональных кавказских молокан с довольно пессимистическим складом ума иногда появлялись проповедники иного рода. Разновидность хлыстов — прыгуны. Они проповедовали необходимость дикого телесного ажиотажа, взвинченного эзотерического духовного радения, выкликивания из-за грани потустороннего новой реальности, Нового Града. И бывало, что и молоканские наставники — прямые предки Александра Андреевича Проханова — подавались на этот вызов экстатического делания. Прыгуны, посланцы невиданной энергии, призывающие сделать фатальный шаг за черту, за бритвенную черту ночи, чтобы выплыть с обратной стороны, не сожалея более о закате, но достояная из бездны полночи новое солнце, упование Новой Зори...

Плоть застывает. Плоть империи — тоже. В некоторых фатальных случаях ее не отогреешь. И тогда надо прыгать. В бездну. В неизвестное. В ночь. Чтобы обрести там — в риске и тайне последнего, предельного подвига — Новое Рождение. Родину. Нашу Родину.

А.ДУГИН

ЕВРАЗИЙСТВО И СТАРОВЕРИЕ

1. Старое против древнего

Евразийское движение является наиболее ценным источником вдохновения для современной политической мысли России. С гениальным почти пророческим чувством будущего исторические евразийцы сумели поставить диагноз политической истории России в XX веке еще в 20-е и 30-е года — тогда, когда все было далеко не так очевидно, как сегодня. Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Н.Н.Алексеев и другие евразийцы выковали абсолютную формулу истинного русского патриотизма, обобщающую положительные стороны и белой и красной идеи. Вместе с тем евразийцы точно вычленили все недостатки казенного и антирусского романовского периода (который они называли “периодом антинациональной монархии”) и предсказали главную причину неизбежного краха большевизма, которая заключалась в антирелигиозной и западнической составляющей этого интереснейшего политического учения.

Но наряду с критикой магистральных и одинаково неприемлемых проектов развития русской государственности — и революционного и реакционного — евразийцы разработали общие контуры позитивной, созидательной творческой альтернативы, русский проект Консервативной Революции.

Основатель евразийства князь Н.С.Трубецкой с предельной ясностью описал сущность евразийского проекта в программной статье “У дверей”:

“Новаторство не в отказе от прошлого, а в отталкивании от непосредственного, недавнего прошлого, в перескакивании через него и в идеологическом примыкании к эпохам более отделенным. Эти очень древние элементы, почерпнутые из глубины исторической памяти, оказываются новыми и революционными именно благодаря пересадке в новый контекст. Элементы отдаленного прошлого, вырванные из исторической перспективы и пересаженные в новый для них контекст современности, начинают жить совершенно новой жизнью и становятся способны вдохновлять к подлинно новому творчеству. Следует отличать старое от древнего.”

Древнее против старого. Блистательное позавчерашнее, совпадающее с героическим завтрашним, против недостаточного вчерашнего и выросшего из него постылого сегодняшнего. Высшая формула глубинного евразийского патриотизма. Ключ к уникальному мировоззренческому синтезу. Концептуальный механизм, позволяющий легко преодолеть те противоречия между “революцией” и “реакцией”, между “белым” и “красным”, которые не фатально не дают консолидировать весь

творческий духовный исторический потенциал русского народа в единую волю, в единый проект, в единое свершение. И этим расколом неизменно пользуется внешний и внутренний враг. Западники, атлантисты, проводники “романо-германского”, отчуждающего, русофобского влияния.

Только евразийское мировоззрение и евразийская консервативно-революционная логика способны сплотить наш народ, вывести его на органичный и естественный исторический путь. Быть может, именно сегодня мысль наших евразийцев 20-х — 30-х годов актуальна и современна как никогда ранее.

2. Москва превыше всего

Евразийцы недвусмысленно выделяли тот этап русской истории и русского государства, который был для них образцом. Это — “Московская Русь”, наследница одновременно и Византии и империи Чингисхана, торжество великорусской стихии, “бытового исповедничества” чистейшего Православия, колыбель и матрица великого евразийского государства.

Именно на отрицании основных принципов “Московской Руси” строилась, по мнению евразийцев, “романовщина”, “антинациональная монархия”, двухсотлетнее “романо-германское” иго. Почти все в этом послераскольном периоде российской истории было порочно, пародийно, антинационально. Только разрозненные фрагменты и смутные пространственные импульсы светлого “Московского периода” сохранились в народных массах и в инерции геополитических начинаний. Но сущность, тонкий дух Святой Руси, чистота национальной доктрины, тайна священного национального и государственного бытия были безнадежно утрачены.

Евразийцы утверждали: в Октябрьской революции виноват только царизм, только “романовщина”, “романо-германское иго”. Большевизм был неизбежен. Его положительные стороны — в отрицании Запада, в обращении к Азии, в выведении на поверхность новой элиты из низших (а поэтому наиболее национальных и ценных) слоев русского общества. Его отрицательные стороны — в использовании доктрин, заимствованных с Запада, в отказе от Православия и от учета национальных традиций.

Евразийцы предлагали третий путь, новое авангардное решение. Оно состояло в возврате к “Московской Руси” через использование некоторых наиболее эффективных сторон большевистской практики. Сочетание крайнего национального архаизма с новейшими социально-политическими технологиями. Синтез противоположностей.

В политической, геополитической, социальной и юридической сферах евразийцы выработали достаточно полный арсенал методологий и доктрин, большинство из которых идеально соответствуют потребностям современного этапа российской истории. И не вызывает сомнений, что адаптация евразийства к нынешним условиям в самое ближайшее время станет основной мировоззренческой задачей любой ответственной власти в России. Кризис западнической линии, воплощенный в крахе наиболее экстремистской ее формы — российского либерализма — не может не вызвать резкого движения общественного сознания в сторону евразийской позиции. Этот процесс идет полным ходом уже сейчас.

Но исторические евразийцы не совершили последнего шага в религиозной сфере, предполагаемого всем остальным. Декларируя верность русскому Православию в его подлинной, “московской” версии и почитая Аввакума, они колебались поставить все точки над *i* и сделать решающий вывод.

3. Старая Вера для Новой Руси

В религиозной сфере евразийская теория неизбежно приводит к утверждению того, что подлинным Православием, наследующим непрерывную традицию “Московской Руси” является русское старообрядчество, Древле-Православная Церковь. Ровно в такой степени, в какой антинациональная монархия Романовых привела Россию к катастрофе XX века, никонианство, подчиненное, обмирщвленное, послушное, синодальное, казенное “православие” привело русских к атеизму и сектантству, обескровив истинную Веру, бросило народ в объятия агностицизма, бытового материализма и ересей. Западническая сущность псевдо-монархического послепетровского Государства точно отражалась в синодальном никонианском “православии”. Европеизированные, озападненные, русофобские по сути верхи Империи трансформировали официальную Церковь в некий аналог государственного департамента. Это не могло не сказаться на самой природе Русской Церкви. Истинный православный дух ушел в народ, в низы, в раскол.

Именно к старообрядчеству, как к подлинному аутентичному русскому Православию логично было обратиться и евразийцам. Так оно и было: Н.С.Трубецкой (вместе с другими евразийцами и вообще лучшими политическими и религиозными деятелями своей эпохи, такими как еп. Андрей Ухтомский) полностью признавал правоту Аввакума, традиционность двуперстия, незаконность “разбойничего собора 1666 года”, никонианской sprawy, неоправданность и ошибочность перехода к малороссийской редакции Священных и богослужебных текстов от редакции великоросской, московской. Но возможно “барское”, аристократическое, ”кадровое” происхождение вождей исторического евразийства препятствовало тому, чтобы однозначно и полностью признать не только историческую (это как раз было), но и экклесиологическую, церковную правоту староверов. Староверие воспринималось дворянством как “религия черни”, и элитаристы (а евразийцы были именно таковы) испытывали “классово” предопределенную сдержанность в отношении “простонародной веры”. Народники и эсеры шли в этом вопросе намного дальше, но им, увы, в свою очередь не доставало традиционалистского концептуального аппарата, а также они недостаточно люто ненавидели Запад, либерализм и рационализм, чтобы отвергать некоторые вторичные рационалистические напластования в старообрядчестве. Кроме того, эсеры вслед за Толстым не делали особого различия между импортированными протестантскими, баптистскими ересями и собственно русской Православной Верой, какой является старообрядчество.

Возрождение евразийства в наше время, новое обращение к вечному, надвременному, сакральному идеалу “Московской Руси”, Святой Руси, требует от нас мужественного столкновения с этой проблемой. Евразийство сегодня не может не сопровождаться религиозным обращением к Старой Вере, к Древнему Православию.

Благодаря такой позиции русские могли бы найти не противоречивый ответ на то радикальное недовольство современной Церковью, которое все яснее дает о себе знать. Но отрицание ханжеского, слабосильного, лицемерного, конформистского,

обескровленного и вяло распадающегося “православия” никонианского типа не должно отбрасывать русских в лживые объятия ересей и темных атлантистских сект. Истинная русская Вера — Вера Христова и Церковь Христова. Предать ее означает предать самое ценное национальное зерно. И в этом смысле спасением является обращение к Древлеправославной Традиции или по меньшей мере к Единоверию, предполагающему признание полной доктринальной, ритуальной и исторической правоты старообрядчества, но при терпимости и лояльности к РПЦ.

Старое нас погубит. Затормозит наше развитие. Вовлечет в лабиринты не снимаемых конформистских противоречий и компромиссов.

Древнее нас спасет.

Евразийство будет до конца логичным только в том случае, если оно будет основываться на возврате к старообрядчеству, к древней и истинной Русской Вере, к подлинному Православию. Что бы там не шипели традиционные недруги нашего национального возрождения. А такие люди есть не только среди откровенных западников (что очевидно), но и среди консерваторов, реакционеров, защитников инерции, косности, застоя.

Будущее в далеком прошлом. Как сказал современный идеолог староверия Андрей Езеров в своей программной статье — “Старая Вера для Новой Руси”.